

ВІСНИК

НАУКОВИЙ ЖУРНАЛ
Заснований у жовтні 2010 р.
Виходить 2 рази на рік

ДНІПРОПЕТРОВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ
імені АЛЬФРЕДА НОБЕЛЯ

СЕРІЯ

ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ

ЗМІСТ

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ ЛІТЕРАТУРИ ТА ЛІТЕРАТУРНОЇ КРИТИКИ

- Агазаде Ф.А.**
Проблеми азербайджанської емігрантської літератури в научному наслідуванні Азіза Мірахмедова..... 5
- Гусейнова К.А.**
Літературна особистість і суспільно-культурне середовище як проблема в дослідженні азербайджанської літератури нового періоду 11
- Наєнко М.К.**
Війна, письменник, безвісти... 16
- Пахсарьян Н.Т.**
Етапи історії перекладу в Франції (опит енциклопедичної статті)..... 22
- Jafarova K.**
Realism is postmodernism 27
- Sukhenko I.**
From nature beliefs to the politicized ecocriticism: a brief glance on Ukrainian eco-imperatives formation 33

ЛІТЕРАТУРНІ ТРАДИЦІЇ: ДІАЛОГ КУЛЬТУР ТА ЕПОХ

- Исмаилова Т.А.**
Психологізм в творчестві А.П. Чехова і Джалила Мамедкулізаде..... 39
- Раскина Е.Ю., Устиновская А.А.**
Перекличка трьох голосів: Данте Алігьєри, Данте Габріель Россетти і Н.С. Гумілев 46

Програмні цілі – висвітлення результатів новітніх досліджень та досягнень філологічної науки за всіма напрямками і аспектами її розвитку та практичного застосування.

Для наукових працівників, фахівців-лінгвістів, літературознавців, перекладачів, студентів, широкого кола науковців і дослідників всіх напрямів розвитку філології.

Журнал «Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля». Серія «Філологічні науки» зареєстровано в міжнародних наукометричних базах Index Copernicus, РИНЦ (ліцензійний договір № 77-02/2013 від 04.03.2012 р.) та Google Scholar.

Матеріали публікуються змішаними мовами.

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 20202-10002ПР від 18.07.2013 р.

Журнал затверджено до друку і до поширення через мережу Інтернет за рекомендацією вченої ради Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля (протокол № 8 від 10.11.2015 р.).

2 (10) 2015

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЕСТЕТИКИ ТА ПОЕТИКИ ЛІТЕРАТУРНОГО ТВОРУ

Дадашова І.С. Автобіографізм в прозе Ельчина (на основі роману «Ильяс Эфэндиев: личность и творчество») ...	52
Сидеиф-заде С.А. Жанр «фантази» в сучасній азербайджанській прозі.....	59
Сорокіна Л.М. Аналіз міфопоетического простору московських фельєтонов М.А. Булгакова	65
Худиева Г.С. Мотиви протеста проти радянської імперії в творчості письменника-дисидента Сабира Азери	70

БІБЛІОГРАФІЧНІ ТА ІСТОРИКО-АРХІВНІ ДОСЛІДЖЕННЯ

Патлянь Ю.В. «Дело № 48 Харьковского ветеринарного института о принятии в число студентов Ерошенко Александра Яковлевича» (1912–1916)	75
---	----

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ЛІНГВІСТИКИ ТА ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЇ

Мізін К.І. Методологічна валідність лінгвокультурології VS зіставної лінгвокультурології: аргументи та контраргументи	104
Зірка В.В. Изучение правдоподобного текста в рекламе студентами-филологами.....	111

ЛІТЕРАТУРНА ВІТАЛЬНЯ

Малиновская Н.Р. Память-снег	116
РЕФЕРАТИ (ABSTRACTS)	150
НАШІ АВТОРИ	155
OUR AUTHORS	156

**Головний редактор – Б.І. ХОЛОД,
доктор економічних наук, професор**
(Університет Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

Редакційна рада

Заступник головного редактора
А.О. Задоя, доктор економічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

С.Б. Вакарчук, доктор фізико-математичних наук,
професор (Університет імені Альфреда Нобеля,
м. Дніпропетровськ)

В.В. Зірка, доктор філологічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

В.А. Павлова, доктор економічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

О.В. Пушкіна, доктор юридичних наук
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

Ю.К. Тараненко, доктор технічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

О.Б. Тарнопольський, доктор педагогічних наук,
професор (Університет імені Альфреда Нобеля,
м. Дніпропетровськ)

Редакційна колегія серії «Філологічні науки»

Головний редактор серії
Г.А. Степанова, доктор філологічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

Заступник головного редактора серії
В.В. Зірка, доктор філологічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

Н.П. Бідненко, кандидат філологічних наук, доцент
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

Н.П. Волкова, доктор педагогічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

В.А. Гусев, доктор філологічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

Н.В. Зінцова, кандидат педагогічних наук, доцент
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

Н.І. Ільїнська, доктор філологічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

С.П. Кожушко, доктор педагогічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

М.К. Наєнко, доктор філологічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

В.Д. Нарівська, доктор філологічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

Г.Л. Нефагіна, доктор філологічних наук, професор (Польща)
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

О.І. Панченко, доктор філологічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

Н.Т. Пахсарьян, доктор філологічних наук, професор (Росія)
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

О.Б. Тарнопольський, доктор педагогічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

Т.В. Філат, доктор філологічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

В.Л. Удалов, доктор філологічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

В.В. Калініченко (відповідальний секретар)
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ)

CONTENTS

Topical problems of theory of literature and literary criticism

Agazade F.A. Problems of Azerbaijan emigrant literature in Aziz Mirakhmedov's scientific heritage	5
Huseynova K.A. Literary personality and social and cultural environment as problem in the research Azerbaijani literature of the new period	11
Nayenko M.K. War, the writer, as missing	16
Pakhsarian N.T. Stages of history of translation in France (experience of encyclopaedic article)	22
Jafarova K. Realism is postmodernism	27
Sukhenko I. From nature beliefs to the politicized ecocriticism: a brief glance on Ukrainian eco-imperatives formation	33

Literary traditions: the dialogue of cultures and epochs

Ismailova T.A. Psychologism in A.P. Chekhov's and Dzhaliil Mamekulizade's works	39
Raskina E., Ustinovskaya A. Muster of three voices: Dante Alighieri, Dante Gabriel Rossetti and N.S. Gumilev	46

Topical issues of aesthetics and poetics of a literary work

Dadashova I.S. Autobiographism in Elchin's prose (based on the documentary novel «Ilyas Efendiyev: personality and art»)	52
Sideif-zade S.A. Genre «fantasy» in modern Azerbaijani prose	59
Sorokina L.M. Analysis of myphopoetical spaces of M.A. Bulgakov's Moscow feuilletons	65
Khudiyeva G. Motives of protest against the soviet empire in the creation of dissident writer Sabir Azeri	70

BIBLIOGRAPHICAL AND HISTORICAL RESEARCHES

Patlan Yu.V. «The case No. 48. On the admission of Aleksander Yakovlevich Eroshenko to the students of Kharkov Veterinary Institute» (1912–1916).	75
---	----

Topical problems of Linguistics and Linguoculturology

Mizin K.I. Methodological validity of linguoculturology VS contrastive linguoculturology: arguments and counter-arguments	104
Zirka V.V. Studying of a plausible advert by the students-philologists	111

Literary salon

Malinovskaya N.R. Memory-snow	116
ABSTRACTS	150
OUR AUTHORS	156

Усі права застережені. Повний або частковий передрук і переклади дозволено лише за згодою автора і редакції. При передрукуванні посилання на «**Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля**». Серія «**Філологічні науки**» обов'язкове.

Редакція не обов'язково поділяє точку зору автора і не відповідає за фактичні або статистичні помилки, яких він припустився.

Редактор *М.С. Ярмолюк*
Комп'ютерна верстка *А.Ю. Такій*

Підписано до друку 14.11.2015. Формат 70×108/16. Ум. друк. арк. 13,65
Тираж 300 пр. Зам. № .

Адреса редакції та видавця:
49000, м. Дніпропетровськ,
вул. Набережна В.І. Леніна, 18.
Дніпропетровський університет
імені Альфреда Нобеля
Тел/факс (056) 778-58-66.
e-mail: rio@duerp.edu

Віддруковано у ТОВ «Роял Принт».
49052, м. Дніпропетровськ, вул. В. Ларіонова, 145.
Тел. (056) 794-61-05, 04
Свідоцтво ДК № 4765 від 04.09.2014 р.

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ ЛІТЕРАТУРИ ТА ЛІТЕРАТУРНОЇ КРИТИКИ

УДК 82–94(5): 82–31

Ф.А. АГАЗАДЕ,

*докторант кафедри сучасної азербайджанської літератури
Бакинського державного університету (Азербайджан)*

ПРОБЛЕМЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЭМИГРАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ АЗИЗА МИРАХМЕДОВА

Эта статья написана на основе исследования произведений члена-корреспондента Национальной академии наук Азербайджана, профессора Азиза Мирахмедова, посвященных эмигрантской литературе и литературной критике Азербайджана. Идеи и соображения выдающегося ученого раскрыты через призму научно-теоретического анализа. К исследованию привлечены статьи и работы, написанные А. Мирахмедовым в советский период, а также в период независимости Азербайджана.

Ключевые слова: иммиграция, буржуазные авторы, классическая литература, мошенничество, критика.

Исследование в многостороннем литературно-научном наследии А. Мирахмедова азербайджанской эмигрантской литературы является в современный период особенно актуальным. Видный исследователь, которым является А. Мирахмедов, обращался к эмигрантской литературе как в советское, так и в настоящее время. К данному виду творчества относятся его статьи «Против фальсификации буржуазной науки», «В объятьях бури», «Мечты азербайджанского мыслителя о национальном возрождении», «Ахмедбек Ага оглу», «Али бек Гусейнзаде», интервью «Хочу искупить свою вину» и монография «Ахмедбек Агаоглу» [5, с. 47; 6, с. 135].

Известно, что в советский период о представителях миграционной литературы, об их работах было невозможно выразить объективное мнение [6, с. 7].

В творчестве А. Мирахмедова в советский период так же, как и у других исследователей, работавших по творчеству представителей эмигрантской литературы, было много односторонних высказываний, предвзятостей, попадаются противоречия. Такой подход, конечно, был связан с классовостью и партийностью советской литературы и литературной критики.

А. Мирахмедов в своей статье, написанной еще в советские годы, под названием «Против лживости буржуазной науки» (1974) в соответствии с политическими и идеологическими требованиями времени восхвалял коммунистическую партию, марксистско-ленинскую методологию и критиковал тех представителей литературы, которые выступали против их односторонней позиции. Среди тех, кто выступал против коммунистических идей, были и представители эмигрантской литературы, и, как отмечалось в статье, сюда относятся и «деятели-мусаватисты, которые вписали в историю Азербайджана кровавую страницу». А. Мирахмедов критикуя М.Э. Расулзаде, Дж. Гаджибейли и М. Мамедзаде (на самом деле Мухаммедзаде), которые сыграли особую роль в развитии азербайджанской литературы, писал, что указанные авторы якобы использовали историю, публицистику, литературоведение «для сокрытия своих прошлых преступлений», для попытки рас-

пространения «реакционных националистических идей», т. е. в борьбе против коммунизма использовали как открытую политическую войну, так и возможности литературы. В произведении М.Э. Расулзаде «Современная азербайджанская история» говорится о литературе коммунистического содержания, что она «по форме национальная, а по содержанию коммунистическая культура» (в принципе социалистическая – Ф.А.); этот тезис по своему содержанию и смыслу часто встречается также и в антикоммунистических высказываниях А. Джафароглу, подчеркивает А. Мирахмедов [3, с. 81].

В вышеуказанной статье А. Мирахмедов пишет о А. Джафароглу, который большую часть своей сознательной деятельности занимался разработками различных проблем востоковедения, что он имел тесные связи с антисоветскими кругами, «клеветал на культуру социалистического реализма», в журнале «*Türk kültürü*» выступал против принципа партийности литературы, тем самым проявлял в открытой и явной форме враждебность в отношении СССР, его коммунистической партии.

А. Мирахмедов также старался показать, как «реакционные авторы» обращались к классической литературе и периодической печати, однако в некоторых моментах он стремился показать, что эти источники вроде бы были искажены, построены на фальсификации. Это обосновывается тремя доводами, в которые потом вносилась ясность. Один из доводов заключается в том, что якобы «буржуазные идеологи» использовали имена и авторитет классиков. Поскольку по своей сути и высоким идеалам классическая литература противоречит буржуазным социальным отношениям и идеологии «буржуазной литературы», то классическая литература при этом начинает искажаться и фальсифицироваться. Вторая причина связана с противоречивой позицией в подходе к творчеству классиков, когда «буржуазный ученый» проповедует идеалистические взгляды и соблюдает принцип «искусство для искусства». Наконец, третья причина в том, что «буржуазные ученые», так же, как и «буржуазные творцы», завися от владельца «кошелька», к классической литературе подходят с классовых позиций капиталиста [4, с. 18].

Автор подчеркивает, что в произведениях «буржуазных авторов» искажения идут в двух направлениях. Якобы здесь идейно-тематический круг классических произведений взят слишком узко, при этом подходу к глубокому общественному содержанию их произведений, в особенности понятиям демократии, гуманизму, свободе с ошибочных методологических позиций. Не ограничившись этим, творчество таких мастеров пера, как Дж. Мамедкулизаде, М.А. Сабир, Н. Нариманов, М. Моджуз, которые своим творчеством способствовали революционным движениям XX столетия, оценивалось лишь с точки зрения раскрытия ими в своих произведениях феодально-патриархальной отсталости, невежества, религиозного мракобесия, и проч. Таким образом, в их творчестве отрицались революционные идеи, проблемы свободы, борьба против реакции и гнета.

Помимо этого, «буржуазные авторы» не упоминали такие проблемы, как утопизм общественно-политических взглядов Низами, борьбу М.Ф. Ахундова против гнета и несправедливости, а также произведение М.Ф. Ахундова «Письма Кемалюд-довле». Отражение подобных проблем в исследовании якобы не соответствует классовым интересам «буржуазных авторов», потому они сосредоточивали свое внимание на философии любви в произведениях классиков, направлениях мистики суфизма, вопросах религии, религиозных течений, художественной формы, а социальная проблематика обходилась стороной.

А. Мирахмедов выступил против мысли А. Юрдсевера о том, что также, как в революционный период 1905–1917-х гг., азербайджанский народ не присоединился ни к одной из партий националистического, социалистического и коммунистического толков, так и редактор журнала «Молла Насреддин» был сторонником единства и солидарности всех представителей народа вне зависимости от классовой, партийной, групповой и культурной принадлежности [1, с. 52]. Напротив, Дж. Мамедкулизаде «в своих художественных произведениях положительно отзывался о научном коммунизме, в своем же творчестве был художником, прошедшим путь от просветительства до революционного демократизма». Как считает исследователь А. Джафароглу, который «подтвердил» эту ошибку А. Юрдсевера и еще более углубил ее, писал в журнале «*Türk kültürü*» о том, что Дж. Мамедкулизаде и все «молланасреддиновцы» (представители журнала «Молла Насреддин», редактором которого был Дж. Мамедкулизаде), являлись националистами и проявляли большие симпатии к

пантюркистам. Нельзя считать, подчеркивает А. Мирахмедов, что они в период Мусавата не отошли от своих идей и предпочтений. Известно, что в период функционирования партии «Мусават» журнал «Молла Насреддин» еще не публиковался.

В то время, когда нерушимая дружба между народами Советского Союза представлялась крепкой, как бастион, А. Мирахмедов в творчестве «буржуазных авторов» коснулся еще одного вопроса. Речь идет о том, что в XIX–XX веках в формировании азербайджанской литературной и общественной мысли они не принимали во внимание роли и влияния классиков русской литературы. Это «буржуазные авторы» объясняли, как попытку нарушить историческую дружбу между народами, к примеру, они писали, что М.Ф. Ахундов вырос лишь на классической азербайджанской литературе, хотя потом он стремился распространить в нашей литературе идеалы и свойства западной литературы. Следовательно, они стремились свести на нет положительные черты русской революционно-демократической идеологии, роль ее в развитии азербайджанской литературы.

А. Мирахмедов во втором томе своего двухтомника «Основы турецкой филологии», изданном при близком участии ЮНЕСКО и материальной помощи этой организации в Висбадене, пишет в связи с широким очерком-обзором А. Джафароглу об азербайджанской литературе, что данный очерк по своей концептуальной значимости не отличается от других его произведений. В особенности следует, как он считает, обратить внимание на статью «Борьба за свободу в азербайджанской литературе», где говорится о сатирических стихах К.Б. Закира и других авторов против царского правления, которые якобы в целом выражают отрицательное отношение азербайджанского народа к России.

Автор считает, что подобное отношение характерно в целом всему народу. Также в вышеупомянутом очерке отмечено, что азербайджанская литература ведет свое начало не с Хагани и Низами, а с Г. Бурханеддина и Насими. А. Мирахмедов пишет о том, что А. Джафароглу характеризует XIX век как век Ренессанса в истории культуры Азербайджана, основной же характерной чертой этого периода является, как он утверждает, борьба азербайджанских писателей против Российской империи за свободу и независимость. А. Мирахмедов слова «борьба за независимость» берет в скобки, поскольку считает, что мнение А. Джафароглу о том, что письма-жалобы сосланных в ссылку по различным причинам Абдуррахмана Ага Дильбаз оглу и Мустафы Ага Арифа следует считать проявлением борьбы против царизма, неверно.

А. Мирахмедов также считал, что А. Джафароглу в своей статье «К проблеме защиты культуры тюрков, проживающих за рубежом» искажает международные литературные связи наших классиков XIX века, показывая, что они якобы изучили только идеи просветительства, причем лишь от Западной Европы, а азербайджанско-русские литературные связи являются изобретением коммунистов. Все это, по мнению А. Мирахмедова, является покушением на национальный суверенитет Азербайджана.

Исследователь подчеркивает, что М.Ф. Ахундов, также как и в последующем советские исследователи, дали широкий научно-теоретический анализ проблем мировой культуры. Имеется в виду то, что М.Ф. Ахундов сам учился у классиков национальной литературы и различных культурных источников, и также был сторонником исследования передовых традиций мировой культуры. А. Мирахмедов подчеркивает, что ряд «буржуазных исследователей» во главе с А. Джафароглу неправильно это восприняли и оценили.

А. Мирахмедов подчеркивает, что «буржуазные исследователи» стремятся принизить роль в общественной мысли Азербайджана прогрессивного просветительства, революционно-демократизма и марксистско-ленинских взглядов, искажая или отрицая их, стремятся «вывести на чистую воду» их литературную и публицистическую деятельность, пантюркистские и панисламистские «приключения». В статье одним из таких авторов указывается Мирза Бала Мухаммедзаде, исследуется его творчество. Отмечается, что вышеупомянутый автор в своем произведении под названием «Национальное азербайджанское движение» М.Ф. Ахундова, который пропагандировал идеи гуманизма и демократических идей, высоко ценил дружбу между народами, а также Г.Б. Зардаби, как редактора газеты «Экинчи», называл панисламистами и пантюркистами, служащим тем самым интересам реакционным кругам.

А. Мирахмедов также среди «реакционных и лживых буржуазных авторов» активно критиковал взгляды А. Юрдсевера, чей литературный псевдоним давал в кавычках (в пере-

воде Юрдсевер означает «любящий отчизну»). Здесь упоминались статьи Юрдсевера, такие как «Жизнь и произведения М.Ф. Ахундзаде», «Место Сабира в азербайджанской литературе», А. Мирахмедов подчеркивает, что автор, напротив, не любит свою отчизну, на самом деле он последователь пантюркистов, не воспринимающий географическую и историческую независимость Азербайджана. А. Мирахмедов не воспринимает идею А. Юрдсевера о том, что годы советской власти являются для нашего народа «обречением на рабство и отсталость». Как ученый-литературовед А. Мирахмедов стремился показать необъективный характер высказываний А. Юрдсевера, таких как «исследования коммунистов об азербайджанской литературе далеки от объективности и точности», и проч.

На самом же деле А. Юрдсевер хорошо знал творчество азербайджанских классиков, их художественное наследие, однако А. Мирахмедов считал, что эти знания тот использовал лишь для приспособления их к своей антисоветской и националистической идеологии. Согласно А. Мирахмедову, именно поэтому в произведениях А. Юрдсевера нет ни одной правильной, верной мысли. Объектом критики А. Мирахмедова были такие идеи, как то, что А. Юрдсевер подчеркивал, что Н.Б. Везиров, приветствовавший революцию, после нее замолк и не писал больше произведений, произведения классиков азербайджанской литературы не ставились на советской сцене, достаточно не публиковались, а М.А. Сабир, разоблачавший, будучи молланесреддиновцем, пантюркизм и панисламизм, будучи автором стихотворения «Наши туранисты», был обвинен в идеализме и пантюркизме.

Все это дало основание А. Мирахмедову обвинять А. Юрдсевера в лжепатриотизме, назвать его человеком, видящим азербайджанскую литературу в «кривом зеркале». А. Мирахмедов пишет, что помимо него, данную позицию А. Юрдсевера серьезно критиковали также большие советские ученые К. Мамедов, Н. Ахундов и Г. Мамедзаде в своих монографических исследованиях. Однако фактически А. Юрдсевера критиковали за то, что в творчестве этого автора явно просматривались патриотизм и национализм.

А. Мирахмедов в своем сборнике статей, изданном в 1884 г. и названном «Караван мыслей», также пишет о творчестве Ахмедбека Агаева. В этой статье проанализирован весь жизненный и творческий путь А. Агаева, причем оценка этого пути не всегда однозначна. А. Агаев представлен как критик, ученый-востоковед, публицист, общественный деятель, одновременно известный в Азербайджане, на Ближнем Востоке, в Центральной России и Западной Европе «буржуазный идеолог». А. Мирахмедов считал, что наследие А. Агаева нуждается в дальнейшем исследовании, поскольку «его жизнь и политически-культурное творчество было достаточно противоречиво». Известно, что А. Агаев писал свои произведения на азербайджанском, русском, французском языках и публиковался в соответствующей прессе. Деятельность его была многоаспектна, и произведения все еще не собраны воедино. Очевидно, что А. Мирахмедов несколько изменил свои позиции в отношении богатейшего наследия А. Агаева.

В период независимости азербайджанской эмигрантской литературе стали впервые давать правильную оценку. Сам А. Мирахмедов об этом пишет, что время лжи прошло, пришло время истины. Он в своем интервью «Хочу смягчить свою вину», статье «Среди бурь», а также в опубликованной после его смерти монографии «Ахмед Бек Агаоглу» более объективно оценивает творчество представителей эмигрантской литературы Азербайджана.

В статье «Среди бурь» А. Мирахмедов излагает свои мысли о выдающихся представителях Азербайджанской демократической республики, в особенности о своих дружеских связях с М.Э. Расулзаде, о том положительном воздействии, которое оказали на него эти связи.

А. Мирахмедов пишет о том, что, несмотря на то, что произведения А. Агаоглу публиковались во многих странах, в частности в Западной Европе, России, Турции, Грузии на многих языках, в Азербайджане его творчество все еще недостаточно исследовано. Исследователь подчеркивал, что творчество А. Агаоглу важно не только для азербайджановедения, но и для тюркологии, иранистики и арабистики.

А. Мирахмедов раскрывает философский и содержательный смысл произведения «В стране свободных людей». Он, в частности, подчеркивал, что А. Агаоглу излагает свое отношение к книге «Дух законов» Шарля Монтескье. В частности А. Агаоглу акцентирует внимание на идее Монтескье о типах государств – республике, монархии и деспотизме, на их подробной характеристике. А. Агаоглу в указанном произведении анализирует такие во-

просы, как правление, основанное на народной власти, свобода, равенство, чистота помыслов и чистота слова, чистота действий, гражданское добронравие, добросовестный труд на пользу народа, управление, основанное на правильном политическом, нравственном, материальном основании и проч. Все это характеризует «страну свободных людей».

Согласно А. Мирахмедову, в этом произведении А. Агаоглу преследовал цель широко комментировать и характеризовать именно республиканский строй, его преимущества. Исследователь подчеркивает, что принципы устройства этого государства, по существу, социалистические. Также следует отметить такую мысль А. Мирахмедова, фактически признание в том, что действительно он дал волю крайнему критиканству в отношении А. Агаоглу, когда писал: «Агаоглу, будучи в среде восточной литературы, человеческой и природной среде Востока, вместе с тем проявлял к ней враждебность» [2, с. 93].

При анализе указанной статьи А. Агаоглу А. Мирахмедов дает здесь и исчерпывающее объяснение своим комментариям. Изложены идеи А. Агаоглу о литературе, литературных жанрах. А. Мирахмедов отмечал, что А. Агаоглу высказывался о жанре касид и других жанрах восточной поэзии отрицательно, считая их вредными и опасными для прогресса. Так, касиды и оды прославляют руководителей страны, приписывают им несуществующие качества, даже оценивая их ошибочные действия как благо, тем самым искажая реальность. Именно поэтому эти жанры (повествования и оды) А. Агаоглу назвал искусством лести, предпочитая честную критику как ведущую сторону развития общества в целом, и литературы – в частности. А. Мирахмедов высоко оценил точку зрения А. Агаоглу, связанную с понятиями нация, патриотизм, гражданство, свобода, нация и интеллигенция, развитие нации.

А. Мирахмедов оценил также позицию А. Агаоглу относительно формирования и становления национальной идентичности. Здесь идет анализ западной и восточной цивилизаций, подчеркивается, что Восток есть колыбель цивилизаций, на Востоке также шел процесс формирования наций, причем здесь развитие духовной культуры, в частности литературы и общественной мысли, шло с опережением. Исследователь отмечает, что «на Востоке национальное мышление, национальное движение начинается с того дня, когда в литературе и общественной мысли зреет понимание данных процессов» [4, с. 263].

Как видно из вышеизложенного, проблемы эмигрантской литературы и литературоведения всегда были в центре внимания азербайджанских исследователей. В особенности здесь следует выделить творчество проф., член-корр. АН Азербайджана А. Мирахмедова. Однако, как и многие другие исследователи, А. Мирахмедов по-разному подходил к предмету исследования и его оценке в годы пребывания в Советском Союзе и в период независимости. Исследователь сам понимал, что у него произошла своеобразная «переоценка ценностей». При этом он стремился «искупить свою вину» тем, что заново переосмысливал свои позиции. Произведения, созданные им в период независимости, основаны на новых методологических позициях, тем самым открывают новые возможности в исследовании эмигрантской литературы и литературоведения для поколений исследователей. Все вышесказанное подтверждает актуальность исследований А. Мирахмедова, их современность как с точки зрения смысла, так и содержания.

Список использованных источников

1. Мирахмедов А. Против фальшивости буржуазной науки (проблемы азербайджанской общественно-литературной мысли) / А. Мирахмедов // Коммунист Азербайджана. – 1974. – № 2. – С. 48–59.
2. Караван мысли (об известных азербайджанских критиках и литературоведах). – Баку: Писатель, 1984. – 348 с.
3. Азербайджанская демократическая Республика. (Сборник статей). – Баку: Азернешр, 1992. – 191 с.
4. Мирахмедов А. Ахмед бек Агаоглу / А. Мирахмедов. – Баку: Аргюнеш, 2014. – 264 с.
5. История азербайджанской литературы: в трех томах. – Баку: Издательство Бакинского университета, 1960. – 906 с.
6. Современная азербайджанская литература: в двух томах: (Учебник для вузов). – Баку: Издательство Бакинского университета, 2007. – 564 с.

References

1. Mirahmedov, A. *Protiv fal'shivosti burzhuaznoj nauki (problemy azerbajdzhanskoj obshhestvenno-literaturnoj mysli)* [Against falsity of a bourgeois science (a problem of an azerbaijani socially-literary idea)]. *Kommunist Azerbajdzhana* [The communist of Azerbaijan], 1974, no. 2, pp. 48-59.
2. *Karavan mysli (ob izvestnyh azerbajdzhanskih kritikah i literaturovedah)* [Caravan of think (about known azerbaijani critics and literary critics)]. Baku, Pisatel', 1984, 348 p.
3. *Azerbajdzhanskaja demokratičeskaja Respublika. (Sbornik statej)* [Azerbaijani Democratic Republic. (The collection of articles)]. Baku, Azerneshr, 1992, 191 p.
4. Mirahmedov, A. *Ahmed bek Agaoglu* [Ahmed bek Agaoglu]. Baku, Argjunesh, 2014, 264 p.
5. *Istorija azerbajdzhanskoj literatury: v treh tomah* [History of the azerbaijani literature: In three volumes]. Baku, Izdatel'stvo Bakinskogo Universiteta, 1960, vol. 2nd, 906 p.
6. *Sovremennaja azerbajdzhanskaja literature: v dvuh tomah (Uchebnik dlja vuzov)* [The modern azerbaijani literature: In two volumes (The textbook for high schools)]. Baku, Izdatel'stvo Bakinskogo Universiteta, 2007, vol. 2nd, 564 p.

Ця стаття написана на основі дослідження творів члена-кореспондента Національної академії наук Азербайджану, професора Азіза Мірахмедова, присвячених емігрантській літературі і літературній критиці Азербайджану. Ідеї та міркування видатного вченого розкриті через призму науково-теоретичного аналізу. До дослідження залучено статті та роботи, написані А. Мірахмедовим в радянській період, а також у період незалежності Азербайджану.

Ключові слова: імміграція, буржуазні автори, класична література, шахрайство, критика.

This article was written based on corresponding member of the National Academy of Sciences of Azerbaijan Aziz Mirahmadov's works devoted to Azerbaijan migration literature and literary criticism. Here the outstanding scientist's ideas and considerations were filtered through the scientific and theoretical analysis existing in his works which he had written in the time of the Soviet and the period of independence.

Keywords: immigration, bourgeois authors, classic literature, fraud, criticism.

Одержано 9.10.2015.

УДК 821.512.162

К.А. ГУСЕЙНОВА,

*докторант Інститута літератури імені Низами
Національної академії наук Азербайджана (г. Баку)*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА КАК ПРОБЛЕМА В ИССЛЕДОВАНИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НОВОГО ПЕРИОДА

В статье рассматривается проблема влияния общественно-культурной среды на формирование литературной личности в XIX веке, являющемся важным периодом истории азербайджанской литературы. Обобщаются сведения о сформировавшихся в литературоведении суждениях относительно характерных моментов эпохи и общественно-литературной среды, анализируются факты и материалы, отражающие отношение литературоведа К. Мамедова к данным вопросам. Признаки и проявление этого можно последовательно и системно проследить как в исследованиях ученого-литературоведа об азербайджанской литературе XIX века, так и в изысканиях теоретического характера.

Ключевые слова: общественно-культурная среда, творец и время, реализм, стилевые тенденции, жанровое разнообразие.

В общественно-политической, социально-экономической и литературно-культурной жизни азербайджанского народа XIX столетие является очень сложным и противоречивым периодом. В результате политики царизма «Разделяй и властвуй!», бесконечных и непрерывных внутренних распрей между ханствами произошло позорное и постыдное событие в истории Азербайджана – аннексия северных территорий страны царской Россией, а южных земель – Ираном. Отношение в общественных кругах к этому событию долгое время было неоднозначным. Временами внушаемый советской идеологией лозунг «Судьба азербайджанского народа тесно связана с Россией» на самом деле являлся наглядным показателем того, что народ, имеющий великие традиции государственности, находился под ярмом эксплуатации, вынужден был жить в условиях угнетения и деспотизма. И в те времена, в более чем семидесятилетний период господования советской идеологии отношение к этому событию было непостоянным, что тесно связано именно с этим фактором. Несомненно, это оказало влияние и на литературно-культурную среду, и на творческую сферу в целом. В соответствующих исследованиях характерные особенности и реальное изображение эпохи иногда запоминаются лишь тем, что оценка в них дается только в идеологическом аспекте.

Вывод одного из авторитетных исследователей азербайджанской литературы XIX века, академика Фейзуллы Гасымзаде об идеологическом аспекте, одно время был таков: «Войдя в этом веке в состав России, азербайджанский народ приобрел возможность навсегда соединиться с великим русским народом (!) и близко познакомиться с его передовой культурой» [3, с. 4]. Это в конечном итоге звучит, как попытка отдалиться от идей независимости и свободы и искать культуру за пределами страны. Однако спустя некоторое время, автор выдвигает точку зрения, которая служит раскрытию сущности этого периода со всех сторон и не стесняется признать истину, соответствующую реальности: «...В истории экономического и культурного развития азербайджанского народа XIX век был противоречивым периодом» [3, с. 5].

Наряду с этим ход событий, напряженность и трудности общественно-исторического положения обращают на себя внимание и другими моментами: они становятся факторами, приводящими литературно-художественную мысль в движение, создающими благоприятные условия для ее развития.

Говоря о процессе развития литературы девятнадцатого века, член-корреспондент НАНА, профессор Яшар Караев выдвигает объективную точку зрения, направленную на анализ литературы и общественно-исторического положения как единого целого: «Большая литература всегда несет большую духовную ответственность перед временем и народом: рассказать миру и истории о волнениях и истинах века! В переходные и поворотные периоды социального прогресса, стоящий на перепутье национальной истории и судьбы народа творец внутренне готов добровольно принять и выполнить эту миссию. В это время его право на духовную ответственность за завтрашний день и будущее народа определяется масштабом и границами личности и таланта самого творца-гения» [2, с. 221].

В исследованиях и изысканиях профессора Кямрана Мамедова история азербайджанской литературы XIX века как отдельный период и этап литературы анализируется именно с подобной принципиальной точки зрения. В это время полная литературно-общественная картина самых характерных особенностей этого отрезка времени выводится на плоскость отношений связи и взаимной общности литературной личности с творческим наследием.

К. Мамедов больше был известен как один из уважаемых исследователей азербайджанской литературы нового времени. С этой точки зрения исследование ученым сформировавшегося в XIX века и достигшего зрелости национального литературно-исторического процесса на фоне существующей общественно-политической среды и событий разнообразного характера в то же время наглядно демонстрирует тесную связь литературной личности с событиями, происходящими в тот период. Это можно наблюдать уже в первых исследовательских статьях автора, в том числе монографическом изыскании под названием «Абдуррахим Ахвердиев». Он представляет литературную личность во взаимосвязи с реальной действительностью того периода, в котором жил и творил классик, а также показывает противоречивые моменты, во многих случаях отражающие сомнения, прогрессивные тенденции, возникающие в мировоззрении Ахвердиева и его представлениях о жизни и обществе.

В первых изданиях монографии дана полная картина общественно-культурной среды Карабаха, выходцем из которого является Абдуррагим Ахвердиев, в особенности, общественно-политического положения, экономической жизни, бекско-землевладельческого строя, земельно-налоговой системы и способа управления в целом в городе Шуше, являющимся одной из центральных областей Карабаха во второй половине девятнадцатого века, и подчеркивается его особая роль в формировании литературной личности.

Еще одной, привлекающей внимание, чертой является то, что в своей вышеуказанной первой книге К. Мамедов несколько увлечен художественным описанием элементов происходящего. Описание природных красот и очаровательных пейзажей географического места, в котором родился классик, в лирико-психологическом стиле ставит читателя лицом к лицу с истинами более сложного и противоречивого периода: «Было 17 мая 1870 года. Занималась утренняя заря, светало. Полные радости и веселья голоса людей, пришедших на эйлаг у родника Дулус булагы на окраине села Амбулаг близ города Шуши, смешивались с утренним ветром и распространялись вокруг. Зеленая поверхность лугов вокруг была так украшена цветами, что напоминала только что сшитое разноцветное платье невесты. И природа, и люди веселились. Все обрадовались родившемуся после долгих мольб к Богу сыну Асад бека. Ребенка называли именем деда – Абдуррагимом» [4, с. 3].

Эти описания, несколько далекие от научного стиля и рассуждений, подобно художественному произведению, создают полное представление о таинственной природе города Шуши, в котором родился и вырос Абдуррагим бек, рисуют сцены человеческой радости и праздника. Также это во всем масштабе указывает на тенденцию самовыражения, считающуюся в годы написания данной монографии (конец 40-х – начало 50-х гг. прошлого века) приемлемой.

В усовершенствованном втором издании монографии автор дает приведенные в качестве образца заметки под заголовком «Оставаться в доме моего дяди... было мучением» [5, с. 3]. Однако наряду с этим здесь ясно выражены попытки выявить самые важные и необходимые факты влияния эпохи и литературно-культурной среды на творческую индивидуальность классика.

Далее, окрыленный шушинской средой, классик расширяет географию и размах своей литературно-общественной деятельности, продолжив ее в Петербурге (нынешний Санкт-Петербург – К.Г.), Тифлисе и Баку. В обоих изданиях монографии фактор личности рассматривается в тесной связи с этими фактами из биографии. Однако существует одна истина – и в последующие творческие периоды К. Мамедова научное исследование литературного наследия выросших и сформировавшихся в Карабахской среде классиков на уровне современных требований носит интенсивный характер. Правильным является следующий вывод: «Его весомые монографические исследования о Касум беке Закире, Наджаф беке Везирове, Абдуррагим беке Ахвердиеве, Юсифе Везире Чемаземинли являются очень ценными трудами в области истории литературы. Наряду с важной научной ценностью, объемные монографии, посвященные вышеупомянутым великим представителям азербайджанской литературы, также имеют особую значимость как «Карабах-наме» национального литературоведения» [1, с. 222].

В монографии К. Мамедова «Наджаф бек Везиров» литературная личность и общественно-культурная среда исследуются как единая проблема. Здесь автор также следует по правильному пути анализа и обобщения характерных черт среды, взрастившей литературную личность. Оживление впоследствии время от времени этого фактора, оставившего глубокие следы в мировоззрении и представлении личности, в его художественном мышлении и конкретных произведениях, оценивается автором как показатель творческого отношения к прожитому периоду, истинам и реалиям своего времени. С этой точки зрения в первой главе монографии отчетливо видны признаки комплексного отношения к проблеме литературной личности и среды. Мы считаем, что эта черта в состоянии выразить значимость вынесенной в заголовок главы проблемы по всем параметрам.

С этой точки зрения глава под названием «Детство, юность и годы учебы. Первые пробы пера. «Один снимок домашнего воспитания». Московская жизнь. Участие в газете «Экинчи» [6, с. 7] в полной мере описывает моменты в жизни литературной личности, связанные как с эпохой, так и с литературно-культурной средой.

В литературной среде Карабаха были также возвращены Касум бек Закир и Юсиф Везир Чемаземинли (несмотря на то, что большая часть жизни и литературной деятельности Юсифа Везира приходится на XX в. – К.Г.). Личность, эпоха, жизнь этих мастеров пера, самые важные стороны среды, в которой они жили и творили, – все это является проблемой, поставленной в отдельных исследовательских статьях и монографических изысканиях Кямрана Мамедова.

В опубликованной в сборнике статей под названием «Касум бек Закир», который был издан Институтом Литературы имени Низами НАНА, статье «Новые документы о Закире» приводятся редкие документы и материалы, которые автор приобрел в Центральном государственном архиве Грузии. На их основе исследуется личность великого представителя азербайджанской сатирико-реалистической поэзии девятнадцатого века, эпоха, в которой он жил, и его связь и отношения со средой. Исходя из собственноручно написанного Закиром заявления, автор статьи описывает характерные черты этого периода, далеко не положительное отношение к творческой среде и литературной личности. С чуткостью подойдя к данной проблеме, К. Мамедов приходит к следующему выводу: «как и в своих реалистических стихотворениях, особенно в написанных М.Ф. Ахундову известных письмах, здесь (речь идет о заявлении поэта, адресованном управляющему гражданскими делами Закавказья Бехбудову – К.Г.) Закир освещает фактами как свою жизнь, так и определенные вопросы истории Азербайджана первой половины XIX века» [7, с. 132–133].

В следующей монографии К. Мамедова из серии «Выдающиеся азербайджанцы», изданной в 1985 г., не принимается во внимание эпоха жизни Закира и важные особенности литературно-культурной среды, напротив, создается широкое представление о его связях и, в большинстве случаев, конфликте и противоречиях, как поэта и творца, с существующим режимом управления и правящими кругами.

В разделе монографии «Касум бек Закир» под названием «Жизнь, прошедшая в борьбе. Друзья» автор рассматривает эпоху, в которой жила литературная личность, на фоне существующей общественно-политической картины. Безусловно, подобный подход приводит к тому, что делается точный и объективный вывод: «Город Шуша, в котором жил Закир, был также военным центром Шекинской, Ширванской, Карабахской и Талышской провинций. Военно-окружной начальник сидел в Шуше. Управление провинцией находилось в руках русского комен-

данта, назначенного главнокомандующим на Кавказе. У коменданта было очень много полномочий. Он всеми силами старался укрепить царскую систему колониального управления» [8, с. 13].

В отличающейся своей теоретической значимостью монографии К. Мамедова «Сатира в азербайджанской поэзии XIX века» [8] моменты, выводящие на передний план отношения творца и эпохи, имеют огромное значение для прослеживания схожих черт и сравнения параллелей между литературной личностью и средой.

Безусловно, исследование общественно-культурной среды, обладающей исключительным влиянием на формирование литературной личности, в научно-теоретическом аспекте на примере конкретного региона и географического пространства создает широкие возможности для полного и разностороннего прослеживания общих эскизов национального литературно-исторического мышления и истории литературы, а также тенденций развития.

В монографии, основной целью которой было последовательное и системное исследование становления сатиры в азербайджанской литературе, в том числе литературно-художественной практике народов Ближнего и Среднего Востока, и отдельных этапов ее развития, явно выражены моменты непосредственного проявления связи и отношений литературной личности с общественно-культурной средой.

Понятно, что несправедливость и негативные случаи, проявлявшиеся при отдельных режимах управления, повседневная жизнь и заботы простых, трудолюбивых масс, извечное противостояние правящих кругов и народных масс, всегда были темой и проблемами, которые отражались в литературе и искусстве, подвергались резкой критике и были одним из основных объектов общественной сатиры. Можно прийти к логическому выводу, что становление сатиры однозначно связано с непримиримыми противоречиями в общественной жизни, негативными случаями, происходящими в культурной среде – отсталостью, невежеством, покорностью, попытками проявить терпение по отношению к мучениям и несправедливости. Все это – четко определенные сатирой объекты уличения. С этой точки зрения, представление в монографии К. Мамедова сатирической тенденции также является литературным движением, способствующим формированию влечения к реализму, и не случайно.

Несомненно, что предпочтение ученым сатиры среди видов и жанров литературы и сатирической поэзии среди образцов литературы, широкое рассмотрение им факторов, выводящих их на передовые позиции в азербайджанской литературе, разъяснение этого как творческой традиции национальной литературно-художественной практики отражают объективную реальность. В исследовании требования и потребности эпохи, возможности распространения литературных фактов и образцов среди широких слоев населения объясняются как один из главных и решающих факторов.

Все эти характерные особенности еще раз доказывают, что наряду с литературно-художественными образцами, созданными в XIX веке, в вопросах теории литературы профессор К. Мамедов также рассматривает связи и отношения между литературной личностью и общественно-культурной средой. Они для него имеют равный статус.

Изучение взаимоотношений между литературной личностью и общественно-культурной средой, как одна из актуальных проблем литературоведения, имеет исключительное значение.

В исследованиях и монографических изысканиях профессора К. Мамедова это черта является одной из лежащих на поверхности особенностей. Об этом наглядно свидетельствуют исследования литературоведа об А. Ахвердиеве, Н. Вирове, К. Закире и Ю.В. Чеменземинли. В статье подробно рассматриваются факторы, которые делают необходимым отношение к литературной личности в контексте периода и общественно-культурной среды, в которой он жил.

Список использованных источников

1. Габиббейли И. Литературный сборник / И. Габиббейли, К. Мамедов // Труды Института Литературы имени Низами Национальной академии наук Азербайджана. – Баку: Элм ве техсил, 2013. – Т. XXIV. – 383 с.
2. Караев Я. История: вблизи и издалека / Я. Караев. – Баку: Сабах, 1990. – 710 с.
3. Касумзаде Ф. История азербайджанской литературы XIX века / Ф. Касумзаде. – Баку: Маариф, 1974. – 488 с.

4. Мамедов К. Абдуррагим Ахвердиев / К. Мамедов. – Баку: Издательство детской и юношеской литературы Азербайджана, 1950. – 356 с.
5. Мамедов К. Абдуррагим бек Ахвердиев (переработанное второе издание) / К. Мамедов. – Баку: Издательство детской и юношеской литературы Азербайджана, 1955. – 366 с.
6. Мамедов К. Наджаф бек Везиров / К. Мамедов. – Баку: Издательство академии наук Азербайджанской ССР, 1963. – 284 с.
7. Мамедов К. Новые документы о Закире. Касум бек Закир: сборник статей / К. Мамедов. – Баку: Элм, 1985. – 232 с.
8. Мамедов К. Сатира в азербайджанской поэзии XIX века / К. Мамедов. – Баку: Элм, 1975. – 264 с.

References

1. Gabibbejli, I., Mamedov, K. *Literaturnyj sbornik. Trudy Instituta Literatury imeni Nizami Nacional'noj Akademii Nauk Azerbajdzhana* [Proceedings of the Institute of Literature named after Nizami of ANAS]. Baku, Jelm ve tehsil, 2013, vol. 24th, 383 p.
2. Karaev, Ja. *Istorija: vblizi i izdaleka* [History: near and far]. Baku, Sabah, 1990, 710 p.
3. Kasumzade, F. *Istorija azerbajdzhanskoj literatury XIX veka* [History of Azerbaijani literature of the 19th century]. Baku, Maarif, 1974, 488 p.
4. Mamedov, K. *Abdurragim Ahverdiev* [Abdurragim Ahverdiev]. Baku, Izdatel'stvo detskoj i junosheskoj literatury Azerbajdzhana, 1950, 356 p.
5. Mamedov, K. *Abdurragim bek Ahverdiev (pererabotannoe vtoroe izdanie)* [Abdurragim Ahverdiev (the advanced second edition)]. Baku, Izdatel'stvo detskoj i junosheskoj literatury Azerbajdzhana, 1955, 366 p.
6. Mamedov, K. *Nadzhaф bek Vezirov* [Nadzhaф bek Vezirov]. Baku, Izdatel'stvo Akademii Nauk Azerbajdzhanskoj SSR, 1963, 284 p.
7. Mamedov, K. *Novye dokumenty o Zakire. Kasum bek Zakir: sbornik statej* [Zakir new documents. Gasim bey Zakir: collection of articles]. Baku, Jelm, 1985, 232 p.
8. Mamedov, K. *Satira v azerbajdzhanskoj poezii XIX veka* [Satire in Azerbaijani poetry of the XIX century]. Baku, Jelm, 1975, 264 p.

У статті розглядається проблема впливу суспільно-культурного середовища на формування літературної особистості в XIX сторіччі, що є важливим періодом історії азербайджанської літератури, узагальнюються відомості про думки, що сформувалися в літературознавстві щодо характерних моментів епохи і суспільно-літературного середовища, аналізуються факти і матеріали, що відображають ставлення літературознавця К. Мамедова до цих питань. Ознаки і прояв цього можна послідовно і системно простежити як у дослідженнях ученого-літературознавця щодо азербайджанської літератури XIX століття, так і у розвідках теоретичного характеру.

Ключові слова: суспільно-культурне середовище, творець і час, реалізм, стильові тенденції, жанрове розмаїття.

The problem of the influence of socio-cultural environment on the formation of a literary personality in the XIX century is an important period in the history of Azerbaijani literature, summarized information formed in literary judgments about specific moments age and socio-literary environment, analyze the facts and materials reflecting the attitude literary K. Mamedov to these issues. Signs and manifestation of this can be traced consistently and systematically as a research scientist and literary critic of the Azerbaijani literature of the XIX century, and in theoretical investigations.

Key words: socio-cultural environment, the creator and time, realism, style trends, genre diversity.

Одержано 21.10.2015.

УДК 821.161.2

М.К. НАЄНКО,
*доктор філологічних наук,
професор кафедри слов'янської філології
Київського національного університету імені Тараса Шевченка*

ВІЙНА, ПИСЬМЕННИК, БЕЗВІСТІ...

Йдеться про письменників – учасників бойових дій у Другій світовій війні та відзначення їх нагородами, що зафіксовано на інтернетних сайтах «Подвиг народа» і «Память народа». Автор звертає увагу також на твори тих авторів, що писали про війну, та на участь у війні так званих ширших народних мас.

Ключові слова: війна, література, письменник, художність, бойові нагороди.

Найкращий винахід людства – добре спечена хлібина. А найгірший – війна. Коли О. Довженко натрапив на вираз «мистецтво війни», то зразу ж прокоментував: це таке ж «мистецтво», як і шизофренія або чума [2, с. 30]. Дехто вважає, що війна – продовження політики, але іншими, збройними засобами; на думку ще інших, війна є навіть двигуном прогресу. От, мовляв, ведучи війни, людина рухається до нових форм життя і відтак – удосконалює саму цивілізацію. Цікаво, що б сказав у зв'язку з цим художник В. Верещагін, який створив картину «Апофеоз війни»? На ній, як знаємо, зображена гора людських черепів. Може, це і є отой «прогрес»? А ще цікавіше, що в такий «прогрес» досі вірять деякі сучасні політики. І тому спочатку анексували з допомогою військових «зелених чоловічків» український Крим, а потім розв'язали безстрокову (мабуть) війну на українському Сході. Шукаючи характеристики таких політиків, я спинився на поетичному виразі Ліни Костенко про душу, яка досі «з дерева не злізла». Дослівно в неї це звучить так:

*Мабуть, ще людство дуже молоде.
Бо скільки б ми не загинали пальці, –
XX вік! – а й досі де-не-де
трапляються іще неандертальці.
Подивися: і що воно таке?
Не допоможе й двоопукла лінза.
Здається ж, люди, все у них людське,
але душа ще з дерева не злізла [5].*

Отакій «прогрес». Надворі XX століття, а серед людей досі трапляються неандертальці, душі яких досі не злізли з дерев. І вважають, що без війни проти собі подібних ніякого прогресу не досягнеш.

Відомо, що першим поетом, який пішов на війну, був грек Архілох. Трапилося це в VII ст. до н. е. А пішов він на ту війну таки заради... прогресу. Прогресу, проте, у своєму особистому житті: будучи (як, загалом, і всі поети) до краю злиденним, він у такий спосіб вирішив поліпшити своє фінансове становище. Інакше кажучи – вирішив трохи підзаробити на війні. Не відомо, чи це допомогло йому здолати свої злидні, але відомо, що в його віршах воєнний мотив став чи не найголовнішим. Він писав, що й хліб його, і вино його – замішувалися бойовим списом (чи – на списі). В перекладі Г. Кочура це звучить так:

*Хліб мій на списі замішаний; теж і вино я на списі
Маю ісмарське, і п'ю, спершись на списа також [6].*

У ХХ столітті (та й поки що – в ХХІ столітті) найкривавішою була розв'язана двома (гітлерівським і сталінським) фашизмами Друга світова війна 1939–1941 рр. Вона справді продовжувала політику: спочатку згадані фашизми уклали угоду про ненапад (так званий «пакт Ріббентропа-Молотова»), а потім почали ділити між собою Європу і світ: гітлерівська Німеччина анексувала собі Австрію (як нині Росія – Крим), сталінський Союз РСР приєднав до себе прибалтійські країни та Західну Україну і... пішло-поїхало: в бій було кинуте мільйони людських життів, усю промисловість обох профашистських систем переведено було на виготовлення гармат та іншого смертоносного озброєння і як наслідок – у небеса відправлено понад 50 мільйонів людських жертв. Українців серед них – від восьми до десяти мільйонів... Втім, хто їх тоді достеменно рахував? Особливо – на першому етапі війни. Німецькі фашисти, щоправда, намагалися рахувати завжди. У кожній військовій частині тримали вони спеціальних обліковців і картографів, які фіксували не тільки кількість загиблих, але й окреслювали місцевості, де їх поховано. Коли Україна здобула незалежність, а Східна та Західна Німеччини об'єдналися в єдину державу, в моєму селі Гуляйполі, що на Черкащині, одного якогось дня в середині 90-х років минулого століття з'явився автомобіль із двома німецькими громадянами. Вони попросили сільського голову показати їм таку-то сільську місцевість: там, за їхніми даними, віддано землі 70 солдатів Вермахту; їхні могили треба, мовляв, розкопати, і похоронені останки вони заберуть у спеціальні целофанові мішки для перепоховання на території Німеччини. Пішли, подивилися... На тому «кладовищі» вже побудовані людські хати і німецьким «археологам» у будь-яких розкопках було відмовлено. Щоб ті «археологи» не їхали на свою Батьківщину з порожніми целофанами, їм було дозволено розкопати в зовсім іншому місці лиш дві могили: копалися вони всі однаково – на глибині 70 сантиметрів; «пройшовши» ті сантиметри, «археологи» добули бажані для них останки і поїхали далі до сусіднього села, на український захід. Селяни досі не перестають дивуватися: як по-науковому фашистська Німеччина вела свою війну, навіть відступаючи з нашої території... В Парламентській асамблеї Ради Європи (ПАРЄ) нещодавно заявили, що тільки за останній рік у війні на сході України список пропалих безвісти сягає понад тисячу триста чоловік. Отакий «прогрес»... Якби живим був згадуваний художник В. Верещагін, то гору людських черепів на його картині «Апофеоз війни» довелося б значно вивисувати...

За даними енциклопедії «Великая Отечественная война. 1941–1945» (1985 р.) у війні проти фашистської Німеччини брали участь понад тисячу письменників. Ця цифра, очевидно, применшена. Бо тільки в Україні таких було п'ятсот чотири [3]. Звичайно, це письменники різного таланту, і різною була їхня участь у війні: одні воювали на фронтах, інші працювали у військовій пресі чи на інших, пов'язаних із військовими діями, роботах; ще інші перебували в глибокому тилу і забезпечували фронт продовольством чи елементарним спорядженням для солдата. Їх потім було нагороджено медалями «За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941–1945 гг.». Що ж до безпосередніх учасників бойових дій, то число їх, було, звичайно, меншим.

У травні 2015 року (на сімдесятому році по завершенні війни) з'явилися в Інтернеті сайти «Подвиг народа» [7] і «Память народа» [8]. На них можна знайти відомості практично про всіх учасників бойових дій у Другій світовій... Печально, звичайно, що більшість тих учасників цих відомостей не дочекалася. Бо ж навіть наймолодшому з них цього року могло б виповнитися близько дев'яноста літ. Такої межі в Україні досягають лише десятки, якщо не одиниці чоловіків і жінок. Державна статистика інформує, що в 2013 році середній вік чоловіків в Україні дорівнював шістдесяти шести рокам. А в 2015-му ця цифра підніметься (планують) хіба-що на два-три показники. Серед письменників в останні роки дев'яносторічний рубіж удалося переступити лиш таким учасникам бойових дій, як Анатолій Дімаров, Дмитро Міщенко, Олександр Сизоненко і... Віктор Міняйло, сьогодні чи не найстарший серед членів НСПУ; йому дев'яносто п'ять, але у війні участі не брав через інвалідність, «здобуту» під час служби в армії ще за кілька років перед війною. На жаль, не досягли навіть вісімдесятирічного віку такі письменники «першої руки», як Олесь Гончар чи Михайло Стельмах; драматург і кіносценарист Петро Лубенський відійшов за межу на дев'яносто шостому році життя, але це було за дванадцять років до оприлюднення сайтів «Подвиг народа» і «Пам'ять народа»; а літературознавцю Леоніду Коваленку довелося б чекати їх понад тридцять років. Участь кожного з них у бойових діях відзначена чи не

найвищими бойовими нагородами того часу – медалями «За відвагу», орденами «Червоної зірки», «Слави» та ін.

У нагородних документах, між іншим, значиться, що справді письменниками під час війни були, зокрема, Андрій Малишко (нагороджений «Орденом Красного Знамени») і Михайло Стельмах. У поданні на відзначення М. Стельмаха орденом Вітчизняної війни 1-го ступеня зазначалося, що письменник М. Стельмах працював у газеті «За честь Батьківщини», але й брав безпосередню участь у боях з ворогом: *«Во время контратак противника тов. Стельмах в рядах бойцов отражал натиск врага и проявил личные образцы отваги и героизма в борьбе против немецких захватчиков. В этом бою тов. Стельмах был тяжело ранен и с поля боя эвакуирован в госпиталь. Возвратившись из госпиталя, он продолжает работать в редакции... Своими статьями, очерками, стихотворениями тов. Стельмах воспитывает у воинов высокий наступательный порыв, жгучую ненависть к врагу, помогает командованию в борьбе за окончательную победу над врагом. Представляется к правительственной награде – ордену Отечественной войны 1-й степени. 27 апреля 1945 г.»*

Орден Вітчизняної війни, між іншим, був **першою** радянською відзнакою періоду Другої світової. Він мав три ступені і ним нагороджено понад півтора мільйона радянських солдатів і офіцерів. А орден першого ступеня, до якого представлено Михайла Стельмаха, мали всього триста п'ятдесят тисяч воїнів, тобто – менше третини нагороджених ним. 3-поміж письменників таким орденом були нагороджені також Дмитро Міщенко – в майбутньому автор однієї з найбільш «точних» у художньому розумінні (і тому найбільш дратівливих для радвледи) повістей про війну «Батальйон не обмундированих» (1975) та Петро Лубенський – автор драми про партизанське підпілля «Нескорена Полтавчанка» (1949) і сценаріїв добре відомих свого часу кінофільмів «Королева бензоколонки» і «Перший хлопець».

У поданні на відзначення Дмитра Міщенка орденом Вітчизняної війни 1-го ступеня значилося: *«22. 04. 1944 года при отражении атак противника уничтожил и частично рассеял до роты солдат противника, разбил минометную батарею и 5 повозок с военными грузами.»*

23.04. 1944 года при отражении атак пехоты и танков подбил два средних танка, рассеял и частично уничтожил до роты солдат противника... В бою проявил инициативу, мужество, решительность и стойкость».

Лейтенант Петро Лубенський нагороджений орденом Вітчизняної війни 1-го ступеня за подвиги, сам перелік яких не може не вражати. Він *«4 раза водил батарею в атаку на укрепленные позиции противника в районах Ново-Николаевка, Сталино, Раздельная, Петерсталь: огнём своего орудия он уничтожил 2 самохода, 8 автомашин, 4 орудия, 6 пулемётов, 15 повозок с военным грузом и до 50 солдат и офицеров противника. Будучи ранен в атаке под Петерсталем, он не покинул самоход... проявляя мужество, стойкость и отвагу под пулями врага, погасил его и отвёл в укрытие».*

Нагородження учасників бойових дій саме орденами було загалом рідкістю. Солдати й офіцери за подвиги в боях найчастіше відзначалися медалями «За боевые заслуги» і «За отвагу». А орденами нагороджувалися лиш найбільш **відважні й хоробрі. Майбутній критик і літературознавець** Леонід Коваленко був саме таким. У його арсеналі нагород були всі три: обидві названі медалі і «Орден Красной Звезды». Подання на відзнаку цим орденом наскільки промовисте, що його варто навести цілком: *«Старший сержант Коваленко во время наступления проявил себя как волевой командир отделения связи. 10 марта с/з его отделение давало линию на НП 60-й армии; линия была дана вовремя и наведена по всем техническим правилам. Все повреждения на линии устранялись в течение 5-ти минут. Несмотря на арт. и мин. обстрелы, его люди работали чётко и слаженно. 20 марта тов. Коваленко снова отличился, давая линию на НП 115 ск. Это задание так же было выполнено под сильным обстрелом противника и выполнено в срок. Линия работала отлично.»*

За период с 19-го по 26-е марта с. г. в районе посёлка Дойч Мюллмен, где была расположена Контрольная станция старшего сержанта Коваленко, он лично выследил и взял в плен 12 вооружённых немецких солдат и унтерофицеров, засевших после разгрома окружённой группировки в лесных окопах и подвалах домов. При этом тов. Коваленко проявил высокую бдительность и отвагу. Достоин награды – ордена Красной Звезды.»

31. 03. 1945». Подібну деталізацію подвигу наведено і в нагородному документі О. Сизоненка (медаль «За отвагу»): «...точной наводкой миномета и меткой стрельбой подавил огонь станкового пулемёта противника, мешавшего продвижению вперёд стрелкам; уничтожил 15 немецких солдат и унтерофицеров».

Найбільшою кількістю бойових нагород серед письменників не тільки України відзначений Олесь Гончар: три медалі «За отвагу», «Орден Славы III степени» і «Орден Красной Звезды». Укази про ці нагороди датуються в період між 7 вересня 1944 р. і 4 травня 1945 р. У поданні на «Орден Красной Звезды» командир 222-го полку полковник Вербицький зазначав: «В бою с крупными силами пехоты и танков противника 17.02.1945 года в районе села Барт (Венгрия) гвардии сержант Гончар А.Т. проявил образцы подлинного мужества и храбрости. Под сильнейшим артминомётным обстрелом противника лично доставлял мины на огневые позиции. Когда выбыл из строя командир 2-го расчёта, тов. Гончар стал у миномёта и метким огнём отразил 7 вражеских контратак, разбив 2 вражеских пулемёта и истребив свыше 15-ти гитлеровцев. За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, зв. сержант Гончар А. Т. достоин правительственной награды – «Ордена Красной звезды». 20 февраля 1945 г. «Орден Славы» був останньою нагородою майбутнього автора «Прапороносців». Представляючи Олесь Гончара до цієї нагороди, той же полковник Вербицький у нагородному листі зазначав: «6–8 апреля 1945 г. т. Гончар обеспечивал бесперебойную доставку мин на огневые позиции в условиях отсутствия надлежащих переправочных средств. В течение 3-х суток он не покидал переправы, благодаря чему миномёты оказали реальную поддержку пехоте в удержании плацдарма». За цей подвиг полковник пропонував нагородити Олесь Гончара «Орденом Отечественной войны II степени», але у вищих ешелонах нагородних властей його замінили «Орден Славы III степени».

Річ, можливо, й не в нагородах, хоча в них – теж. Деякі письменники протягом багатьох років, як знаємо, послідовно акцентували, що вони – фронтовики, а тепер – усе прояснилося: бойові нагороди одержував лише той, хто справді відчував запах пороху і смерті. У власне літературі це виявлялося дуже очевидно. Якщо автор знав про війну лише з газет чи розповідей, то й виходила вона в нього якоюсь гібридною. Пригадується, як захопливо відгукувався про «перші в українській літературі справжні, професійно точні описи боїв» у Гончаревих «Прапороносцях» Юрій Яновський [4, с. 223]. Навіть почасти прикрашені (романтизовані), вони мали вигляд дуже правдивих. А той, хто вважав, що пише про війну реалістично, насправді скочувався в не дуже художній натуралізм. Або в те, що називають «грою в войнушку». Подібне в творчості радянських письменників помічалось частіше в перше повоєнне десятиліття. Згодом настав час, коли військова тема в літературі ставала «дорослішою» і поставала як символ найправдивішої правди. Мається на увазі не час написання Гончаревих «Прапороносців», а час його «Людини і зброї» та «Собору» (хоча війна в цьому останньому романі прогрімала лиш як далеке відлуння). У російській літературі в ті роки найочевидніше заявили про себе фронтовики Ю. Бондарев та В. Астаф'єв; у білоруській – В. Биков, у німецькій... Щодо німецької, то там особлива ситуація. Одразу по війні Вольфганг Борхерт створив кілька притч-новел про війну, до типу письма яких радянська література дотягувалася лише через десять чи й більше років. Критики відзначали, що лексика його (Борхерта) «малої» прози надзвичайно скупа, але дуже виразна, зрідні євангельським текстам. Він не ставив питань про вину чи помилки Німеччини в Другій світовій. Він бачив навколо себе вихор смерті, сам ніс людям смерть (воював, зокрема, й на території України), сам був засуджений на смерть. Продовження такої традиції в літературі самої Німеччини (Борхерт помер 1947 року) намітилося, можливо, тільки після публікації книг оповідань Генріха Белля «Коли почалася війна» (1961) і «Коли війна закінчилася» (1962). Саме тоді прийшло «друге художнє дихання» і в радянську літературу про війну: згадані вище романи О. Гончара, повісті й романи Ю. Бондарева («Батальйони просять вогню», 1957; «Гарячий сніг», 1970), В. Бикова («Третя ракета», 1961), В. Астаф'єва («Десь гримить війна», 1967)... У «Соборі» О. Гончара (1968) є такий епізод: на «другий призов» (після поразок і полонів першого) призовники йшли не в військовій формі, а в домашніх темних піджаках; офіцери готували їх до майбутнього бою саме в цих піджаках і коли той бій таки прогрімів, на його полі залишилися тільки «темні цятки, цятки, цятки». Цятки, що символізували спри-

чинену війною безгомінну картину смерті [1, с. 181–182]. Ця картина смерті як потужний полісемантичний образ мимоволі навертала читача і до згаданих у зв'язку з Борхертом євангельських текстів, і до «Апофеозу війни» В. Верещагіна і, звичайно, до вислову О. Довженка про «мистецтво війни» як шизофренію. Чи робить людство висновок із тієї шизофренії? Судячи з війни, яку розв'язала Росія проти України в Криму та на її Сході, не робить. З тієї, мабуть, причини, яку помітив ще Гегель: історія нас учить того, що нічого не вчить. Щоправда, сучасні філософи продовжили цю думку в такий спосіб: вона нічого не вчить лише цілковитих дурнів чи шизофреників. А людям «з головою» і котрі «при пам'яті» вона промовляє дуже багато...

Бо що таке п'ятдесят мільйонів загиблих у Другій світовій, з яких два з половиною – українці? Це, звичайно, і майбутні «інженери людських душ» (вираз російського письменника Юрія Олеші), але й мільйони майже безіменних бійців, без яких ніяка перемога над фашизмом не була б можливою. Наведу відомості лише про двох із них – техніка-лейтенанта Івана Юхимовича і стрілка-піхотинця Кузьми Михайловича. Перший був директором того Лубенського технікуму, в якому я здобував середню освіту, а другий – моїм батьком, з уст якого я, маючи два з половиною роки, запам'ятав у перші дні війни одну фразу: «Це – не наші літаки!» (йшлося про дивні літаки, які раптом з'явилися над нашою хатою в червні сорок першого). У нагородному листі Івана Юхимовича генерал-майор Андріанов зазначав, що він, техник-лейтенант, який виконував обов'язки льотчика 366-го авіаполку, *«при нальоті на живу силу і технику противника в районі города Таганрог 31.07.43 г. был подбит и при падении получил перелом левой ключицы и общие ушибы... Как активный участник Отечественной войны... достоин (он) награждения медалью «За боевые заслуги»*. Я писав, що *«Орден Отечественной войны» Олесю Гончару вище нагородне керівництво знизило до «Ордена Славы»*. У цьому ж випадку відбулося навпаки: медаль «За боевые заслуги», яку пропонував Івану Юхимовичу генерал-майор Андріанов, підвищена була до «Ордена Отечественной войны 2 степени».

Мій батько – Кузьма Михайлович – стрільком-піхотинцем дійшов з боями лише до Варшави. Після неї його (як Хому Хаєцького у «Прапорноносцях») було переведено в військовий обоз. У нагородному листі № 55 командир 3-го мото-стрілкового батальйону капітан Даценко зазначав: *«В боях за социалистическую родину против немецко-фашистских захватчиков т. Наенко проявил себя смелым, мужественным воином. За время боевых операций с 14.01.45 по 2.05.45 гг. т. Наенко, не жалея своих сил, презирая опасность, бесперебойно доставлял на передний край продукты питания. Этим самым способствовал выполнению поставленной задачи. За стойкость и умелые действия в боевых операциях т. Наенко представляется к награждению медалью «За боевые заслуги»*. Пізніше були в батька медалі за звільнення Варшави, за взяття Берліна, за перемогу над Німеччиною та орден Великої вітчизняної війни II ступеня, але медалю «За боевые заслуги» він дорожив найбільше: в ній йому бачилася і пам'ять про загиблих товаришів, і будівництво окопів та дотів, і кілометри зраних доріг, і снарядні осколки... Частину тих осколків (вони були дрібнішими і тому польовий хірург «залишав» їх для свого колеги-хірурга «на гражданке») він приніс з війни додому і вони робили його «залізним» до останніх днів життя; до нього, як до магнітів, притягувалися метали. Майже, як у вірші Ярослава Смелякова:

*Я строил окопы и доты,
железо и камень тесал,
и сам я от этой работы
железным и каменным стал [9].*

... В Україні нині залишився десяток-другий письменників-фронтовиків і менше ста тисяч – інших учасників бойових дій Другої світової. А загинуло на ній – нагадаю – два з половиною мільйони. Скільки там тих, що пропали безвісти – ніхто й ніколи, мабуть, не скаже. На сайтах «Память народа» і «Подвиг народа» я не знаходжу близько десятка тільки своїх односельців: Іван Коноваленко, Максим Глущенко, Фотій Гончаренко, Автоном Наенко, Никифор Манішевський, Павло Піщаний, Андріан Ситник, Петро Ситник, Олександр Сущенко... Де вони? Немає їх ні серед нагороджених, ні серед пропалих безвісти. А на фронт були ж призвані... Жевріє якась надія хіба що на подальші пошуки: в окремих випадках (не відповідаючи на запит) інтернетні сайти інформують: *«Возможно, эта информация еще не загружена в базу данных. Работа по обработке и загрузке информации продолжается»*. Можна побажати успішної праці тим, хто займається «обработкою» й «загрузкою» таких важливих (бодай для нащадків) даних про минулу війну; але хай би схамулися ті, хто її розпалює і на нашій території, і на територіях інших країн світу.

Список використаних джерел

1. Гончар О. Собор / О. Гончар. – К.: Дніпро, 1968. – 240 с.
2. Довженкові думи / упор. М. Коваленко, О. Підсуха. – К.: Молодь, 1968. – 85 с.
3. Письменники України у Великій Вітчизняній: бібліографічний довідник / упор. Б. Буркатов, А. Шевченко. – К.: Радянський письменник, 1985. – 503 с.
4. Яновський Ю. Твори: в п'яти томах / Ю. Яновський. – К.: Державне видавництво художньої літератури, 1959. – Т. V. – 422 с.
5. Костенко Л. «Мабуть, ще людство дуже молоде...» [Електронний ресурс]. / Л. Костенко – Режим доступу: http://www.poetryclub.com.ua/metrs_poem.php?poem=283.
6. Архілох. «Хліб мій на списі замішаний...» [Електронний ресурс]. / Архілох – Режим доступу: <http://onlyart.org.ua/?p=49886>
7. Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.podvignaroda.mil.ru/?#tab=navHome>
8. Память народа: официальный сайт Министерства обороны. Поиск по фамилии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://topasnew.ru/1837-pamyat-naroda-oficialnyy-sayt-ministerstva-oborony-poisk-po-familii.html>
9. Смеляков Я. Мое поколение [Электронный ресурс]. / Я. Смеляков – Режим доступа: <http://rupoem.ru/smelyakov/war.aspx>

References

1. Gonchar, O. *Sobor* [Cathedral]. Kyiv, Dnipro, 1968, 240 p.
2. *Dovzhenkovi dumy* [Dovzhenko's Thoughts]. Kyiv, Molod', 1968, 85 p.
3. *Pys'mennyky Ukrainy u Velykij Vitczyznianij. Bibliografichnyj dovidnyk* [Writers of Ukraine in Great Patriotics. The bibliographic handbook]. Kyiv, Radians'kyj pys'mennyk, 1985, 503 p.
4. Yanovs'kyj, Yu. *Tvory: v p'iaty tomakh* [Works: in five volumes]. Kyiv, Derzhavne vydavnytstvo khudozhn'oi literatury, 1959, vol. 5, 422 p.
5. Kostenko, L. "Mabut', sche liudstvo duzhe molode..." ["Probably, the Mankind is Still Very Young..."]. Available at: http://www.poetryclub.com.ua/metrs_poem.php?poem=283.
6. Arkhilokh. „Khlib mij na spysi zamishanyj...” [„My bread on a spear involved...“]. Available at: <http://onlyart.org.ua/?p=49886>.
7. *Jelektronnyj bank dokumentov "Podvig naroda v Velikoj otechestvennoj vojne 1941–1945 gg."* [Electronic bank of documents "The Feat of people in Great patriotic war 1941-1945"]. Available at: <http://www.podvignaroda.mil.ru/?#tab=navHome>.
8. *Pamjat' naroda: oficial'nyj sayt ministerstva oborony. Poisk po familii* [Memory of people: an official site of the Ministry of Defence. Search on a surname]. Available at: <http://topasnew.ru/1837-pamyat-naroda-oficialnyy-sayt-ministerstva-oborony-poisk-po-familii.html>.
9. Smeljakov, Ja. *Moe pokolenie* [My generation]. Available at: <http://rupoem.ru/smelyakov/war.aspx>.

Речь идёт о писателях – участниках боевых действий во Второй мировой войне, которые удостоены военных наград, о чём информируют новые интернетные сайты «Подвиг народа» и «Память народа». Автор обращает также внимание на произведения тех авторов, которые писали о войне и участии в ней самых широких народных масс.

Ключевые слова: война, литература, писатель, художественность, боевые награды.

It is a question of writers – participants of operations in the World War II, which are awarded military awards on what «The Feat of people» and «Memory of people» inform new internet sites. The author pays also attention to works of those authors which wrote about war and participation in it of the widest broad masses.

Key words: war, the literature, the writer, artistry, fighting awards.

Одержано 21.10.2015.

УДК 821.133.1

Н.Т. ПАХСАРЬЯН,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной литературы
филологического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация)*

ЭТАПЫ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА ВО ФРАНЦИИ (ОПЫТ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЙ СТАТЬИ)

В статье рассматривается исторический срез развития искусства художественного перевода во Франции. Выделяются четыре этапа истории переводов **XIV–XVI вв.; XVII–XVIII; XIX; XX–XXI вв.** Анализируется своеобразие и направленность художественных переводов, характерных для определенной эпохи. Раскрывается специфика переводческого метода на каждом этапе.

Ключевые слова: искусство перевода, французская литература, стиль, переводческий метод.

История переводов во Франции насчитывает четыре основных этапа: XIV–XVI вв.; XVII–XVIII; XIX; XX–XXI вв. Первый – и весьма точный – перевод на французский язык был сделан капелланом Карла V Никола Оремом в 1370 г. Это был текст трактатов Аристотеля «Этика», «Политика», «Экономика». Последователями его в переводческой деятельности в XV в. были Пьер Бершуар (переводчик Тита Ливия) и Робер Гаген (переводчик Цезаря). В эпоху Возрождения основной массив переводов осуществлялся с латинского языка, в первую очередь переводились сочинения тех древних авторов, которые почитались классиками: Гомер, Вергилий, Аристотель, Цицерон и Гораций возглавляли список, менее популярны были Овидий, Тит Ливий, Демосфен. Поскольку переводчик выступал в роли популяризатора и прежде всего, заботился о том, чтобы французскому читателю было не трудно понять текст, переводы XVI в. отличались многочисленными анахронизмами, введением в текст реалий и понятий современности. В то же время перевод был для гуманистов одновременно и способом распространения новых идей и формой совершенствования родного языка. Самым знаменитым переводчиком был Жак Амио (1513–1593), сделавший перевод «Дафниса и Хлои» Лонга (1555), «Эфиопики» Гелиодора (1547) и «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха (1559). Последний перевод особенно ценился современниками, на него опирался Монтень, создавая свои «Опыты». Кроме того, видным переводчиком был знаменитый гуманист Этьен Доле (1504–1546), выполнивший не только перевод диалога Платона «Антиох», но и писем Цицерона, а также создавший трактат о теории перевода (см. Переводческие поэтики). Среди других переводчиков французского Ренессанса – Пелетье дю Ман (Гораций), Клеман Маро (Вергилий, Овидий), Бернар Анно (Овидий), Мартиньяк (Гораций), Пьер Салиа (Геродот), Саломон Сертон (Гомер) [1]. Кроме античных авторов, французы переводили в это время некоторых итальянских и испанских авторов: Жан де Гутт – «Неистового Орландо» Ариосто, Никола Эрберэ дез Эссар – «Амадиса Гальского». Во всех этих переводах на первый план выходило желание (далеко не всегда удачно реализуемое) передать одновременно и смысл переводимого произведения и «красоту и одного, и другого языка», отказавшись от перевода «слово в слово», стараясь обогатить французский язык новыми выражениями и неологизмами.

В XVII в. увеличивается разнообразие и количество переводов. Одновременно появляется большее стремление к подчинению этих переводов одному принципу – изяществу и благородству стиля, требующее сознательного отказа от чрезмерной близости к оригиналу. Переводчик удостоивался высокой оценки прежде всего тогда, когда его манера соответствовала современному вкусу: так, аббат де Мароль, много переводивший с греческого и латыни, считался плохим переводчиком, поскольку «нашел секрет остаться варваром в эпоху элегантности», тогда как аббат Перрен, превративший в своей версии «Энеиды» главного персонажа во «французского кавалера», оценивался более благосклонно. Одним из наиболее популярных переводчиков этого периода был Никола Перро д'Абланкур (1606–1664), автор множества переводов, получивших определение «прекрасных неверных» (*belle infidele*) и предисловий к этим переводам, где обосновывался его переводческий метод. Хотя иногда точка зрения Перро д'Абланкура и оспаривалась (так, Фюретьер утверждал, что если бы Лукиан снова родился в современной Франции, он не узнал бы своих текстов в переводах д'Абланкура), тем не менее, именно за изящество и элегантность стиля, за их соответствие вкусу современников ценились переводы Пьера дю Рийе (Тит Ливий, Полибий, Сенека, Страбон, Геродот, Цицерон), Этьена д'Альгэ де Мартиньяка (Теренций, Горацій, Вергилий, Ювенал), Леметра де Саси (Теренций) и др. Одной из особенностей этого этапа стало появление нескольких переводческих версий, своего рода соревнование переводчиков: например, А.-Н. Амело де ла Уссе перевел Тацита, критически оценивая Перро д'Абланкура, сделав свой перевод более точным, хотя и менее стилистически совершенным. В переводах греческих и латинских авторов приняли участие и писатели: так, Тома Корнель перевел «Метаморфозы» Овидия, а Никола Буало – трактат Псевдо-Лонгина «О возвышенном» [1]. Кроме того, в XVII в. продолжали появляться переводы с итальянского (Маккьявелли в переводе А.-Н. Амело де ла Уссе) и расширился массив переводов с испанского языка: так, перевод В. д'Одигье плутовского романа В. Эспинеля «Маркос Обрегон» появился в Франции в том же 1618 г., когда он вышел в Испании. «Дон Кихота» Сервантеса переводили дважды в течение столетия (Ф. де Россе – 1617, Ф. де Сен-Мартен – 1677–1678), были переведены также новеллы Сервантеса (Ф. де Россе и В. д'Одигье – 1620–1621; Ж. Бодуэн – 1621) и его роман «Персилес и Сехизмунда» (В. д'Одигье – 1628). А. Витрэ и А. Реми были авторами переводов романа Х. де Монтемайора «Диана» (1623, 1624). А. Амело де ла Уссе выпустил перевод «Карманного оракула» Б. Грасиана (1684). А. Г. де Манури – его романа «Критикон» (1696). А. плутовской роман М. Алемана «Гусман де Альфараче» перевел известный защитник классицизма и автор критического «Мнения Французской академии о трагикомедии Корнеля "Сид"» Жан Шаплен.

В течение XVIII в. назревал серьезный переворот в представлении о целях и методах перевода. Уже на рубеже веков, в ходе спора «о древних и новых» обозначилась важная проблема, которая нашла выражение в дискуссиях вокруг переводов гомеровских поэм Анной Дасье. Мадам Дасье (урожденная Лефевр, 1645–1720) была первой переводчицей на французский язык поэзии Анакреона и Сапфо (1681), комедий Аристофана (1683), переводила Плавта, Плутарха, но более всего прославилась переводами Илиады (1711) и «Одиссеи» (1716), в которых попыталась воспроизвести «живую античность» и выступила против принципа «украшенных переводов». Несмотря на критику ее переводов со стороны Удара де ла Мотта (который полагал, что тексты Дасье – грубы, неизящны, безвкусны), А. Дасье не только обратила внимание на важную роль переводчика, подняла его престиж в глазах читателей, но и определила направление усилий переводчиков на большее соответствие оригиналу. Переводчики XVIII в., близкие движению Просвещения, полагали, что их главная задача – помочь читателям познакомиться с произведениями других народов и других языков и получить от этого знакомства то же наслаждение, какое получает знаток других языков. Кроме того, по словам д'Аламбера, «переводы помогут уловить нюансы, которые отличают универсальный и абсолютный вкус от национального вкуса». Хотя просветители считали, что французов нужно знакомить с литературой их соседей, тем не менее, переводы античных авторов занимали по-прежнему основное место и именно вокруг них формировались общие принципы перевода: так. Мариво пишет «Размышления о Фукидиде» (1748, опубл. 1755), Дидро – «О Теренции» (1765) и т. п. Большую роль для знакомства с античной драматургией сыграл выпущенный в 1730 г. священником Брюмуа том «Грече-

ский театр», где были собраны переводы пьес Эсхила, Еврипида, Софокла – разные по своим художественным достоинствам, но в целом сделавшие популярными античную драматургию. Очень много существовало переводов Тацита (Герен, Ла Блетри, Дотвиль. Дюро де ла Малль). Популярные сочинители своего времени – Лефран де Помпиньян и аббат Дефонтен – прославились и как переводчики: Помпиньяну принадлежат переводы Гесиода, Пиндара, Эсхила, Лукана, «Георгик» Вергилия, Дефонтену – «Энеиды» Вергилия. Одной из острых проблем переводческой рефлексии эпохи Просвещения был вопрос о том, переводить ли поэтические произведения стихами или же прозой. Дефонтен, предложивший прозаический перевод «Энеиды», обосновывал свою точку зрения в предисловии: он считал, что невозможно достичь точности в поэтическом переводе, а если переводчик не точен, он перестает быть таковым. В противовес ему Буйе указывал, что прозаические переводы не доставляют читателю удовольствия, они лишь облегчают понимание содержания. В своей статье «Перевод», написанной для «Дополнения к Энциклопедии» (1777), Мармонтель констатировал, что в обществе сохраняются два противоположных взгляда на перевод: «светские люди» требуют, чтобы «переводчик стирал следы оригинала, исправлял и приукрашивал его», чтобы он заставлял автора говорить на языке перевода как если бы это был его родной язык; «ученые люди» «хотят отыскать в переводе не только характер писателя, но самый дух языка оригинала, атмосферу, климат, и вкус его края», они хотят видеть в произведении памятник его времени и страны [3]. Примерами таких «ученых переводов» были комментированные издания античных авторов, выпущенные Рошфором и Дюпюи. Среди переводов с других языков, кроме греческого и латинского, во Франции XVIII в. первое место занимали переводы с английского, прежде всего – романов С. Ричардсона (А.Ф. Прево, П. Летурнер) и пьес Шекспира. Важную роль играли переводы знатока английского языка и литературы А.-Ф. Прево. Он, однако, не претендовал на «верность» своих переводов, считал необходимым быть скорее «перелогателем» текста, сохраняющим основной смысл автора. Любопытно, что Прево приложил руку и к переводу Шекспира: в полемике с вольтеровской прозаической версией, он предложил свой стихотворный вариант монолога Гамлета «Быть или не быть» (1753). Но первым значительным переводчиком Шекспира во Франции был Пьер-Антуан де Ла Плас (1707–1793), выпустивший в 1746–1749 г. восемь томов «Английского театра», первый из которых содержал 10 пьес Шекспира («Отелло», «Гамлет», «Цимбелин», «Юлий Цезарь», «Виндзорские насмешницы», «Тимон Афинский», «Антоний и Клеопатра», «Генрих IV» и «Ричард III»), а остальные тома включали переводы Б. Джонсона, Т. Отвея, Э. Юнга, Дж. Драйдена, У. Конгрива, Дж. Аддисона, Р. Стила. Вслед за Ла Пласом к переводам английского драматурга обратился Жан-Франсуа Дюси (1733 – 1816), переведший «Гамлета» (1769), «Ромео и Джульетту» (1772), «Короля Лира» (1783), «Макбета» (1784) и «Отелло» (1792). Наконец, в 1776–1788 гг. было выпущено 20 томов под названием «Шекспир, переведенный с английского», где помещались переводы Пьера Летурнера (1737–1788), известных также переводами «Песен Оссана» Макферсона (1777) и «Клариссы» Ричардсона (1784–1787).

В XIX в. произошли существенные перемены в теории и практике перевода, связанные с полемикой нового романтического искусства с классической эстетикой. Отказ от принципа подражания «вечной, неизменной прекрасной природе» вносил существенные коррективы в рефлексию о переводе. Так, Ж. де Сталь в книге «О Германии» обратила внимание соотечественников не только на то, что они почти не знают интересную и богатую немецкую литературу, но и на то, что немцы, по ее мнению, гораздо больше преуспели в искусстве перевода. Высоко оценивая «Илиаду» и «Одиссею» в переводе Г. Фосса, она утверждала, что переводчик превратил эти поэмы в произведения, «стиль которых – греческий, а слова – немецкие» [4]. Для Сталь, как и для других романтиков, в переводе были важны два момента: умение передать «местный колорит» и индивидуальность автора. Поэтому и Ф. де Шатобриан полагает необходимым сохранять иноземную оригинальность в переводе «Потерянного рая» Мильтона: «Я перевел поэму Мильтона на его манер; я не побоялся менять формы глагола, ибо останься я более французом, я потерял бы что-то от точности исходного текста, от его оригинальности и энергии» [2]. В глазах романтиков перевод должен был быть произведением искусства не меньшим, чем оригинал. Требования к переводчику быть творцом наряду с автором оригинального сочинения побуждали зано-

во определить цели и задачи перевода. Журналист и критик Филарет Шаль в письме своему отцу в 1818 г. утверждал: «Чтобы успешно переводить, надо не только проникнуть в суть материала автора, но и догадаться, что он хотел сказать, о чем позволил догадываться, что побудил услышать» [4]. В 1830 г. вышли «Этюды о переводе с английского» мадам де Рошмонде, где было дано следующее определение: «Перевод должен нести тот же смысл и вызывать тот же эффект, что и оригинал. Переводить – это переносить из одного языка в другой идеи сочинения в тех же формах, в которых они были» [2]. Существенно расширяется сфера переводных произведений, наряду с переводами античных авторов, многие из которых сделаны заново, переводятся классические и современные авторы Италии (Данте, Петрарка, Ариосто, Тассо, д'Аннунцио), Испании (плутовские романы, Сервантес, драматургия Лопе де Веги, Кальдерона), Англии (Шекспир, готические романисты, В. Скотт, Диккенс), Германии (Шиллер, Гёте, немецкие романтики), скандинавская, польская, русская, чешская литературы, а также – турецкие, алжирские, арабские тексты. Активная рефлексия о переводе зафиксирована во многочисленных предисловиях переводчиков (Ф.-Р. де Шатобриан – предисловие к «Потерянному раю» Мильтона 1836, Л. Виардо – предисловие к «Дон Кихоту» Сервантеса 1836, П. Мериме – предисловие к «Отцам и детям» Тургенева 1863 и др.). Среди наиболее значительных переводчиков этого периода – известные писатели Ш. Нодье, П. Мериме, Ж. де Нерваль, В. Гюго, Ш. Бодлер, Леконт де Лилль и др. Укрепляется переводческая база – выходят различные словари (Литтре, Ларусс), пособия по переводу. Параллельно крепнет убеждение в том, что перевод – особый тип литературного творчества, что достичь абсолютного совершенства в переводе трудно, а то и невозможно. Так, в 1840-х гг. развернулась полемика между профессором-латинистом Канского университета П.-Л. Майе-Лакостом и профессором философии того же университета А. Шарма. Приверженец старой школы Майе-Лакост призывал к созданию «совершенного перевода» на основе риторических правил. Такой перевод должен был подчиняться законам красноречия, переводчик должен быть не робким учеником, подражателем, а действовать как самостоятельный сочинитель. Буквальный перевод Майе-Лакост объявляет «невыносимым для духа французского языка», хотя он приемлем для латыни [5]. Переводчик для него – это интерпретатор оригинала, ищущий наиболее совершенную форму для передачи мыслей произведения, сохраняющий содержание, но при необходимости улучшающий форму переводимого текста. А. Шарма, ученик известного историка литературы Виктора Кузена, занимает иную позицию. Для него переводчик отличается от «художника», при этом он уверен, что не существует мысли, содержания отдельно от формы. По Шарма, переводчик не может быть занят только переводом мысли, опираясь на законы собственного языка. Кроме того, утверждая индивидуальность каждого писателя, Шарма уверен, что не существует совершенных переводов, «живая индивидуальность появляется лишь однажды и исчезает, не повторяясь», а значит, переводчик либо стремится передать красоты стиля подлинника посредством другого языка – и невольно меняет их, либо, стараясь сохранить эти красоты в их первоизданном виде, оказывается не переводчиком, а имитатором» [3]. В Словаре Французской академии 1854 г. М.-Н. Буйе писал: «Перевод – тяжелая и неблагодарная работа. Когда произведения ценятся за их стиль, переводчик оказывается всегда ниже оригинала. Остроумно, хотя и не вполне справедливо, замечено, что перевод всегда оказывается изнанкой ковра, что переводчик – всегда изменник (*traduttore, traditore*) и т. д.» [4]. Признавая некоторые сочинения непереводаемыми, французские переводчики и теоретики перевода стали различать собственно перевод и *адаптацию*, облегчающую понимание трудно переводимого текста, перевод и *подражание* как стилизацию под манеру иноземного писателя, использование его мотивов и тем: так, Ш. Сент-Бёв в 1839 г. опубликовал в «Ревю де Пари» два стихотворения, одно из которых было озаглавлено «перевод из Уланда», а другое – «Подражание Уланду». Однако в среде сторонников «искусства для искусства» вновь возродилось внимание к буквальному переводу и это определило направление в переводческой практике последней трети XIX в. Леконт де Лилль, в частности, иронизировал над попытками уловить «дух оригинала» и обратился к переводу-кальке, выпустив в 1866 г. «Илиаду» с предисловием: «Время неверных переводчиков прошло. Необходимо демонстративное возвращение к точности смысла и буквальности» [3]. Само слово «калька» распространилось под влиянием Леконта де Лилля, хотя было зафик-

сировано еще в словаре Литтре в 1857 г. Оно позволяет ощутить, насколько «буквализм», провозглашенный писателем, на самом деле предполагал весьма своеобразную точность перевода. Тем не менее, символист П. Кийар охотно использовал принцип калькированного перевода трагедии Софокла в 1896 г. Интересный эксперимент провел Марсель Швоб: пытаясь добиться эффекта оригинальной художественности и воспроизвести, пусть условно, исторический колорит «давней литературы», он перевел «Гамлета» Шекспира (1898) языком XVI в., «Молль Флендерс» Дефо (1894) – языком века XVIII. Как перевод-калька поначалу была построена трилогия Эсхила «Орестея» у П. Клоделя, который, впрочем, переработал текст для постановки на сцене в 1912–13 гг.

Современный этап перевода во Франции отмечен высокой степенью развития переводческих школ, объединений, ассоциаций переводчиков. Особое влияние на перевод в XX в. оказали новые лингвистические теории, в частности – структурализм. В русле этого влияния появились труды о переводе А. Мешонника «К поэтике II» и А. Бермана «Испытание иноземным» и «К критике переводов» [2]. Другой мощный источник влияния на развитие перевода – различные теории и модели машинного перевода, переводческие компьютерные программы.

Список использованных источников

1. Ballard M. De Ciceron à Benjamin. Traducteurs, traductions, réflexions / M. Ballard. – Montréal: Presse univ. de Septentrion, 2007. – 298 s.
2. Dotoli G. Traduire en français du moyen âge au XXI siècle / G. Dotoli. – P.: Hermann, 2010. – 550 s.
3. Traduire en français à l'âge classique. Génie national et génie des langues / Sous la dir. de Y.-M. Tran-Gervat. – P.: Presses de la Sorbonne nouvelle, 2013. – 216 s.
4. Histoire de traductions en langue française. XIX siècle. 1815–1914 / Sous la dir. de Y. Chevrel, L. D'Hulst et C. Lombez. – P.: Verdier, 2012. – 1369 s.
5. Deane-Cox S. The framing of a belle infidele: Paratexts, retranslations and «Madame Bovary» / S. Deane-Cox // Essays in French Literature and Culture. – № 49. – Nov. 2012. – S. 79–96.

References

1. Ballard, M. *De Ciceron à Benjamin. Traducteurs, traductions, réflexions*. Montréal, Presse univ. de Septentrion, 2007, 298 s.
2. Dotoli, G. *Traduire en français du moyen âge au XXI siècle*. P., Hermann, 2010, 550 s.
3. *Traduire en français à l'âge classique. Génie national et génie des langues*. Sous la dir. de Y.-M. Tran-Gervat. P., Presses de la Sorbonne nouvelle, 2013, 216 s.
4. *Histoire de traductions en langue française. XIX siècle. 1815–1914*. Sous la dir. de Y. Chevrel, L. D'Hulst et C. Lombez. P., Verdier, 2012, 1369 s.
5. Deane-Cox, S. *The framing of a belle infidele: Paratexts, retranslations and "Madame Bovary"* / Essays in French Literature and Culture, no. 49, nov. 2012, p. 79-96.

У статті розглядається історичний аспект розвитку мистецтва перекладу у Франції. Виокремлюються чотири етапи історії перекладу: XIV–XVI ст., XVII–XVIII; XIX; XX–XXI ст. Аналізується своєрідність та спрямованість художніх перекладів певної доби. Розкривається специфіка перекладацького методу на кожному етапі.

Ключові слова: мистецтво перекладу, французька література, стиль, перекладацький метод.

The historical cut of progress of art of art translation in France is considered in the article. Four stages of history of translations are allocated: XIV–XVI centuries; XVII–XVIII centuries; XIX century; XX–XXI centuries. An originality and an orientation of art translations, typical for the certain epoch are analyzed. The specific character of a translational method at each stage is revealed.

Key words: art of translation, the French literature, style, a translational method.

Одержано 9.10.2015.

УДК 82.111(091)

K. JAFAROVA,

*doctorant of School of Philology and Journalism,
Azerbaijan University of Languages (Baku, Azerbaijan)*

REALISM IS POSTMODERNISM

The current paper postulates the idea of literary movements being the amalgam of romantic and realistic techniques that undergo changes as time goes by. As a short article like this precludes following the history of major literary movements in light of this postulate, this paper explains the rationale behind the postulate and discusses only the literary movement of Postmodernism, as encompassing Realism and Romanticism and the transformation of the last two undergone in the process of making the former.

Key words: The history of literature, the literary movement of Postmodernism, Realism and Romanticism.

The history of literature is as old as the history of Homo sapiens. With the formation and development of language people discovered themselves as storytelling animals, which in turn led to the art of fiction that evolved along with the mankind. So many writers so many minds; different genres of literature proliferated and reflected «intellectual, linguistic, religious, and artistic influences» [4, para. 1]. Literature came to hold a mirror to life itself. But what kind of mirror was that? Emile Zola (1928) likened the work of art to «a window open to creation; there is, set into the frame of the window, a sort of transparent screen, through which one sees the objects, more or less deformed, submitted to changes more or less perceptible in their lines and in their colors. These changes correspond to the nature of Screen» [1, p. 250].

Zola then used the «Screen» metaphor to explain differences between classical, romantic, and realist representations of life. Thus the classical screen was a «fine sheet of chalk ... of a milky whiteness», whose images appeared in piercing, dark lines. The romantic screen «let all the colours through», alongside with «arge spots of light and shade», like a prism, or «a mirror without stain». The realist screen was «a simple windowpane, very thin and clear ... so perfectly transparent that the images come through and reproduce themselves afterward in all their reality». However, Zola noted that even the realist screen had a thickness that refracted its objects and transformed them slightly. Zola's «screen theory» is applicable to all literary movements as there is one life and accordingly, one mirror that changes throughout the time, that is one-dimensional. Therefore, we can speak of one reality only that has already happened (past), that is happening now (present) and is about to happen (future). It is generally accepted that reality can be either objective (existing outside our mind, independent of any conscious entity) or subjective (what we perceive, the inner reality of our mind). When we are sober, two forms of reality overlap. Whereas when we are asleep subjective reality takes the dominance. If applied to fiction, two literary movements/periods/techniques i. e., Romanticism and Realism can be said to encompass subjective and objective realities respectively. Although as distinct literary periods/movements they are time bound. As literary techniques they have been present in fiction since bygone times although in different ratios. Thus, other movements can easily been analyzed in light of the merging of romantic and realistic techniques. As the purpose of this paper is to compare and contrast only two of them elaborately, i. e. Realism and Postmodernism, we will not focus on the other movements. In order that you may draw some conclusions and for us to give some plausible examples let us look first look at Romanticism and then at Realism closely.

For this purpose I have decided to refer to the Russian and English sources that accurately generalize the literary movements the way they are accepted in academic fields.

Romanticism, main characteristics [13, p. 4–5]

- The idea of the freedom of the individual;
- That the individual is unique with his strong feelings, a rebel and proud loner, who hates the mediocre and doesn't obey the system, resists it and is placed in the centre of the «picture»;
- Romantic mentality and aesthetics are built on contradictions and antitheses; the main antithesis being the contrast between the ideal and the reality; of soul and reality;
- Soul is revealed unfolded in nature, in feelings (first of all in love) and art (it's the sphere of fantasy and imagination). Through these means only the individual is perceived and realized. Inner life, passions and moods of the individual make up the considerable part of the work;
- Space and time are boundless and vast. The action can take place both in the sky and on earth, in the waters of the stormy seas, in underground caves, unknown countries, in ordinary cities, in the specific time of history or in eternity;
- Wide use of mythological and folklore topics, biblical motives, historical and scientific materials;
- Main problems of the romantic works: loneliness, wandering, art and the artist, childhood, cult of intuition, cult of passion, crime and punishment, madness, cult of fantasy and imagination, etc.

Realism, main characteristics [13, p.13–15]

- Broad description of real life;
- True to life description of events;
- Typical characters;
- Unlike romanticism where self-expression and the essence of being are significant, for realists the analysis of the social essence of being and the cognition of inner patterns of historical and social processes are significant. Thus realism presupposes socio-historical determinism of the described events and characters;
- In this sense realistic technique reveals an affinity with science, it relies on facts of reality, accumulates and systematizes them. Exploration of the world and the human is based on the analysis and synthesis of the phenomena of the world. Realism strives to establish relations, provide the interaction of «cause and effect», follow the work of laws of being;
- Typicality; realists perceive the personality as a result of certain epoch, social environment, upbringing – in other words the private «inquiry» of the whole range of external «reasons» of social order;
- Realist characters are in evolution, which is prominent in the most productive form of the novel in the *bildungsroman*;
- Realism is linked not only with the self-improvement of the character but also of the actions, plot and the «non-intervention» of the author.

Romanticism, main characteristics [7, p. 6]:

- Preoccupation with social and political affairs
- Realistic topics based on folk tales and ballads
- Plain feelings and true emotions
- Emphasis on individual freedom
- Nature in a typically idealized form embracing tradition
- Introducing cultural nationalism
- Exploring national history
- Bringing back medieval national roots including history of language, institutions, thought and architecture
- Rejection of artificialities
- Imagination – mixture of factual details and adventurous doings
- Simple in style, popular in appeal
- Creative, innovative, exploratory in approach
- Inclusive in interests

Realism, main characteristics [6, p. 4]:

- Faithful representation of life

- Concentrating on middle-class life and preoccupations
- Scenes of humble life
- Criticism of social conditions
- Characters are at the centre of interest as opposed to a plot
- Subjects portrayed with simplicity and respect but little elaboration
- Honest, matter-of-fact style
- Objects or figures are represented impartially and objectively

After reviewing the characteristics of these two literary techniques now we can turn to Postmodernism to see how these three are related and if Postmodernism can be treated as the amalgam of the latter two. This is especially relevant when Postmodernism claims that «there is nothing new under the sun» and therefore, nothing original, i. e. everything that had happened happens according to a spiral model only in a higher order:

- Like Romanticism Postmodernism rejects the philosophy of Enlightenment (which stressed that «logic and reason were the best response to stupidity, cruelty and superstition» [9]). However, unlike Romanticism, Postmodernism does not accept anything as reliable means of knowing things.

- Freedom, imagination and emotion are common to both Romanticism and Postmodernism.
- Subjectivity and emphasis on individualism and solitary life in society are common to both Romanticism and Postmodernism.

- Fascination with the past, especially the myths and mysticism of the Middle Ages is common to both Romanticism and Postmodernism, whereas Postmodernism does not always idealize it but often has an ironic attitude or deconstructs it.

- The same aspiration for detailed realistic and factual representation can be observed in both Realism and Postmodernism, although the latter tends to go further and explores the alternatives also.

- Mistrust in science is present in Romanticism and Postmodernism, because the former cherishes nature and the latter denies all metanarratives.

- Romantics were relativists, which means they looked less for absolute truth (in morality also) than Enlightenment thinkers did. As we know, postmodernists deny all kinds of ultimate truths. And even then realists realized that there were few absolutes and people were neither completely good or bad, but somewhere in the middle. Subsequently, realists avoid being preachy, as do postmodernists. Postmodernism is also associated with the tendency to dissolve binary categories and expose their co-dependency which can be seen as the highest level of relativity.

- All three, i. e. Romanticism, Realism and Postmodernism have produced psychologically complicated and multifaceted characters that replicate the turmoil of ordinary people.

- In a «nature versus nurture» dilemma all three side with the first. In Romanticism individuals are driven by their strong passions; in Realism heredity shapes the human character; in Postmodernism the individual is regarded as an effect of desires or discourses and power systems.

- In Realism most action happens in the minds of the characters. While in Postmodernism the same is true, those happenings are also likely to be phantasmagoric or «romantic».

- The purpose is the same: for Realism and Postmodernism – to stimulate the nature of reality more accurately – indefinite, unknowable, and ever changing.

- Both Realists and Postmodernists consult with their associates to be accurate with scientific descriptions. Honoré de Balzac (1799–1850) reportedly consulted with associates in order to learn more about specific subjects, so as to portray them in their fullness [5, p. 6]. Ian McEwan gives credit to Neil Kitchen (MD, FRCS (SN), Consultant Neurosurgeon and Associate Clinical Director, The National Hospital for Neurology and Neurosurgery, Queen Square, London) for his help with his novel *Saturday* [3, p. 292]. In *Enduring Love* he expresses his indebtedness to several authors of non-fiction books («I am indebted to the following author and books: E.O. Wilson, *On Human Nature*, *The Diversity of Life*, *Biophilia*; Steven Weinberg, *Dreams of a Final Theory*; Steven Pinker *The Language Instinct*; Antonio Damasio, *Descartes' Error*; Robert Wright, *The Moral Animal*; Walter Bodmer and Robert» [3, p. 292]).

- There is a kind of grimness and focus on the negative aspects of life to both Realism and Postmodernism that is unappealing: T. Dreiser or T. Hardy's novels, Peter Ackroyd's *Dan Leno and the Limehouse Golem* or Alasdair Gray's *Lanark*, etc.

- Both Realists and Postmodernists employ simple and direct languages.
- Like Romantics Postmodernist don't consider leadership as a primary objective for art (not encouraging society toward a higher good).
- Like Realists Postmodernists address social problems of the day; they condemn hedonism, consumerism, and economic globalism etc.

These were some points to explore how much the three literary movements overlapped and how much of romantic and realistic techniques Postmodernism had. However, Realism and Romanticism have not kept their original form which they had in the second half of the XVIIIth century but have undergone some transformations in postmodern context. Romanticism has shrunk, as Postmodernists do not aspire to originality (That which has been is what will be, that which is done is what will be done, and there is nothing new under the sun, Ecclesiastes 1:9 [10]) and are not idealistic (no ideal love, beauty or state). As for Realism, its envelope is pushed to embrace Romanticism as well, thus, the discursive importance of Realism is magnified and therefore, Postmodernism becomes so eclectic trying to embrace the unembraceable and unpretentious – trying to be as close to real life as possible and humorous – ridiculing every problem it can't settle. Works such as John Fowles' *The Magus* (1966), Salman Rushdie's *The Satanic Verses* (1988), Paul Auster's *Man in the Dark* (2008) exemplify it in the best manner.

In a word, Postmodernism can be considered to be the Realism of late capitalism aiming to embody the reality of commodification and all the complexities of the XXIst century where the virtual world is becoming as important as the real world. Even the forerunner of Postmodernism, Umberto Eco never saw it as an independent movement: «I have come to believe that «postmodern» is not a movement confined to a particular time, but a state of mind or, more precisely, an approach to intentional art. One could even say that every epoch has its own postmodernism, just as it was said that every epoch has its own mannerism» [11]. At this point, it is worth remembering the story behind *The Ingenious Gentleman Don Quixote of La Mancha* (1605) that parodies chivalric novels written before it.

Another interesting facet of Postmodernism is about fragmentation. The world is supposed to be a fragment itself (Jean-Luc Nancy is in broad agreement, and in *The Sense of the World* (1993) suggests that we must learn to conceive the world as an absolute fragment. The world does not depend on anything: it is absolute. The world will never be complete: it is a fragment. Existence is therefore an absolute fragment [2, p. 84]) and thus is depicted as such. Although this is only an assumption postmodernists as advocates of this idea usually portray life in fragments making an attempt to reflect those small fragments/scenes in minute accurate details. Kevin Hart's words: «What's important about the postmodern is that it allows us to live without the illusions that modernity dangled before us – that, if we were reasonable and worked hard, we might all be free and prosperous and happy» [2, p. 10] once again confirm the fact that postmodernity calls us to be realists and free ourselves from illusions and reconcile with postmodern «reality». Now we all have our own micro-narratives (postmodernism's like a broken mirror reflecting surface made of fragments and at the same time reflecting each person looking in it) and «black» is not always black because we tend to see things through different perceptions. Rejection of binary oppositions and grand narratives consequently erases boundaries between «low» and «high» culture creating chaos and giving way to diversity and pluralism that means everything and anything can be questioned and must be questioned.

In postmodern fiction everyone gets a space to self-express; here the big bad wolf tells us the «true»/«innocent» story of his crimes (Jon Scieszka and Lane Smith *The True Story of the Three Little Pigs*, 1989), Grendel (John Gardner *Grendel*, 1971) narrates his story which makes us believe he was not a snarling nasty monster but an intelligent outsider, Cecilia, Robbie and Briony (Ian McEwan *Atonement*, 2001) interpret the same episode at the fountain so very differently that eventually it brings about an adversity, etc. Narrating the events from different perspectives can be seen as new realist technique that appeared in order to depict the objective reality more accurately and broadly, from all possible/interested perspectives and points of view. It is also worth mentioning rewritings of some popular novels, such as *Jane Eyre* from «true» realist perspective (D.M. Thomas's *Charlotte: The Final Journey of Jane Eyre*) or things that happen after happy marriage (like in most Jane Austin novels), e. g. Graham Swift's *Ever After*.

As reality is multifaceted, there is always the controversy of this or that novel being postmodern or not. We have to turn to Wittgenstein's theory of Family Resemblance and take it as natural when a certain postmodern novel does not demonstrate all the postmodern characteristics but only some of them [12, p. 66–67]. Postmodern characteristics crisscross the works; there is no definite number of conditions but a cluster of factors making the work postmodern. In real life we seldom get answers to all our questions, and neither do we in postmodern novels; neither Stephen nor the reader learns what happens to his daughter Kate after she is kidnapped in the supermarket (Ian McEwan's *Child in Time*), etc. Jeanette Winterson in her introduction to *Oranges Are Not The Only Fruit* (a postmodern novel, written in 1985) gives a very good reason for choosing an extra-ordinary way of narration, which best describes her intentions to be as close to real life as possible:

«*Oranges* is an experimental novel: its interests are anti-linear. It offers a complicated narrative structure disguised as a simple one. [...] You can read in spirals. As a shape, the spiral is fluid and allows infinite movement. But is it movement backwards or forwards? Is it height or depth? Draw several, each drifting into each and all this will be clear. [...] I really don't see the point of reading in straight lines. We don't think like that. Our mental processes are closer to a maze than a motorway; every turning yields another turning, not symmetrical, not obvious. Not chaos either. A sophisticated mathematical equation made harder to unravel because X and Y have different values on different days» [8, p. XVII–XVIII].

Postmodernism has been the subject of many heated debates and is still considered a controversial issue. Where some critics declare its death, others speak of it as conservatism. Others divide it into two (negative and positive), and some even speak of Postmodern Realism. Some Russian critics greet the advent of Postpostmodernism and many more see it as the end of Modernism. As the discussions continue, the absurdity of the whole issue is being revealed and many wonder if Postmodernism exists as an independent phenomenon or not. If the law of dialectics is applied, the postmodern is said to be the result of negation of the negation, i. e. the negation of Modernism, which in turn negated the kitsch that Postmodernism brought back and made the norm. Leaving aside its current state and by acknowledging romantic and realistic techniques standing behind all the literary movements we can explain even such a complex phenomenon as Postmodernism without losing sight of literature echoing the life of society.

Bibliography

1. Zola E. Correspondence (1858–1871) / Emile Zola. – Paris: Editions de Bernauard, 1928. – 325 p.
2. Hart K. Postmodernism: A beginner's guide / K. Hart. – Oxford: Oneworld. Print, 2004. – 192 p.
3. McEwan I. Saturday: A novel / I. McEwan. – New York: Anchor Books Print, 2006. – 289 p.
4. Periods of Literary History. N.p., n.d. Web. 08 Mar. 2015. – Available at: <http://web.cn.edu/kwheeler/>
5. Realism. Retrieved February 8, 2015. – Available at: <http://writershistory.com>
6. Realism. Retrieved February 11, 2015. – Available at: <http://www.online-literature.com/periods/realism.php>
7. Romanticism. Retrieved February 8, 2015. – Available at: <http://writershistory.com>
8. Winterson J. *Oranges Are Not The Only Fruit* / J. Winterson. London: Vintage. Print, 2010. – 171 p.
9. Literary Terms and Definitions Web. 07 Mar. 2015. – Available at: https://web.cn.edu/kwheeler/lit_terms_R.html.
10. The New English Bible: New Testament. – New York: Oxford University Press, 1961. – 447 p.
11. Eco U. Postscript to The Name of the Rose. Hanser / U. Eco. – Munich/Vienna, 1984. – 84 p.
12. Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Third Edition / L. Wittgenstein. – G.E.M. Basil Blackwell, 1958. – 250 p.
13. Тихонова О. История зарубежной литературы XIX века / О. Тихонова. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета. – 2007. – 48 с.

References

1. Eco, U. Postscript to The Name of the Rose. Munich, /Vienna, 1984, 84 p.
2. Hart, K. Postmodernism: A beginners guide. Oxford, Oneworld Print, 2004, 192 p.
3. Literary Terms and Definitions Web. 07 Mar. 2015. Available at: https://web. cn.edu/kwheeler/lit_terms_R.html (Accessed 28 October 2015).
4. McEwan, I. Saturday: A novel. New York, Anchor Books Print, 2006, 289 p.
5. Periods of Literary History, n.p., n.d., Web. 08 Mar., 2015. Available at: <http://web. cn.edu/kwheeler/> (Accessed 28 October 2015).
6. Realism. Retrieved February 11, 2015. Available at: <http://www.online-literature.com/periods/realism.php> (Accessed 28 October 2015).
7. Realism. Retrieved February 8, 2015. Available at: <http://writershistory.com> (Accessed 28 October 2015).
8. Romanticism. Retrieved February 8, 2015. Available at: <http://writershistory. com> (Accessed 28 October 2015).
9. The New English Bible: New Testament. New York, Oxford University Press, 1961, 447 p.
10. Tihonova, O. *Istorija zarubezhnoi literatury XIX veka* [History of Foreign Literature of 19th century]. Voronezh, Izdatel'sko-poligraficheskii centr Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007, 48.
11. Winterson, J. Oranges Are Not The Only Fruit. London, Vintage Print, 2010, 171 p.
12. Wittgenstein, L. Philosophical Investigations. Third Edition. G.E.M. Basil Blackwell, 1958, 250 p.
13. Zola, E. Correspondence (1858–1871). Paris, Editions de Bernauard, 1928, 325 p.

В данной статье анализируются идеи о направлениях различных литературных движений, где соединяются романтические и реалистические методы, которые претерпевают изменения со временем. С учетом объема статьи рассматриваются общие черты основных литературных направлений в свете этого постулата. Сделана попытка обоснования этого положения, основной упор делается на литературном движении постмодернизма, как охватывающего реализм и романтизм одновременно и процесс преобразования последних двух под влиянием первого.

Ключевые слова: история литературы, литературное движение постмодернизма, реализма и романтизма.

У статті аналізуються ідеї про напрямки різних літературних рухів, де з'єднуються романтичні й реалістичні методи, які зазнають зміни з часом. Враховуючи обсяг статті, розглядаються загальні риси основних літературних напрямів в аспекті цього постулату. Зроблено спробу обґрунтування цього положення, наголошується на літературному русі постмодернізму, який охоплює реалізм і романтизм одночасно і процес перетворення останніх двох під впливом першого.

Ключові слова: історія літератури, літературний рух постмодернізму, реалізму і романтизму.

Одержано 9.10.2015.

УДК 17:821.161

I. SUKHENKO,

*PhD in Philology, Associate Professor of
Mass Media and International Communication Studies Department,
Oles Honchar Dnipropetrovsk National University*

FROM NATURE BELIEFS TO THE POLITICIZED ECOCRITICISM: A BRIEF GLANCE ON UKRAINIAN ECO-IMPERATIVES FORMATION

The premises as well as the early background of ecological criticism in Ukrainian literary studies are under study in the thesis in the aspect of researching «the eco-ethnic complex», including the physical environment and its ethnic traditions. The special attention is paid to the impact of «ethnic-nature» relations on the specific ethnic character, regarded as a set of social and psychological features that are determined by social, economic, historical as well as geographical factors concerning how society functions and can appear in culture, traditions, and customs. The background of ecocriticism studies within Ukrainian context is studied here as the crossroads of ecological aesthetics and literary studies, based on religious and social perspectives under Ukraine's social transformations and negative effects of industrialization. The initial steps of ecocritical studies are reconsidered within the formation of Ukrainian ecological consciousness, offering both the background for ecocritical studies and a major source of ethnic self-understanding. It tries to highlight the ironic combination of traditional environmental appreciation and contemporary industrial degradation that have occurred in Ukraine. The paper not only introduces us to a rich body of Ukrainian literature, but also tries to focus on the «ambiguity» that occurs between a renewed ecological consciousness and a continuing ecological degradation. Ukrainian society is currently striving to combine democratization with the persistent memory of post-Soviet approaches to solving social problems.

Key words: ecocriticism, ecocritical imperatives, ecocritical narration, eco-consciousness, «nuclear energy» narration, eco-ethnic complex, Chernobyl «genre».

Ukraine is currently undergoing great changes as it moves toward becoming a democratic society, which calls for transformations in all spheres of society. These changes are occurring in a way that reflect the spiritual and intellectual traditions of Ukrainian society. While Ukrainian culture has become more democratic in recent decades, there have been corresponding processes of industrial development and ecological destruction. Like other parts of Eastern Europe (and regions of the Global South in more distant parts of the world), Ukraine is struggling to balance cultural change, economic development, and environmental protection – at present, the latter is faltering. Ukrainian literature, however, is playing a role in directing public consciousness toward the priority of ecological issues. This paper seeks to analyze the ambivalent interactions that occur between people and the non human environment at various levels. One aspect of this transitional process is the society's effort to overcome typical social indifference on the part of Ukrainian citizens and cultivate a more active sense of civic responsibility and engagement among the public. Ukraine is physically located at the very heart of Europe, mediating between Western and Central Europe to the West and Russia to the North and East. But Ukraine has its own unique cultural traditions and perspectives toward the natural world, rooted in pre-Christian beliefs and rituals. Traditionally, Ukrainian cultures have been deeply attached to the natural world, but immigration from other parts of Europe and from Asia over the course of history have led to significant changes in Ukrainian society, including a more detached and destructively materialist attitudes toward nature.

The study of ecological consciousness of Ukraine as a former Soviet country with its changing social processes and systems demonstrates the great concern about ecological problems nowadays. In contrast to more highly developed countries, Ukraine is characterized by a lack of trust in its government's activities. Furthermore, the general lack of ecological consciousness has slowed the rise of social activity in the sphere of environmental protection. The main reason for this situation is the deficient level of public awareness about environmental problems and the people's feeling that they have minimal power to act in protection of the Ukrainian environment. Exposure to information about how more highly developed countries have had positive experiences in adopting environmental protection laws, waste-free production, and environment-friendly technologies would surely have an encouraging influence on public involvement in Ukraine.

Describing the relationship between nature and Ukrainian culture requires distinguishing between the two major parts of Ukraine's bilateral character. This includes the physical environment and its ethnic traditions – this can be called «the eco-ethnic complex». Eco-ethnic factors have given rise to the conflict between industrialization in Ukraine's territories and historically and ethnically rooted nature-oriented spirituality. The tensions between industrialization and nature adoration are the essence of the contemporary environmental predicament in Ukraine [1, p. 63].

«Ethnic-nature» relations impact the specific ethnic character that is regarded as a set of social and psychological features (feelings, values, psychological intentions, emotions, etc.) that are determined by social, economic, historical as well as geographical factors concerning how society functions and can appear in culture, traditions, and customs.

The distinct features of Ukrainian ethnic character include individualism, executiveness, introversion, tolerance, and emotional abundance, the complex combination of which influences the formation of Ukrainians' eco-consciousness as well as the further development of the country's economy and industrial activity [1, p. 63].

The contemporary ecological situation in Ukraine represents the dynamics of ecological culture formation of the Ukrainian society. Ukrainian ecological culture certainly includes substantial knowledge about nature, as is evident in the agricultural system; the reliance on the seasonal calendar even in urban settings in the twenty-first century; nature's impact on folk art and folk medicine; and poetic images in Ukrainian folklore. These are only a few examples of how various kinds of ecological knowledge systems continue to permeate Ukrainian culture, even as the society confronts challenges of industrialization and economic development.

Ukrainian culture has always been greatly influenced by its natural environment. Its folk wisdom has preserved and transmitted a careful attitude toward nature, based on a practical, rational understanding of how best to use natural resources. The Ukrainian people have not traditionally resisted nature, on the contrary they have always had an emotional attachment to the natural world and a respectful attitude toward nature, regarding it as being equal, or even of a superior, status. Despite the Ukrainian worldview's changes in recent decades, Ukrainian culture is characterized by its tight, unbreakable links with nature throughout history [2, p. 42].

Ukraine's ecological culture has shifted its trajectory of development from an agricultural focus to a technological focus. This development parallels a transition from the nature-centered beliefs of Slavic heathens through the theologically-centered principles of Christianity and anthropocentric attitudes toward nature. This was typical of Ukraine when it was a part of the totalitarian Soviet state, but now it has turned towards a newly restored nature-centered ecological ethics. The recent formation of ecological ethics is based on a new awareness of the Earth as a crucial life-support system, up-to-date science, and contemporary religious beliefs as well as other cultural components including economic demands.

In thinking about the development of Ukrainians' new ecological consciousness, it is necessary to pay special attention to the economic causes of both contemporary ecological crises and environmental policy formation. The rise of consumption in the anthropogenic environment is based not on the environmental resources but on human needs and wishes.

The ethical aspects of human attitudes toward nature in the Ukrainian cultural tradition determine the moral principles of human-nature relations in the Ukrainian worldview. Ukrainian ancestors comprehended a sophisticated system of environmental values. A fundamental love

and adoration toward nature is a central feature of Ukrainian mentality. Widely shared Slavic religious beliefs emphasized a non-dualistic understanding of the relationships between humans and the non-human world and stressed the equal value of all living creatures. Adopting Christianity and Western European philosophical ideas promoted the sense of humans' dominant role in human-nature relations in what has come to be contemporary Ukraine. Christianity, with its clearly defined anthropocentric perspective, justified dualistic principles of human-nature relations and paved way for environmental exploitation. Due to the new, more ecologically sensitive Christian philosophy, environmental adoration has begun to be substituted for the more rational, exploitative approach towards nature. At the same time, Christianity, as practiced in Eastern Europe, has called for responsibility not only in interpersonal relations but also in human relationships toward all natural phenomena [3, p. 202].

The ecologically-centered tendency of Ukrainian literary studies as a separate tendency asserted itself in the 1970s and 1980s under the name «**ecological aesthetics**» (Tatiana Fedortsova, Maksym Rylskiy, Volodymyr Pokrovskiy, Vadym Romanenko, Anatoliy Sydelkovskiy) [4, p. 17].

The field was a part of aesthetic studies, devoted to researching relations between humans and nature and the biosphere. This occurred during a period of deep ecological crisis due to the dynamic growth of the country's industrial zones and the destructive use of natural resources, which was an extreme threat to human life as well as a way of demolishing cultural memory. This was a period when acute ecological problems typical throughout the territory of the Soviet Union became prevalent in Ukraine. For instance, Government-sponsored projects changed the course of rivers in Siberia, polluted Lake Baikal and produced human-made seas with the objective of building new hydroelectric plants. The new ecological aesthetics was aimed, by contrast, at the development of reasonable behavioral norms, which could regulate human-nature relations in their ecological, cultural, social, and aesthetic aspects in order to keep the balance between the environment and cultural values. This vision of ecological problems greatly influenced the aesthetic views of the environment in Ukraine.

Literature and film played major roles in the process of supporting the evolution of a new ecological culture in Ukraine. For instance, literary critics have identified a recurring motif in Ukrainian fiction that focuses specifically on human-made seas and their destructive consequences and effects. Instances of early literary interventions that offer resistance to ecological catastrophes in the region are the novella *The Poem about the Sea* (1956) by **Oleksandr Dovzhenko** (Олександр Довженко, *Поєма про море*), the novel *Birds Leaving Their Nests* (1965) by Ivan Chendey (Іван Чендея, *Птахи залишають гнізда*), and the novella *Farewell to Matyora* (1976) by Valentin Rasputin (Валентин Распутін, *Прощання з Матьорою*), to name a few.

Oleksandr Dovzhenko's *The Poem about the Sea* was regarded as one of the author's great works, a narrative about «the labor and the beauty» as well as «the ethnos's souls» [1, c. 33]. Critics refer to it as proof of the author's «**great magnitude of romanticism**» [5, c. 96]. Later fiction by Oleksandr Dovzhenko as well as works by Ivan Chendey and Valentin Rasputin have been regarded as a fictional treatments of human stories connected with the urgent ecological problems of those times. The most resonant fiction of that period was a novel called *The Cathedral* (1967) by Oles Honchar (*Собор*), where the writer emphasized the long-standing problem of negligent attitudes toward the Samara cathedral – one of the most unique and exquisite cultural memorials in Ukrainian culture. The concern with environmental degradation and negligent treatment of cultural monuments went together and represented a new mid-twentieth-century Ukrainian struggle to restore both cultural phenomena that had been undermined by the Soviet system and the natural environment that had been trashed by Soviet-era industrialization. The reaction of critics (Ukrainian as well as foreign) to these works of fiction began to pay attention to the ecological features of Ukrainian literature as well as its new problems, themes, and even terminology. The subject of «Human-Nature» has always been and still is among the main problems of Ukrainian literature.

While speaking about the early background of ecological criticism in Ukrainian literary studies, it is necessary to mention the works by Euvgen Malanyuk, 1897–1968 (*Malanyuk Euvgen. Ukrainian Literature in the Contemporary Vision. Literary Herald. Volume 7 (1932): 626-633 – Маланюк Євген. Українська література в світлі сучасності. Літературно-науковий вісник, 1932, Кн.7. – С.626–633*), Yuriy Lyra, 1900–1944 (*Lyra Yuriy. Assignment of Ukraine, N.Y.,*

1933 – Липа Юрій. *Призначення України, Нью-Йорк, 1933*), Dmytro Chyzhevsky, 1894–1977 (*Chyzhevsky Dmytro. A History of Ukrainian Literature, 1975 – Чижевський Дмитро. Історія української літератури, Нью-Йорк, 1975*), who spoke about the geographical factor as the main «coordinator» of Ukrainian thinking, way of living, world perception as well as ecological culture, which is based on Slavic traditions, religion and morality and which corresponds to the «biological rhythms» of Ukrainian nature. These works did not mention «ecological approach» towards narration analysis, but they formed the background for its further development in Ukrainian literary studies. Later Ukrainian fiction analysed the close human-nature as well as “human-earth” relations. The national specificity of ecological approach towards fiction works analysis was implemented in researching issues on environmental protection in its multilevel representations (including issues on harm and crime against nature, nature protections for further generations, escapism ideas, etc.) which forms the ecological culture of a character. Among the first works, that talk about an ecological approach towards Ukrainian literature, stands «*The Image of “Earth” in Ukrainian and Canadian Literature*», 1996 («*Міфологема землі в канадській та українській літературі*» 1996) by Natalia Ovcharenko, one of the contemporary Ukrainian literary scholars. For Ukrainian literary traditions «earth» is not only soil, «earth» is life, hope, joy, wealth, as said Natalia Ovcharenko along with other literary critics of Ukrainian literature.

Nowadays the ecocritical movement in Ukraine is at its dawning point. The first steps of implementing the ecocritical toolkit towards narration analysis within the Ukrainian literary studies were made by Oleksandr Kozlov (1937–2010), one of the brightest theorist of literary criticism in Ukraine. He spoke about the ecocriticism movement at his lectures and numerous conference debates, but he had no chance to have his articles on these issues published. Beside the author of this article, Ukrainian ecocriticism is among the academic interests of two Ukrainian literary scholars: Larysa Gorbolis with her «*Ecological Culture of Characters in Artistic Interpretation of Ukrainian Writers*», 2010 and «*Ecocritical Dimensions of Ukrainian Literature: Expediency and Implementation (on the example of “Wood Song” by Lysya Ukrayinka)*» 2011 [6, p. 5] as well as Mykola Tkachuk «*Human and Nature in Ukrainian Literature in the Light of Ecocriticism*» 2011 [7, p. 52]. These works demonstrate that ecocriticism within Ukrainian context is the crossroads of ecological aesthetics and literary studies, based on religious and social perspectives. Nonetheless, this new attention to environmental and social restoration was not enough to transform Ukrainian society and overcome the negative effects of industrialization. The explosion at the Chernobyl nuclear power plant on April 26, 1986, was a watershed event in the Ukrainian ecological consciousness, but it did not find prompt representation in Ukrainian literature about nature. That became some years later. But in the first year – only brief official information and plenty of gossip about «something has happened» and occasional meetings with people, evacuated from the Zone. It was later, when this accident became the most painful and evident symptom of what the Ukrainians call the «ill society». This nuclear catastrophe as well as other alarming factors made the Ukrainian society face the necessity of getting informed of the truth about itself and building all spheres of life on the basis of a viable moral structure. The literature of the post-Chernobyl period should be viewed through the lens of how the Chernobyl nuclear accident helps Ukrainian literature address questions of truth and human morality.

The accident at the Chernobyl nuclear power plant produced a peculiar surge of ecologically-directed publications as well as enabling the appearance of «ecological nonfiction/documentaries» (so-called «writings on ecological affairs») and «ecological memoirs» (representing the «writer’s ecological approach»). Ukrainian writers’ responses to the nuclear accident were extremely dynamic; among them are documentary notes/nonfiction works such as *Yuriy Shcherbak, Reasons and Consequences* (1986), *Yuriy Shcherbak, Chernobyl* (1989), *Volodymyr Yavorivskiy, Maria with Mugwort at the End of the Century* (1988), *Ivan Druch, Chornobyl Madonna* (1988), *Borys Oliynyk, Seven* (1988), *Lidiya Viryna, At That Fire Night* (1989), *Vitaliy Mykul’skiy, Fire Destructors* (1996) and others. But the critics’ responses to these and other works were restrained and low-key. Sometimes a newly published work went by unnoticed.

The process of adopting new eco-imperatives in the society is a multistaged one. First scientists, dealing with ecological and environmental issues, face the necessity of changing the situation. Then philosophers comprehend the situation as well as form the concepts of post-Chernobyl human’s attitude towards the environment. And finally politicians and non-governmental

organizations have real possibility to influence the course of events and implement real plants in order to provide not only democratic but also ecological development of the society. This situation can encourage the Ukrainians to implement the new ecological consciousness and form the ecological future of Ukraine, as *Anatoliy Tolstoukhov*, a Ukrainian politician and scholar, mentioned [8, p. 175].

It is quite early to state that Ukrainian literary studies can have the tendency to present well-formed ecocritical research, especially in comparison to the achievements of the North American literary criticism where the content of ecocriticism, its connections with the contemporary ecological thinking, and the methods of implementing the ecocritical toolkit in textual analysis are well developed. **Ukrainian literary studies have reached the point of feeling the urgent need to push forward in the direction of ecocritical research**, as Ukrainian ecological consciousness is now sufficient to offer both the background for this research and a major source of ethnic self-understanding, which will enable future Ukrainian artists, writers and scholars to make a unique contribution to the field.

The history of Ukrainian society, as a Soviet state and as a region that became world famous as a nuclear disaster zone, may seem to defy the possibility of a viable ecologically sensitive society. Nevertheless, there is a deep, pre-Soviet tradition of environmental respect and concern among the Ukrainian people, and the excruciating disaster that took place at Chernobyl in 1986 has helped to bring forth the sense of traditional attachment to and concern for nature within this society.

Bibliography

1. Ермолаева А. Украинский характер: аналитический доклад / под ред. А. Ермолаева, А. Левцун, С. Денисенко. – Киев, 2011. – 64 с.
2. Тагліна Ю. Національний характер українського етносу та його вплив на екологічну культуру / Ю. Тагліна // **Вісник Харківського національного університету ім. В. Каразіна «Філософські перипетії»**. – Вип. № 638. Серія філософія. – Харків: Харківського національного університету, 2004. – С. 38–42.
3. Андреева Т. Розвиток моральних засад відношення «людина-природа» в українському світогляді / Т. Андреева // *Мультиверсум. Філософський альманах: зб. наук. праць*. – Київ: Український центр духовної культури, 2000. – Вип. 11. – С. 201–212.
4. Борейко В.Є. Екологічна естетика: методичний посібник для вчителів / В.Є. Борейко, Н.А. Пустовіт. – К.: Логос, 2012. – 17 с.
5. Варго О. Динаміка екологічної свідомості в Україні / О. Варго // *Науковий вісник Харківського державного педагогічного університету ім. Г. Сковороди. Серія: Філософія*. – Харків: ХДПУ ім. Г. Сковороди, 2004. – Вип. 15. – С. 95–99.
6. Горболіс Л. Екокритичні виміри української літератури: доцільність і прийнятність застосування (на прикладі «Лісової пісні» Лесі Українки) / Л. Горболіс // *Філологічні трактати*. – 2011. – № 3. – С. 5–10.
7. Ткачук М. Людина і природа в українській літературі крізь призму екокритики / М. Ткачук // *Дивослово*. – 2011. – № 6. – С. 52–56.
8. Толстоухов А.В. Глобалізація. Влада. Еко-майбутнє: моногр. / А.В. Толстоухов. – К.: Парапан, 2008. – 308 с.

References

1. Iermolayeva, A., Lectsun, A., Denysenko, S. *Ukrainiskyi character: Analitycheskiy doclad* [Ukrainian Character: Analytical Report]. Kyiv, 2011, 64 p.
2. Taglina Yu. *Natsionalniy character ukrayinskogo etnosu ta yogo vplyv na ekologichnu culture* [National Character of the Ukrainian Ethnos and Its Impact on the Ecological Culture]. *Visnyk Kharkivskogo natsionalnogo universytetu imeni V. Kazaryna. «Philosofski perypetyi»* [The Herald of Kharkiv Karazin Natinal University. «Philosophical Twists»], No. 638. Seriya Philosophia. Kharkiv, publ. Kharkivskogo natsionalnogo universytetu 2004. pp. 38-42.
3. Andreyeva, T. *Rozvytok moralnyh zasad vidnoshennya «lyudyna-propoda» v ukrayinskomu svitoglyadi* [The development of moral basis of «human-nature» relation in Ukrainian

world perception]. *Multiversum* [Multiversum] Kyiv, publ. Ukrayinskiy center dukhovnoyi kultury, issue 11, pp. 201-212.

4. Boreyko, V., Pustovit, N. *Ecologichna estetyka* [Ecological aesthetics]. Kyiv, publ. Logos, 2012, 17 p.

5. Vargo, O. *Dynamika ecologichnoyi svidomosti v Ukrayini* [The dynamics of ecological consciousness in Ukraine]. *Naukoviy visnyk Kharkivskogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu. Seria Filosofiya* [The Scientific Herald of Kharkiv State Pedagogical University. Series Philosophy]. Issue 15. Kharkiv, publ. Kharkivskiy derzhavniy pedagogichniy universitet, 2004, pp. 95-99.

6. Horbolis, L. *Ecocrytychni vymiry ukrayibskoyi literatury: dotsilnist i pryynyatnist zasto-suvannya (na prykladi «Lisovoyi pisni» L. Ukrayinky)* [Ecological Dimensions of Ukrainian Literature: Reasonable and Available Implementation (on the example of «Wood Song» by L. Ukrayinka)]. *Philologichni traktaty* [Philological Tractate], no. 3, 2011, pp. 5-10.

7. Tkachuk, M. *Lyudyna i pryroda v ukrayinskiy literature cherez pryzmy ecocrytyky* [Human and Nature in Ukrainian Literature in the aspect of ecocriticism]. *Dyvoslovo* [Dyvoslovo]. No. 6, 2011, pp. 52-56.

8. Tolstoukhov, A. *Globalizatsiya. Vlada. Eco-maybutnie* [Globalization. Power. Eco-future]. Kyiv, publ. Parapan, 2008, 308 p.

Досліджуються передумови формування екологічної критики в українській літературній критиці в аспекті вивчення «еко-етнічного комплексу» взаємодії навколишнього середовища та етнічних традицій українців. Робиться акцент на впливі відносин «етнос – природа» на формування певного етнічного характеру, який розглядається як низка соціальних і психологічних особливостей етносу, що визначаються соціальними, економічними, історичними, географічними чинниками у плані позиціонування свого місця у навколишньому середовищі. Представлено провідні ідеї еко-критичного доробку сучасних українських літературознавців, які репрезентують стан функціонування «еко-критики» у сучасному українському контексті. Основи еко-критичних досліджень в українському контексті вивчаються на перехресті екологічної естетики і літературознавства в контексті соціальних перетворень і негативних наслідків індустріалізації України.

Ключові слова: еко-критика, еко-критичні імперативи, еко-критичний наратив, еко-свідомість, наратив «ядерної енергії», еко-етнічний комплекс, «чорнобильський» жанр.

Исследуются предпосылки формирования экологической критики в украинской литературной критике в аспекте изучения «эко-этнического комплекса» взаимодействия окружающей среды и этнических традиций украинцев. Акцентируется влияние отношений «этнос – природа» на формирование определенного этнического характера, который рассматривается как ряд социальных и психологических особенностей этноса, которые определяются социальными, экономическими, историческими, географическими факторами в плане позиционирования своего места в окружающей среде. Представлены основные идеи экокритических исследований современных украинских литературоведов, которые представляют уровень функционирования «экокритики» в современном украинском контексте. Основы экокритических исследований в украинском контексте изучаются на перекрестке экологической эстетики и литературоведения в контексте социальных трансформаций и негативных последствий индустриализации Украины.

Ключевые слова: экокритика, экокритические императивы, экокритический нарратив, эко-сознание, нарратив «ядерной энергии», эко-этнический комплекс, «чернобыльский» жанр.

Одержано 21.10.2015.

ЛІТЕРАТУРНІ ТРАДИЦІЇ: ДІАЛОГ КУЛЬТУР ТА ЕПОХ

УДК 82/821.0

Т.А. ИСМАИЛОВА,
*докторант филологического факультета
Бакинского государственного университета (Азербайджан)*

ПСИХОЛОГИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧЕХОВА И ДЖАЛИЛА МАМЕДКУЛИЗАДЕ

Каждый писатель в своем творчестве подходит к проблеме человека, его образу жизни, миро-воззрению и переживаниям с собственных, особых позиций. С этой точки зрения психологизм занимает особое место в развитии художественной прозы. И азербайджанская, и русская литература внесли значимый вклад в сокровищницу мировой литературы. Эти образцы творчества открыли новые, широкие возможности для дальнейшего развития самых различных литературных направлений. Психологизм – средство, позволяющее читателю раскрыть «я» героя во всей полноте. В современной литературе психологизм является одним из главных приемов, позволяющих раскрыть образ, характер в литературном произведении.

Ключевые слова: психологизм, образ, литература, направление, художественное произведение.

Психологизм литературного произведения подразумевает проникновение в глубину образа, выявление его души, переживаний, тайных чувств. В художественной литературе в таких случаях образ представляется как «живое целое». В процессе психологического анализа характеров на передний план выдвигаются и внутренние, и внешние данные героя. В частности внешний облик героя, его манера одеваться, держать себя, время и пространство, в которых он существует, также создают определенную почву для психологического раскрытия образа. Подлинная сущность личности раскрывается в ее нравственных исканиях, жизненной философии и отношениях с окружающим его обществом.

Психологизм – особенность, отличающая самые глубокие литературные произведения и производящая наиболее сильное впечатление на читателя. Создание полнокровного образа невозможно без психологизма. События и происшествия, происходящие с героем, могут внешне предстать в одном качестве, однако, преломляясь в душе героя, те же события выглядят иначе и производят на него и на читателя совсем иное впечатление. Психологизм проявляется в случаях, когда автору необходимо создать полную картину чувств и переживаний своего героя, его душевное состояние.

К числу писателей, обращавшихся в своем творчестве к психологизму, относятся Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, И.С. Тургенев, Ф. Стендаль, Ж. Санд, Г. Флобер, М. Пруст и многие другие. В частности Ф.М. Достоевский писал: «Меня называют психологом. Это не совсем верно, я всего лишь реалист в самом высоком смысле слова, то есть я изображаю человеческую душу во всей ее глубине» [6, с. 95].

Как явление литературы психологизм зародился в конце XIX – начале XX вв. Здесь необходимо сделать оговорку: элементы психологизма существовали в литературе с самых давних времен. Что касается современной литературы, то психологизм, как правило, яв-

ляется основой всего сюжета произведения. В литературе конца XIX – начала XX ст. психологизм получил свое наивысшее развитие в произведениях Г. Флобера и Ф.М. Достоевского. Зарождение психологизма в литературе – не было случайным явлением. На рубеже XIX и XX ст. в Западной Европе происходили серьезные изменения. Процесс обновления затронул самые разные аспекты литературного творчества, и особое внимание привлекали взгляды модернистов. Вне всякого сомнения, психологизм составлял неотъемлемый, возможно самый важный элемент литературы модернизма. Точнее, психологизм явился его философской основой. С этой точки зрения особый интерес представляет теория, выдвинутая С. Кьеркегором. По мнению Кьеркегора, отдаление человека от физической силы и углубление его в духовный мир связано с глубинными страхами, что представляется иррациональным явлением. Психологизм означает именно углубление в мир чувств. В своем известном труде «Страх и трепет» философ утверждает, что силы, порождающие чувство безысходности и депрессию, происходят из страха. Спасение от этих тяжелых ощущений Кьеркегор видел в религии. В опубликованном в 1845 г. труде под названием «Ступени жизненного пути» ученый предлагал новый путь: «В религии человек безоговорочно склоняется перед волей Бога и в результате обретает «истинную свободу». «Понимание – удел людей, вера – их отношение к Богу». Утверждая эту мысль, ученый приводил также определенные доказательства. Основываясь на них, Кьеркегор утверждал, что вера и разум должны развиваться параллельно, и интеллект, и ум обязаны подтвердить существование Бога. Подобные мысли высказывались еще в эпоху Средневековья. Так, Фома Аквинский (1226–1274) представлял повиновение Богу и интеллект в тесной взаимосвязи, и предлагал подтвердить существование Бога посредством науки. Фома Аквинский раскрывал психику человека именно внутри веры. После Серена Кьеркегора вопросы психологизма подробно исследовались в трудах З. Фрейда, Ф. Ницше и других выдающихся ученых XX ст.

В целом в XX в. наблюдается качественно новый подъем литературного творчества. Именно в XX ст. достижения научно-технической революции раскрыли совершенно новые горизонты перед обществом. Вместе с тем те же достижения, войны и революции приводили людей к разочарованию и безысходности. Что касается революций, то они несли в себе лишь разрушительное начало.

В XX в. наука была направлена на познание человеком самого себя. В то время философия и литература искала выход из духовного кризиса и чувства безысходности. Некоторые мысли, высказываемые Иваном Карамазовым, героем романа великого русского писателя Ф.М. Достоевского в его знаменитом романе «Братья Карамазовы», перекликаются с проблемами XX в. По Достоевскому, человек, обретая свободу, обретает вместе с ней и вечную, возможно самую мучительную проблему – кому верить? Человеку для внутренней опоры необходим авторитет, тайна, наконец, чудо для того, чтобы направить именно на них свои поступки и помыслы. Поэтому человек и человеческое общество никогда и ничего не может ненавидеть так, как ненавидит освобождение» [3].

Одной из характерных особенностей импрессионизма, зародившегося в 60–70 гг. XIX ст. во Франции, является заострение внимания на случайных, мимолетных событиях и деталях, создание тесной связи между ними при помощи тончайших нюансов. С этой точки зрения творчество великого русского писателя А.П. Чехова в определенном смысле сопоставимо с импрессионизмом. В произведениях А.П. Чехова всегда присутствуют неясные и скрытые оттенки настроения. Чехов представляет динамику человеческой души посредством психологизма. Именно благодаря такому подходу писатель сумел донести до читателя все оттенки человеческих чувств.

Раскрывая внутренний мир своих героев, их взгляд на описываемые события, их характеры, Чехов усиливает психологизм произведения. Для Чехова прошлое не столь важно, писателю достаточно одного, особого мгновения, чтобы ухватить пульс жизни и уловить логику событий, раскрыть их силу.

Все сказанное в полной мере относится к рассказу Чехова «Мужики». «Смерти боялись только богатые мужики. Богатая, они все меньше верили в Бога и спасение души, и све,чи в храме зажигали на всякий случай, из опасения перед Страшным судом. А бедные мужики смерти не боялись. Глядя прямо в глаза старикам и старухам говорили: «Пожили и хватит, помирать пора. А тем все равно. Смерти они не боялись, однако пугались всякой

болезни. Чуть боль в животе или простуда – старуха тут же ложилась на печь, куталась в одеяло и громко, не останавливаясь, стонала: “Ох, помираю...”. Старуха любила лечиться, и часто ходила в больницу. В больнице отрицала, что ей 70 лет, говорила что 58, подозревала, что врач, узнав ее истинный возраст, не станет ее лечить и вернет обратно, сказав, что ей пора умирать» [4, с. 284]. Все сказанное и есть истинная реальность, подлинный психологизм. Психологизм есть событие, и в то же время он же сам порождает определенные явления. Старуха выдумывала ложь, именно основываясь на окружавшей ее реальности. Писатель с большим мастерством раскрывает эту взаимосвязь.

В большинстве случаев А.П. Чехов показывает расхождение между мыслями человека и его поступками, доносит это до читателя при помощи юмора, и смешает его, в то же время заставляет его думать. Этот смех, тонкий и мягкий, может однако, быть и горьким. В качестве примера можно привести один из интереснейших рассказов А.П. Чехова – «Ради яблок». По словам самого Чехова, яблоки принесли похитителям ту же пользу что когда-то Адаму и Еве. Владелец сада Трифон Семенович не отпустил похитителей яблок без наказания.

Наказать их можно было по-разному – посадить в погреб, выпороть крапивой или раздеть догола. Однако Трифон Семенович подготовил им наказание, по сравнению с которыми и порка, и содержание а погребе были бы восприняты намного легче. Писатель доносит до читателя напряженность ситуации очень тонкими психологическими штрихами. Так, парень по приказу Трифона вынужден избить свою девушку, что он и делает. Он избивает невесту, несмотря на ее крики, бьет так, словно перед ним не его невеста, а сам Трифон. Наконец Трифон говорит: «Ну ладно, мои дорогие, хватит. Можете идти. Прощайте! Пришлю яблок на вашу свадьбу [5, с. 23]. Эти слова, с одной стороны, показывают страшное унижение молодых ради яблок, с другой стороны – раскрывают удовольствие, которое получил Трифон от этого наказания. Молодые, придя в себя после наказания, не могут, и не хотят видеть друг друга, расходятся по разным сторонам дороги – направо и налево. Это уже психологическое состояние. Этот случай, горький для молодых, для Трифона был привлекателен ощущением власти над ними.

А.П. Чехов никогда не был сторонником нравоучений в своих рассказах. Однако до Чехова еще никто не показывал трагизм народной жизни такими средствами. Мельчайшие детали помогают раскрыть глубокие явления, и Чехов, конечно же, передает их с большим мастерством.

Выдающийся азербайджанский прозаик, драматург, публицист, занимающий особое место в литературно-общественной мысли Азербайджана, Джалил Мамедкулизаде также привнес в национальную литературу новые демократические идеи, которые распространял при помощи знаменитого журнала «Молла Насреддин». Произведения Джалила Мамедкулизаде создавались в лучших традициях национального реализма, поднимали самые актуальные проблемы своего времени.

Писатель, мечтавший избавить свой народ от невежества и необразованности, в прозаических и драматических произведениях, в периодической печати боролся с безграмотностью, отсталостью народа. Знаменитый писатель создал образы непреходящего значения, призывающие к борьбе с отсталостью и невежеством. До Джалила Мамедкулизаде жанр рассказа в азербайджанской литературе еще не сформировался полностью. Что касается идей его рассказов, психологизма их образов, то они вполне способны составить основу целого романа.

Джалил Мамедкулизаде заложил основу реалистического рассказа в азербайджанской литературе. Он был первым писателем, «перешедшим границу» между литературным и разговорным языком; первым писателем, представившим в своих произведениях картины повседневной жизни, изображавшим не «супергероев, сверхличностей», а самых простых, обычных людей, другими словами, «сделавшим маленького человека достойными большой прозы, литературы». Джалил Мамедкулизаде был первым писателем, отказавшимся в описаниях от приукрашивания, вымысла, считавшим реальную жизнь единственным спутником подлинной литературы. Посредством одного лишь типа или образа писатель привлекал читателя в огромный мир и заставлял его мыслить.

Например, рассказ «Почтовый ящик». Это произведение представляет особый интерес сразу с нескольких точек зрения. Посредством психологизма, писатель описывает простого, темного человека, его комические поступки, беспомощность, продиктованные необ-

разованностью и невежеством. Психология беспомощного, невежественного человека, его страдания, волнение, страх, смятение, зов о помощи, – все эти состояния героя доносятся до читателя с большим мастерством.

Выдающийся писатель и ученый литературовед Мир Джалал писал: Мы все вышли из «Почтового ящика» Джалила Мамедкулизаде. Достоевский также говорил, что «мы все вышли из гоголевской «Шинели» [3, с. 14]. Это действительно так, поскольку названные писатели создали необычные типические образы. И у Чехова, и у Джалила Мамедкулизаде герои – рядовые люди, представители простого народа.

Ситуация, в которую попал слуга Новрузали, его чувства, тонкий и в то же время горький юмор заставляют читателя думать, размышлять. Хан, вручив Новрузали письмо, поручил опустить его в почтовый ящик. Темный, неграмотный Новрузали не знает, где находится почта. Хан объяснил ему и вновь наказал, чтобы тот не отдавал никому письмо, а, опустив его в ящик, вернулся домой. Однако Новрузали, будучи невежей, в то же время очень ответственный и совестливый человек. Дойдя до почтового ящика, он после долгих раздумий бросает письмо в ящик. Здесь возникает другая проблема – Новрузали не знает, что делать дальше – уйти или остаться, чтобы сторожить письмо.

– «И что же я вижу?! Этот тип, бесстыдно вынул письма из ящика и – себе подмышку! Он хотел было закрыть дверцу ящика и отправиться дальше. Я быстро подбежал и вцепился в руку уруса. Послушай, говорю, приятель, куда это ты несешь бумаги? Люди их что, для тебя положили? А ну, без разговоров, подобру-поздорову, положи эти бумаги на место. Пока Новрузали жив, ты бумаги его хозяина не унесешь. Нехорошо ведь. Нельзя зариться на чужое. Отдай, говорю, бумаги моего хана. А он ни в какую, вот и пошли врукопашную. А тут еще солдаты подоспели из присутственного места, избили меня и бросили в кутузку. Гурбан олум, хан, если бы не вы, меня бы давно послали бы в Сибирь. В кутузке, кроме меня еще несколько арестантов, так они сказали, что тот урус находится на службе. Ну что поделаешь? Хан, молю тебя, сам скажи: кто виноват?»

Хан долго хохотал, а Новрузали все продолжал молить его: «хан, ради деток своих, отпусти меня, я уйду».

Через полтора месяца Новрузали привели в суд и решили посадить его на три месяца за «неуважение к служащему». Однако Новрузали так и не признал своей вины [3, с. 128–129].

Таким образом, Новрузали был потрясен до глубины души. Этот честный, совестливый человек, не понимая сути своего положения, сожалел, все же продолжал оправдываться. Джалил Мамедкулизаде в образе этого темного человека представляет образное проявление невежества, чрезмерной покорности, раскрывает его психологию.

Подобная тема в несколько другом ракурсе представлена А.П. Чеховым в его знаменитом в рассказе «Смерть чиновника». Червяков, закашлявшись, случайно обрызгал слюной генерала. Мысль об этом, о возможном гневе генерала не дает Червякову покоя, мучает его. Наконец, Червяков просит прощения у генерала, и тот спокойно отвечает ему, что не стоит беспокоиться. Однако Червяков на этом не успокаивается.

Он вновь обращается к генералу с просьбой простить его. На этот генерал отвечает холодно – «Полно вам... Я давно забыл, а вы снова об этом». Червяков с сомнением посмотрел на генерала: «Говорит, что забыл, а глаза злые, даже говорить со мной не хочет. Надо объяснить ему, что я не нарочно это сделал, это закон природы. А то подумает, что я хотел оплевать его. Если не сейчас, то потом обязательно подумает!» [4, с. 12].

Червяков решил вновь извиниться перед генералом. Извинения повторялись вновь и вновь. Генерал наконец потеряв терпение, закричал на Червякова: «Вон отсюда! Не смейте больше ко мне являться!»

– Что? – у Червякова перехватило дыхание. Генерал затопал ногами – «Вон отсюда!» Услышав это, Червяков пришел домой, лег на диван и умер. [4, с. 13].

В этом рассказе Чехов виртуозно использует все возможности психологизма. Чеховский психологизм вытекает из повседневной жизни, самых обычных будничных случаев. В рассказах Чехова описываются не экстраординарные, а напротив, самые обычные жизненные ситуации. Писатель строит повествование таким образом, что оно становится близким каждому читателю, поскольку описываемые в рассказах ситуации знакомы каждому.

Психологизм Джалила Мамедкулизаде также основан на наблюдениях реальной жизни. Если в «Почтовом ящике» Новрузали всего лишь слуга, горемыка, живущий жела-

нием исполнять любые приказы своего хозяина- хана, то Червяков в рассказе «Смерть чиновника» – мелкий чиновник, готовый пресмыкаться перед вышестоящими чинами, и для которого гнев генерала оказался смертельным случаем.

В драме «Мертвецы» Джалил Мамедкулизаде мошенник и проходимец шейх Насрулла, умело используя религию и невежество людей, составляет список их умерших родственников и обещает вернуть их к жизни. Ограниченные, необразованные люди с радостью ждут «воскрешения» своих родных и готовы пожертвовать всем ради шейха Насруллы.

Джалил Мамедкулизаде доводит ситуацию до абсурда – мужчины готовы свести своих жен и дочерей с шейхом, чтобы обеспечить им в дальнейшем место в раю. Среди тех, кто желал «воскресить» своих родных были и такие, кто в глубине опасался воскрешения своего отца, матери, брата – какую пользу они принесут, восстав из гроба? Драматург тонкими и очень точными штрихами разоблачает истинный облик этих людей. С этой точки зрения монолог пьяницы Искендера, открывшего людям глаза на истинное положение вещей, представляет собой один из самых неповторимых монологов в мировой литературе.

«Мертвецы! Сегодня шейх Насрулла встанет над вашими головами, и прочитав молитву, громким голосом позовет вас: Поднимайтесь, о благочестивые рабы Аллаха!» Однако я советую вам не следовать словам шейха. А если спросите, почему, то я готов ответить. Вы покойные, сейчас спите вечным сном и не видите, что творится на этом свете.

Я клянусь вам Богом – как только вы высунете головы и встанете на ноги, сразу же пожалеете об этом. Придя домой, вы увидите, что двери вашего дома закрыты. Вы постучитесь в дверь, а там спросят: «Кто там?» – «Я хозяин этого дома» – ответите вы. Из-за двери вам опять же ответят – «Убирайся! Мы тебя не знаем» – «Как же так, ведь я Кербалаи Гусейнгулу, это мой дом. У меня здесь жена, дети»

– Не болтай, убирайся к черту. Твой брат Гаджи Фарадж женился на твоей жене, прибрал к рукам твой дом, а детей послал пасти скот». Еще скажут, что такому дряхлому старику место в гробу. Так что, послушайте пьяницу Искендера и покойтесь с миром, как раньше покоились. Покойтесь с миром, да упокоит Аллах ваши души!» [3, с. 417].

Монолог Искендера находится в центре произведения. Этот монолог обладает огромной обличающей силой, в нем раскрывается истинная суть деятельности священнослужителей, опасность фанатизма, суеверия. Посредством монолога Искендера Джалил Мамедкулизаде сталкивает подлинных покойников с живыми. Вера людей в «воскрешение», их покорность шейху, готовность отдать ему своих дочерей и сестер – все это свидетельствует о том, что эти люди морально уже мертвы. Эта мысль доносится посредством монолога Искендера.

В качестве примера можно привести и другое произведение Дж. Мамедкулизаде – «Кеманча». В этом произведении описывается армяно- азербайджанская война в начале XX ст. Юзбаши Гахраман и его друзья поймали армянина по имени Бахши, и твердо намерены его убить. Однако Юзбаши жалеет армянина и хочет, чтобы тот в последний раз сыграл ему на кеманче. Бахши проворно вскочил, поставил кеманчу на колени и начал вдохновенно играть один из лучших азербайджанских мугамов-«Раст», затем плавно перешел на «Шикесте-Фарс». Юзбаши, слушая чарующую музыку, постепенно присел, и вроде бы незаметно, вставил кинжал в ножны. Вокруг царил тишина [3, с. 435].

А Бахши все играет, уже звучит «Сегях-Забул». Музыка приводит Юзбаши в такое состояние, что его душевная боль на мгновение заставляет его забыть про армянина. Наконец, словно очнувшись, Юзбаши поднялся на ноги со словами: «слушай, армянин, возьми свою кеманчу и убирайся отсюда! Или, клянусь могилой своего отца, головой друзей, убью этим кинжалом и тебя, и себя».

– Куда мне идти, господин?

– Не знаю! К черту, к себе домой!

Глядя вслед армянину, Юзбаши бросил вслед ему кинжал со словами: «Подлая жизнь!» [3, с. 436].

Как видно из приведенного отрывка, Дж. Мамедкулизаде прекрасно знал психологию своего героя. Писатель четко показывает, что музыка, превратившись в невидимую и в то же время таинственную и мощную силу, способна заставить героя глубоко чувствовать, вызывать в его душе особые переживания. В результате, события, их ход получают совершенно новое направление, поражающее читателя. В произведении «Кеманча» песня,

услышанная юзбаши Гахраманом в исполнении армянина, вызывает в его душе смятение, напоминает ему о самом высоком гуманизме, свойственном азербайджанскому народу. Гахраман, переживший столь глубокое душевное потрясение, уже не может убить человека.

В этом эпизоде также явно прослеживается психологизм – волшебная музыка, зов сердца и сила оружия не могут сосуществовать в едином пространстве. Герой вырос под звуки этой музыки, она созвучна его душе. Дж. Мамедкулизаде показывает, что волшебная музыка есть часть наших духовных ценностей, и ничто не может заглушить эти ценности в душе главного героя. Отпустив армянина, герой словно возвышается над жесткостью жизни. Он не может справиться с собой, потому что гуманизм всегда побеждает оружие.

Литература не может существовать без образа, так же, как не может быть образа без характера, характера без чувств, волнений и переживаний. В целом создание законченного произведения невозможно без психологизма. Образ является связующим центром всего литературного произведения, всей литературы. Писатель, используя психологизм, создает характер, показывает образ во всей глубине, со всеми сложнейшими переплетениями чувств и переживаний, взаимоотношений с собственным «я» и окружающим миром.

Список использованных источников

1. Джалал М. О реализме Джалила Мамедкулизаде / М. Джалал. – Баку: Изд-во БГУ, 1966. – 70 с.
2. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы / А.Б. Есин. – М.: Флинта, 2003. – 176 с.
3. Мамедкулизаде Дж. Произведения / Дж. Мамедкулизаде. – Баку: Азернешр, 2004. – Т. 1. – 451 с.
4. Чехов А.П. Избранные произведения / А.П. Чехов. – Баку: Маариф, 2009. – 486 с.
5. Чехов А.П. Избранные произведения / А.П. Чехов. – Баку: Гянджлик, 1987. – 467 с.
6. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – Баку: Аргюнеш, 2005. – 378 с.
7. Кьеркегор С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. – М.: Республика, 1993. – 383 с.

References

1. Dzhahal M. *O realizme Dzhailila Mamedkulizade* [About realism of Dzhailil Mamedkulizade]. Baku, BDU, 1966, 70 p.
2. Esin A.B. *Psihologizm russoj klassicheskoy literatury* [Psychologism of the Russian classical literature]. M., Flinta, 2003, 176 p.
3. Mamedkulizade Dzh. *Proizvedenija* [Works]. Baku, Azerneshr, 2004, vol. 1, 451 p.
4. Chehov A.P. *Izbrannye proizvedenija* [Selected works]. Baku, Maarif, 2009, 486 p.
5. Chehov A.P. *Izbrannye proizvedenija* [Selected works]. Baku, Gjandzhlik, 1987, 467 p.
6. Bahtin M. *Problemy pojetiki Dostoevskogo* [Problems of poetics of Dostoevsky]. Baku, Argjunesh, 2005, 378 p.
7. K'erkegor S. *Strah i trepet* [Fear and trembling]. Moscow, Respublika, 1993, 383 p.

Кожен письменник у своїй творчості підходить до проблеми людини, її способу життя, світогляду і переживань з власних, особливих позицій. З цієї точки зору психологізм займає особливе місце в розвитку художньої прози. І азербайджанська, і російська література зробили значний внесок у скарбницю світової літератури. Ці зразки творчості відкрили нові, широкі можливості для подальшого розвитку найрізноманітніших літературних напрямів. Психологізм – засіб, що дозволяє читачеві розкрити «я» героя у всій повноті. У сучасній літературі психологізм є одним з головних прийомів, що дозволяють розкрити образ, характер в літературному творі.

Ключові слова: психологізм, образ, література, напрям, художній твір.

Every writer has own approach to problem of human, his mode of life and outlook and internal life. So, writer describes his personages from his own creative and life position. From this point of view, psychologism is means of greatest importance for literature. Both Azerbaijani and Russian literature made a valuable contribution in world culture and literature. These samples of literary creativity discovered new ability for further development of different literary trends. Psychologism is means, let reader to understand «Me» of hero in all completeness. In modern literature, psychologism is used as one of main method for explaining character of literary work.

Key words: psychologism, character, literature, trend, literary work.

Одержано 9.10.2015.

УДК 82.091

Е.Ю. РАСКИНА,
*доктор филологических наук, доцент,
научный сотрудник Международного
гуманитарно-лингвистического института
(Москва, Российская Федерация),*

А.А. УСТИНОВСКАЯ,
*старший преподаватель Международного
гуманитарно-лингвистического института
(Москва, Российская Федерация)*

ПЕРЕКЛИЧКА ТРЕХ ГОЛОСОВ: ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ, ДАНТЕ ГАБРИЭЛЬ РОССЕТТИ И Н.С. ГУМИЛЕВ

Два Данте – Данте Алигьери и названный в честь великого флорентийца английский поэт и художник Данте Габриэль Россетти – занимали воображение великого русского поэта Н.С. Гумилева и фигурировали в его стихах. Дантовские мотивы в творчестве Н.С. Гумилева более чем обширны, но в этой статье мы поговорим не только о том, как повлияли на поэзию Н.С. Гумилева образы «Божественной комедии», но и о том, как представлены в творчестве русского поэта мотивы, образы и символы живописного и поэтического творчества вождя английских поэтов и художников-праерафаэлитов – Данте Габриэля Россетти.

Ключевые слова: английские праерафаэлиты, Серебряный век русской литературы, акмеизм, флорентийское Возрождение, сонет.

Английского поэта и художника Данте Габриэля Россетти нарекли в честь Данте Алигьери. Россетти соединил в своем характере итальянский темперамент и английскую романтичность, поскольку, будучи по родителям итальянцем, увидел свет в Англии. Россетти был виртуозным мастером сонетов и баллад. Об этом явственно говорит его книга сонетов – «Дом жизни», название которой перекликается с книгой Данте – «Новая жизнь». Россетти был страстным почитателем Данте, работал над комментариями к «Божественной комедии» и неоднократно изображал свою супругу Элизабет в образе Беатриче. Сонеты зачастую как бы «озвучивали» его картины.

В поэзии, как и в живописи, Россетти остается праерафаэлитом: для его живописи характерны средневековый колорит и пристрастие к символике, в ней тщательно продуман каждый штрих. Основная тема его стихов – любовь: «В груди Любви протяжный бой, / Где Небо молкнет, слыша вдруг / Где ангелов садится круг / На каждой сфере голубой, / Как дух мой вознестись не мог, / Когда в лучах иных дорог / Под пенье солнц, он / Познал на миг с душой её, один лишь Бог!» [8, с. 33]. Цикл из 101 сонета, «Дом жизни» – главный поэтический памятник Россетти, в котором не только прослеживается сложное духовное и телесное развитие любовных отношений, но и преобладают мотивы юности, любви, недолговечности, обреченности, смерти. Россетти намеренно использовал архаичную лексику, привычные слова помещал в чуждый контекст, придавая им новый смысл. Часто он ставит в словах неверное ударение и подбирает необычные рифмы, чтобы появился новый, неожиданный эффект.

По сути своего искусства Россетти принадлежит новому времени, и в его картинах, например, в «Благовещении» (1850), изображения святых модернизированы до такой степени, что автор навлек на себя нападки общества. Сильное чувство к жене, Элизабет Сиддал, которая была и его натурщицей, определило характер изображения большинства женских фигур на полотнах, созданных до ее смерти, – лебединая шея, длинные волосы, томная, влекущая красота.

Россетти так писал об Элизабет Сиддал: «Нисходит память к тонким уголкам / Любимых губ и, пламенем сквозным / Подхвачены, признанья дышат им. / И мы, то отдохнуть даём губам, Беседуя о прошлом, то молчим, Внимая позабытым голосам» [8, с. 42].

Вместе с Элизабет, «музой прерафаэлитов», Россетти похоронил рукописи многих стихотворений (впоследствии опубликованных). Вдохновленный поэзией Данте, он воскрешал ее черты на картинах в облике Беатриче – «Смерть Беатриче», «Беатриче благословенная», «Сон Данте».

Россетти – поэт, достигший совершенного равновесия, совершенной гармонии. Всё, что может сделать переводчик поэзии Россетти на русский язык, – это создать форму, технически достойную оригинала, и предложить собственное видение и интерпретацию. Именно качеством этой интерпретации, её сообразностью, связностью, стройностью, а не так называемой буквалистской «близостью» к оригиналу, и должно определяться качество перевода. Как пишет Вланс: «Россетти – автор прекрасных баллад и лирических стихотворений, однако с наибольшей силой его поэтический гений раскрылся в сонете» [8, с. 8].

Гумилев упомянул Россетти в стихотворении «Музы, рыдать перестаньте»: «Музы, рыдать перестаньте, / Грусть вашу в песнях излейте, / Спойте мне песню о Данте / Или сыграйте на флейте. / Жил беспокойный художник / В мире лукавых обличий – Грешник, развратник, безбожник, / Но он любил Беатриче. / Тайные думы поэта / В сердце его прихотливом / Стали потоками света, / Стали шумящим приливом. / Музы, в сонете-брильянте / Странную тайну отметьте, / Спойте мне песню о Данте / И Габриэле Россетти» [3; т. 1, с. 100]. По мнению А. Чевтаева, в данном сонете «проявляется биографический драматизм отношений Н. Гумилева с А. Ахматовой, спроецированных на перипетии любовного чувства Данте Алигьери к Беатриче» [9]. Хотелось бы добавить, что Гумилев, проецирует свои драматические отношения с Ахматовой и на любовные коллизии Данте Габриэля Россетти и Элизабет Сиддал, музы прерафаэлитов.

«Грешник, развратник, безбожник», любивший Беатриче, – это и Данте Габриэль Россетти, влюбленный в Элизабет Сиддал, но, увы, не хранивший ей верность, и Данте, боготворивший Беатриче, но при этом не отрицавший влияния «демона сладострастия» на человека. И, в конце концов, это сам Н. Гумилев, точнее – лирический герой его поэзии: влюбленный в донну Анну (Ахматову) дон Жуан.

Отношения Данте Габриэля Россетти с его возлюбленной, а затем и женой – Элизабет Сиддал – складывались поистине драматически. Россетти, совсем по-блоковски, любил ее на небе, но изменял ей на земле. Элизабет так и не смогла простить мужу многочисленных измен и отравилась опиумом (по другим источникам – умерла от передозировки опиума). Но именно Элизабет Данте Габриэль Россетти изобразил в облике Беатриче на картине «Beata Beatrix».

На этом полотне красный голубь, вестник смерти, приносит героине цветок мака, символ опиума. Лицо новой Беатриче обращено вверх, к свету. А позади нее, в тени, стоят ангел и сам Данте Габриэль Россетти, так часто обращавшийся к образу своего великого предшественника Данте Алигьери в стихах и живописи.

«Грешник, развратник, безбожник» Россетти действительно любил свою Беатриче (Элизабет Сиддал) возвышенной любовью, но он же и погубил Музу прерафаэлитов, изображенную другим прерафаэлитом, Джоном Эвереттом Миллесом в образе мертвой Офелии, медленно плывущей по реке (полотно «Офелия»). Для своей «Офелии» Россетти сыграл роль принца Гамлета.

Что касается Данте Алигьери, то о нем Д.С. Мережковский написал в биографическом романизованном произведении «Данте»: «Только что выйдя из «темного, дикого леса», selva selvaggia, где заблудился, – столь горек был тот лес, что смерть немногим горше, – встречает он Пантеру. Быстрая, легкая, ласковая, все забегает она вперед и заглядывает ему в глаза, преграждая путь, и он уж хочет вернуться назад. Но весеннее утро так нежно, солнце восходит так ясно, под знаком тех же звезд, что были на небе, в первый день тво-

рения, и «пестрая шкура» Пантеры так весела, что он уже почти перестает ее бояться» [6, с. 155]. Первые истолкователи Дантовых загадок уже разгадали, что эта «пестрая Пантера», *Lonza a lagaetapella*, есть не что иное, как «сладострастная Похоть», *Lussuria*. – «Этому пороку он очень был предан», – вспоминает сын Данте, Пьетро Алигьери» [6, с. 156].

В поэзии Н. Гумилева черная пантера или пантера «с отливом металлическим на шкуре» символизирует «двоящуюся», противоречивую героиню: «У ног ее две черные пантеры / С отливом металлическим на шкуре. Взлетев от роз таинственной пещеры, / Ее фламинго плавает в лазури» (стихотворение «Сады души») [3, т. 1, с. 146]. В процитированном стихотворении «Сады души» «двоящаяся» героиня носит венок великой жрицы («девушка в венке великой жрицы») [3, т. 1, с. 146].

В древнегреческой мифологии черные (или пятнистые) пантеры сопровождали бога вина и вдохновения Диониса. Бог вина и экстаза часто изображался сидящим верхом на пятнистой пантере. Этот дионисийский символ охотно использовал в своей поэзии и авторской мифологии Вячеслав Иванов. У Вячеслава Иванова пантеры – символ дионисийского экстаза. Пантера на вакхических изображениях соседствует с виноградной гроздью.

В гумилевском сонете «рыдающие музы» и «докучные фавны» противопоставлены светлым песням и звукам флейты. Фавны, как и менады, сопровождали бога Диониса (Вакха), и Гумилев, предпочитавший аполлоническую стройность и ясность дионисийскому экстазу, не преминул отметить: «Музыки нет в вашем кличе!» [3, т. 1, с. 100]. Опять же, «дионисийские» рыдания противопоставлены в гумилевском сонете светлой и благородной (аполлонической) грусти.

В древнеримской мифологии фавнов часто отождествляли с богом природы и лесов Паном. Считалось, что Фавн, лесной бог, живёт в чащах, уединённых пещерах или рядом с источниками. Римляне верили, что он предсказывает будущее, ловит птиц и преследует прекрасных нимф. С человеком Фавн общается или во сне или когда человек оказывается на его территории, в лесу, – пугая или предостерегая его лесными голосами. Как и Пан, Фавн может внушать путникам так называемый «панический» страх. Он – дух леса, невидимый людям. Видеть его может, например, собака, способная лицезреть духов. Именно поэтому собака в древнеримской мифологии была посвящена Фавну. Фавн может явиться человеку во сне, но сон этот, как правило, оказывается кошмарным. Фавны могут преследовать смертных женщин своей любовью: отсюда эпитет фавна – *Incubus*.

Показательно, что в гумилевском сонете лесным голосам (кличам) фавнов противопоставлена чистая музыка флейты и песня о Данте (т. е. аполлонизм противопоставлен дионисийству). Здесь Гумилев отступает от древнегреческой мифологии, где флейту, символизирующую голос самой природы, изобрел именно Пан.

Как справедливо указывает М. Гаспаров в своей книге «Занимательная Греция», греки считали музыку (можно добавить – аполлоническую музыку) воплощением упорядоченности и гармонии. «Там, где в мире все упорядочено до совершенства, само собой возникает музыка: глядя на мерное, круговое движение небесных светил, греки верили, что они издают дивно гармонические звуки, «музыку сфер», и мы ее не слышим потому, что с младенчества к ней привыкли» [1, с. 105]. И далее: «И наоборот, там, где возникает музыка, все вокруг из беспорядка приходит в порядок» [1, с. 105].

Символом чистоты и добродетели в гумилевском сонете является также белая роза («Странная белая роза в тихой вечерней прохладе»). У Н.С. Гумилева в стихотворении «Две розы» противопоставлены страстная алая роза и символ нежности первой любви – розовая. «Одна так нежно розовеет, / Как дева, мильным смущена, / Другая, пурпурная, рдеет, / Огнем любви обожжена. / А обе на Пороге Знанья... / Ужель Всевышний так судил / И тайну страстного сгорания / К небесным тайнам приобщил?!» [3, т. 2, с. 70].

Роза из анализируемого нами сонета белая, как мрамор древней Эллады, и так же чиста. Это своего рода «аполлоническая» роза, тогда как алую, как кровь и как вино, розу можно соотнести с духом дионисийства.

Гумилев завершает свой сонет обращением к Музам и упоминанием о «сонете-брильянте», Данте и Габриеле Россетти. Однако кроме двух влюбленных пар «Данте Алигьери – Беатриче» и «Данте Габриэль Россетти – Элизабет Сиддал (английская Беатриче)» в творчестве Гумилева присутствует еще одна пара, духовно близкая предшествующим: Кавальканти и Примавера. Речь идет о рассказе Н. Гумилева «Радости земной любви». В са-

мом названні розповіді закладено протипоставлення: «любовь земная – любовь небесная». Під небесною любов'ю розуміється то возвишенне обожання і преклонення, яке Данте Алігьєри испытывав до Беатриче. Любов сучасника Данте, флорентійського поета Кавальканти до прекрасної Примавери, подруги Беатриче, зовсім друга: це прекрасне земне почуття.

В розповіді, присвяченій Анні Горенко (будущей Ахматовой), ця земна любов описується так: «Одновременно с благородной страстью, которая запылала в сердце Данте Алигьери к дочери знаменитого Фолько Портинари, называемой ее подругами нежной Беатриче, Флоренция видела другую любовь, радости и печали которой проходили не среди холодных небесных пространств, а здесь, на цветущей итальянской земле. И для того, кому Господь Бог в бесконечной мудрости своей не позволил быть свидетелем этого прекрасного зрелища, я расскажу то небольшое, что мне известно о любви благородного Гвидо Кавальканти к стройной Примавере» [3, т. 5, с. 23]. Серед холодних небесних просторів протікала друга любов: любов Данте до Беатриче. Гумілев як би підводить читачів до наступного тезису: не менше прекрасним і возвишеним являється земне почуття, свідетелем радостей і печалей якого був старинний місто Флоренція. Прототипом Примавери в цьому розповіді була Анна Горенко, якою, власне, розповідь і присвячена. Себя самого Гумілев бачить в образі поета Гвидо Кавальканти.

Цей флорентійський філософ і поет був другом Данте Алігьєри, автором філософсько-мистическої любовної лірики, в тому числі і знаменитої «Канцони о любви». Гумілевська Примавера – персонаж вигаданий, о дамі з таким іменем історії нічого не відомо. Більше того, перед нами умовно-поетическе ім'я, адже Примавера означає «Весна». В дійсності Гвидо Кавальканти був одружений на Беатриче, дочки Фаринати дельї Уберти, лідери партії гібеллінів. Однак при цьому поет був гвельфом. В 1300 г. Кавальканти був вигнаний в Сарцану, захворів там малярією і був викликаний назад до Флоренції, але через рік після повернення помер.

В «Канцоне о любви» Гвидо Кавальканти так говорив про природу цього вічного почуття:

«Где память обитает, в этом месте
Живет она, тьмой создана – как светом
В стекле, лучом задетом, – Марса тенью
В душе витает, там ее поместье.
Сотворена, души сильна советом,
Сердечных чувств ответом и хотеньем.
Любовь от зримой формы происходит,
Что входит в ум возможный в виде знанья
И чье влиянье – одухотворенье,
Ведь чувственное чуждо ей боренье,
И с свойствами она родства не водит;
В нее нисходит вечное сиянье» [5].

Інтересна в даному контексті зв'язок любові з пам'яттю («Где память обитает, / В этом месте живет она») [5]. Любов розуміється, таким чином, як усвідомлення, пригадування когось ізначально знайомого образу, як усвідомлення рідної душі. Перед нами теорія Прапам'яті, близька до Н.С. Гумілеву (наприклад, присутня в вірші «Прапам'ять»). Вплив любові на людське істоту розуміється в цій канцоні як «одухотворення».

Ця канцона є відповіддю на сонет флорентійського поета Гвидо Орланді. Автор сонети запитує про сутність любові, чи в ній життя чи смерть, чи в ній народжується. На всі ці запитання Гвидо Кавальканти дає відповіді в «Канцоне о любви». «Дивна канцона о любви», належача перу Гвидо Кавальканти, згадується і в розповіді Н. Гумілева «Радості земної любові».

Як справедливо вказує Діана Грачева, в гумілевському розповіді присутня «пряма посилка до творчості Данте Алігьєри і прихована паралель між його поезією і поезією А. Блока» (цикл «Віршів о Прекрасній Дамі»)» Ісследовательниця пише: «Прекрасная дама Данте, як і А. Блока, приходять до читача з «надмирного», «ззвездного» буття. Для Данте (як і для Петрарки) любов – це спогад, любов – перемога над смертю. Для А. Блока любов – перемога над життям, над її приземленістю, отвір

от обыденного» [2, с. 140]. Д. Грачева также указывает, что «Н. Гумилёв, противопоставляя любовь Данте и Беатриче, «радости и печали которой» проходили среди «холодных небесных пространств», и Кавальканти и Примаверы, происходившую «на цветущей итальянской земле», на протяжении всего рассказа будет косвенно вести спор с А. Блоком. В тексте мы столкнемся с тремя проявлениями любви, бросающими свет на этот спор, расставляющими в нем акценты: это возвышенная неземная любовь (Данте и Беатриче; возвышенная земная любовь (Кавальканти и Примаверы); и приземленная земная любовь (венецианского синьора к Примавере)» [2, с. 142].

Таким образом, в рассказе «Радости земной любви» присутствует косвенное указание на еще одну влюбленную пару – А. Блока и Л. Менделееву-Блок, Прекрасную Даму ранней поэзии Блока. Кроме того, в тексте рассказа прямо упомянута пара «Данте – Беатриче» (возвышенная, небесная любовь). Посвящая рассказ Анне Горенко, Гумилев указывает на свою любовь к ней, на собственную Прекрасную Даму. В стихотворении «Музы, рыдать перестаньте» указывается на еще одну Беатриче, музу Данте Габриэля Россетти, Элизабет Сиддал.

В книге сонетов «Дом жизни» Данте Габриэль Россетти выстраивает целую концепцию любви, понимаемой как сила, которая, благодаря удовлетворению жажды Прекрасного, ведет человека к высшей духовности. Брат поэта, В.М. Россетти, писал: «Рождение Любви в сердце Возлюбленной сравнивается здесь с рождением ребенка и символ продолжен таким образом, что, как Любовь рождается из человеческого сердца, та же самая Любовь становится в конечном счете родительницей человеческих душ, заново появляющихся на свет в иной, бестелесной жизни» [8, с. 226]. В сонетах Россетти мы имеем дело с любовью, соединившей в себе духовное и плотское начало: она сохраняет плотский аспект Эроса, но в то же время вмещает в себя высший смысл духовности. Такое понимание любви, соединяющей в себе плоть и дух, было очень близким поэтам-акмеистам, в частности – Н.С. Гумилеву.

Д.Г. Россетти писал: «Теперь, обняв крылами наши лица, / Любовь поет, склоняется к земле, / Постель готовит нежными руками, / Чтоб нашим душам в свой черед родиться / Ее детьми, но в этой смертной мгле / Волос ее свеченье будет с нами» [8, с. 19]. Небесная любовь, склоняющаяся к земле, а не только уводящая человека в надмирное пространство: такое понимание любви мы находим и в прозе Н.С. Гумилева. В частности в рассказе «Радости земной любви» Гвидо Кавальканти говорит небесному ангелу: «Если хочешь исполнить самое сокровенное желание мое, о светоносный, пойдем туда и ускорим наши шаги; и по той золотой лестнице, о которой ты говоришь, я спущусь на землю, где живет моя Примавера» [3, т. 5, с. 28].

Любовь, соединяющая в себе Эрос и Агапе (духовную связь между душами), – такое понимание любви вполне соответствовало эстетике как раннего, так и позднего творчества Н.С. Гумилева. Более того, подобное понимание любви является связующим звеном между творчеством Н.С. Гумилева и английского поэта-префаэлиты, Данте Габриэля Россетти.

Список использованных источников

1. Гаспаров М. Занимательная Греция / М. Гаспаров. – СПб.: Амфора, 2015 – 479 с.
2. Грачева Д. Философия любви в рассказе Н. Гумилёва «Радости земной любви» / Д. Грачева // Сборник студенческих работ филологического факультета ВГУ. – Вып. 4. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. – С. 140–147.
3. Гумилёв Н.С. Полное собрание сочинений в десяти томах / Н. Гумилев. – М.: Воскресенье, 1998–2008. – 5 000 с.
4. Гумилёв Н. Собрание сочинений в 4-х т. / Н. Гумилев. – М.: Терра, 1991. – 1200 с.
5. Кавальканти Г. Канцона о любви / Г. Кавальканти; перевод и примечания Ю. Юсима [Электронный ресурс]. – Режим доступа: amkob113.narod.ru/amims/mims-4.html
6. Мережковский Д. Данте. Наполеон / Д. Мережковский. – М.: Республика, 2000. – 544 с.
7. Раскина Е.Ю. Исследование культурологических аспектов поэзии «Серебряного века» русской литературы / Е.Ю. Раскина – М.: МГЛИ, 2013. – 128 с.
8. Россетти Д.Г. Дом жизни = The House of Life: [собрание сонетов] / Данте Габриэль Россетти [пер. с англ., предисл. и коммент. Вланеса]. – М.: Аграф, 2009. – 336 с.

9. Чевтаев А.А. Ты подаришь мне смертную дрожь. Концепция любви в книге Н. Гумилева «Жемчуга» / А.А. Чевтаев // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і літературознавство. – 2013. – Вип. 27, Ч. 4. – С. 58–70.

10. Шабанова А. Влияние английской литературы на творчество Н.С. Гумилева: дис. ... канд. филол. наук / А. Шабанова. – М.: МПГУ, 2008. – 170 с.

References

1. Gasparov, M. *Zanimatel'naya Grechiya* [Entertaining Greece]. Sankt-Peterburg, Amfora, 2015, 479 p.

2. Gracheva, D. *Filosofia ljubvi v rasskaze N. Gumileva «Radosti zemnoy ljubvi»* [Philosophy of love in N. Gumilyov's story «Pleasure of terrestrial love»]. *Sbornik studencheskikh rabot filologicheskogo fakulteta VGU* [The collection of student's works of philological faculty VSU]. Voronezh, Voronezhskiy gosudarstvenniy universitet, 2003, vol. 4, pp. 140-147.

3. Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochineniy v desyati tomah* [The complete works in ten volumes]. Moskow, Voskresenye, 1998-2008, 5 000 p.

4. Gumilev, N. *Sobranie sochineniy v 4 t.* [The complete edition in 4 volumes] Moskow, Terra, 1991, 1200 p.

5. Kavalkanti, G. *Kantsona o ljubvi* [Canzone about love]. Available at: amkob113.narod.ru/amims/mims-4.html

6. Merezkovsky, D. *Dante. Napoleon* [Dante. Napoleon]. Moskow, Respublika, 2000, 544 p.

7. Raskina, E.Yu. *Issledovanie kulturologicheskikh aspektov poezii «serebryanogo veka» russkoy literaturi* [Research culturological aspects of «Silver age» poetry of Russian literature]. Moskow, MGLI, 2013, 128 c.

8. Rossetti, Dante Gabriel. *Dom jizni = The House of Life: (sobraniye. Sonetov)* [The House of Life (Collection of sonnets)]. Moskow, Agraf, 2009, 336 p.

9. Chevtaev, A.A. *Ty podarish mne smertnuyu droj. Kontseptiya ljubvi v knige N. Gumileva «Jemtshuga»* [You will present me a mortal shiver. The concept of love in N.Gumilev's book «The Pearls»]. *Aktualni problemy slov'yanskoyi filologii. Seriya: Lingvistika i literaturoznavstvo* [Actual problems of slavic philology. A set: Linguistics and literary criticism]. 2013, issue 27, vol. 4, pp. 58-70.

10. Chabanova, A. *Vliyanie angliyskoj literatury na tvortshestvo N.S. Gumileva: diss. kand. filol. nauk* [Influence of the English literature on N.S. Gumilev's work. Phd cand. sci. diss.]. Moskow, MPGU, 2008, 170 p.

Два Данте – Данте Аліґ'єрі та названий на честь великого флорентійця англійський поет та художник Данте Габріель Россетті – приваблювали великого російського поета М.С. Гумільова та фігурували в його поезіях. Дантівські мотиви у творчості М.С. Гумільова більш ніж численні, але в цій статті ми поговоримо те тільки про те, як вплинули на поезію М.С. Гумільова образи «Божественної комедії», але й про те, як явлені у творчості російського поета мотиви, образи та символи живописної та поетичної творчості вождя англійських поетів та художників-прерафаелітів – Данте Габріеля Россетті.

Ключові слова: англійські прерафаеліти, Срібний вік російської літератури, акмеїзм, флорентійське Відродження, сонет.

There were two famous people in the history with the same last name. First one – Dante Alighieri and the second one, Dante Gabriel Rossetti, the English poet and artist who was named after a famous Florentine. They two were the subject of interest to N.S. Gumilev as he often mentioned them in his verses. The spirit of Dante is revealed through N.S. Gumilev's works. The article looks upon the way creative art of one influenced the art of the other. N.S. Gumilev was the Russian poet who managed to understand the depth of symbolism and artistism of one of the major poets and artists-preraphaelites – Dante Gabriel Rossetti. We will disclose the way the images described in the work 'Divine Comedy' are conveyed through the works of N.S. Gumilev.

Key words: English preraphaelites, the Silver Age of Russian literature, Acmeism, Florence Renaissance, sonnet.

Одержано 9.10.2015.

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЕСТЕТИКИ ТА ПОЕТИКИ ЛІТЕРАТУРНОГО ТВОРУ

УДК 82–94(5): 82–31

И.С. ДАДАШОВА,

*диссертант кафедри сучасної азербайджанської літератури
Бакинського державного університету (Баку, Азербайджан)*

АВТОБИОГРАФИЗМ В ПРОЗЕ ЭЛЬЧИНА (НА ОСНОВЕ РОМАНА «ИЛЬЯС ЭФЕНДИЕВ: ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО»)

В статье исследована документальная публицистика Эльчина Эфендиева, как основной источник информации рассмотрен роман Эльчина «Ильяс Эфендиев: личность и творчество». Основное внимание уделено деталям изложения жизненного пути выдающегося драматурга на основе его творчества. Он связан своими идеалами и идеями с народом. Будучи не очень терпеливым по жизни, Ильяс Эфендиев имел вместе с тем большой творческий успех. Прежде всего, это связано с его талантом и характером. Он всегда относился к своему творчеству с большой ответственностью. Он был искренним, мог терпеливо выслушивать мнение зрителей и читателей, всегда находился в творческом поиске, был предан истине. Все это стало основой его творческого успеха. Внимательно изучая мнение и мысли читателей, И. Эфендиев откровенно и искренне излагал свои автобиографические факты. В итоге он обретал все большее доверие читателей. Таким образом, народный писатель И. Эфендиев прожил достойную жизнь, посвященную человеку, в любви и преданности к своему творчеству.

Ключевые слова: Ильяс Эфендиев, азербайджанская драматургия, Эльчин, автобиография, художественное творчество, творческий успех, характер.

Человеческая природа является миром, полным тайн, и всегда есть потребность в ее исследовании. «При объяснении ее сущности все еще остаются вопросы, которые не прояснены до конца. Сущность человека так же необъятна, как Вселенная. В этом смысле нельзя считать ее познанной до конца. Когда наука пытается проникнуть в глубины сущности человеческой природы, ясно видно, как много здесь еще непознанного. Вот почему для того, чтобы узнать человека, недостаточно даже одной человеческой жизни» [7, с. 193].

Вместе с тем усилия тех, кто посвятил этой проблеме свое время и даже свою жизнь, привели к тому, что в какой-то мере мир, в том числе и внутренний мир человека, стал познаваем. Турецкий мыслитель и поэт – суфий Гаджи Бекташ Вели как-то сказал, что самая большая книга, которую следует еще прочитать – это человек [7, с. 254]. Требуется большое терпение на то, чтобы просто ее перелистать, просто подержать в руках, для этого требуется внимание, терпение, время. К этому делу следует отнестись со всей осторожностью, чтобы ощутить волнение души, ее смятение, ее помыслы. Немецкий поэт Генрих Гейне уделял внимание тому, что является истинной характеристикой человека – его сердцу, его душе: «Душа человека подобна океану: здесь происходят бури, бывают спокойные времена, бывают разливы. Иногда и в глубине прячутся сокровища» [2, с. 273]. Желание обнаружить их, выявить сущность должно подавить все остальные, и с этих пор человек начинает проявлять интерес к изучению этого интереснейшего источника, к его жизненной истории.

С этой точки зрения обращение к литературе, к жанру документальной прозы является правильным выбором. Основным средством здесь является фактологический мате-

риал, его сбор. Именно поэтому для того, чтобы как можно ближе подобраться к жизненной биографии, следует узнать автобиографию человека, которым вы интересуетесь, его образ жизни, среду, которая его окружает. Именно поэтому при необходимости ознакомиться с жизненной историей кого-либо следует изучить его автобиографию, образ жизни, среду, в которой он проживал. Источник информации – это человеческая память. Писатель Вардис Фальчер именно так характеризует его: «Память есть сокровищница воспоминаний» [2, с. 507].

Для точного представления всех деталей человеческой истории собственной или кого-либо другого основное требование следующее: следует помнить, что память предана своему хозяину; следует иметь смелость рассказывать всю правду о событиях; иметь представление о самых мелких подробностях жизни человека, о котором идет повествование.

В статье будет уделено внимание, прежде всего, именно деталям жизни выдающегося драматурга Ильяса Эфендиева, которые описаны в документальном романе известного писателя современного Азербайджана Эльчина «Ильяс Эфендиев: личность и творчество». Отметим, что И. Эфендиев был народным писателем, лауреатом Государственной премии, видным драматургом. Его автобиографические романы «Не оглядывайся, старик», произведения «Трехстволка» «Ты всегда со мной», «Не могу забыть», «Песня осталась в горах» и др. позволяют сделать вывод о том, что сам писатель навсегда останется в сердцах своих читателей. Он был любимым писателем многих поколений страны, его произведениями зачитываются и сегодня. К ним обращаются и представители старшего поколения. Причина одна и та же: содержание их, сюжетная канва, образность и выразительность никого не оставляют равнодушным. Эти произведения фактически являются воображаемым будущим для молодых представителей нынешнего поколения, а для старшего поколения это просто ностальгические моменты. После смерти писателя началась его вторая, бессмертная жизнь, о нем написано много статей, воспоминаний. Известно, что в книгах «Ты всегда со мной», «Буйный цвет нашей памяти», «Страницы жизни» писатель точно, трепетно описал воспоминания о своих друзьях по перу, по искусству, о тех, кого он знал и помнил. Такое впечатление, что все ему близко и дороги. Эльчин в книге «Ты всегда со мной» так говорит о причине бесконечного почитания людьми И. Эфендиева: «Все записи, собранные в этой книге, были сделаны после смерти Ильяса Эфендиева. Наибольшая ценность этой книги для меня состоит именно в этом» [3, с. 4].

На основе этих материалов можно изучить портрет, характер, внутренний мир писателя. Можно увидеть, какова была к нему всенародная любовь, почитание, увидеть истоки этой любви. Ильяс Эфендиев живет в нашем сердце как летописец любви, объединяющий в своем творчестве достоинство, искренность, талант. Народный писатель Анар так пишет об этом: «Ильяс Эфендиев прожил жизнь, достойную его рода и поколения, честную и добросовестную. Причем о достоинстве он не объявлял прямо, он показывал его своим непрерывным творчеством, достойной жизнью, своим пером, когда он, не покладая рук, добросовестно трудился, не обращая внимания на всякие интриги, зависть или ненависть, которыми жили некоторые люди в его окружении. Ильяс муаллим, создавший одно из выдающихся произведений нашей прозы – это произведение “Не смотри назад, старик”, где автор раскрыл свое детство, юность, прошедшие в Карабахе, причем живо, колоритными портретами и героями, яркими сценами изобразил сцены жизни, как прошлой, так и настоящей. Это был труженик, который глядел вместе с тем не назад, а вперед, в будущее искусства, которое он творил вместе со всеми» [1, с. 3].

Отец Ильяса Эфендиева Мухаммед подвергался преследованиям и репрессиям в период сталинской эпохи, в итоге умер молодым, прожив всего 50 лет. После этого в его жизни, воспитании и образовании, становлении, как активного молодого человека и гражданина, в формировании большого интереса к чтению сыграла его мать Бильгеис ханум.

Эльчин, который сумел сохранить в памяти все увиденное и услышанное с детства, хотя и не мог припомнить данные о первом произведении, написанном его отцом, писал об отце не как родной сын, а как первый читатель его произведений, как их критик и редактор. Он стремится показать все особенности характера отца. При этом Эльчин опирается также на высказывания об отце тех, кто его близко знал. Благодаря такому подходу, раскрывается внутренний мир как самого писателя, так и его отца, со всеми подробностями,

характером и идеалами. Рассказывая о жизни Ильяса Эфендиева, мы тем самым рассказываем и о писателе Эльчине. Ясно, что драматург может быть охарактеризован не только по его творчеству, но и по его семейной жизни, социальной деятельности, отношению к жизни в целом. Не случайно, что для занятий литературным творчеством необходимым местом был посчитан именно дом, семья. Известно, что Эльчин пришел в литературу в конце 60-х годов. Ильяс Эфендиев, как основатель лирико-психологического стиля в литературе, уже тогда был писателем, который имел авторитет, его слово было достаточно веским.

Каждый из них, как отец, так и сын размышляли, прежде всего, над человеком, над его нравственностью. Хотя они и пришли в литературу с жанром рассказа, подход каждого из них к теме, конфликту, герою был совершенно другим. Хотя они и сталкивались иногда с несправедливой критикой, им удалось завоевать народную любовь. Это уважение они получили благодаря многочисленным произведениям, в то же время благодаря почитанию народа, уважению к людям, здесь правили высокая гражданская позиция, глубоко укоренившаяся приверженность к национальным и духовным ценностям людей, постоянные размышления о свободе нации.

Произведения И. Эфендиева, благодаря тому, что он писал не по указке и чьему-либо заказу, а писались от всего сердца, очень скоро завоевали сердца своих читателей. Он как-то сказал: «Жизнь надо не изучать, ее надо чувствовать» [5, с. 457].

Он придавал первостепенное значение общению с читателем, выявлению их позиции в том или в ином вопросе. Следовательно, он не затруднялся в определении первостепенных целей и задач. Он мог определить потребности и желания людей, чью психологию он хорошо знал. Эльчин в этом отношении так определил вопросы, которые могли бы раскрыть характер И. Эфендиева: «У Ильяса Эфендиева иногда не хватало терпения прочитать до конца то, что он написал. Для него намного было интереснее, как писателю и как человеку, читать то, что непосредственно воздействовало на его чувства – это письма читателей, которые шли к нему длительной чередой» [5, с. 401].

И. Эфендиев, который всегда отказывался от всякой общественной нагрузки и должностей, которые ему предлагали, внимательно читал письма своих читателей, охотно отвечал на звонки почитателей своих пьес. Он с интересом выслушивал жизненные истории читателей, которые они доверяли ему, как писателю, отвечал на вопросы. Драматург, который по жизни был достаточно нетерпелив, стремился в отношении своих читателей быть предельно внимательным. Именно это внимание и чувствительность обеспечили ему творческий успех. Своими признаниями читатели покорили его сердце, находили к нему подход. Мастер слова, который стремился оправдать высокое доверие своих читателей и зрителей, активно искал пути насыщения их читательского интереса и требований. В итоге он достиг вершины своего творчества и тем самым смог добиться еще большей признательности своих читателей, всего народа. Все это было для него наиболее важным и значимым.

В итоге своих наблюдений Эльчин пришел к некоторым выводам: «Ильяс Эфендиев, не признавая никаких причин, оправданий, поводов для того, чтобы как-то облегчить себе задачи и идти по более легкому пути творчества, избрал главную должность по жизни и кресло в придачу к этой должности – это писательское кресло за своим письменным столом. Его рабочий кабинет был в одной из комнат в квартире, и этот выбор был свойством его природы, его характера, причем очень естественным свойством» [5, с. 401].

Его самая высокая должность была должность исполнительного секретаря Союза писателей, которую он занимал с 1958 г. до начала 1961 г. Все просьбы и предложения, которые были обращены к нему, писатель отверг, однако он не смог отказать просьбе жены друга по творчеству, народного писателя Мехти Гусейна, Фатьмы, и стал работать в указанной организации. Но он родился, чтобы творить. И потому после определенного периода он ушел с этой должности, чтобы заниматься творчеством, поскольку этот род занятий для него имел приоритет над всем остальным.

И. Эфендиев, который создал новый период в азербайджанской литературе, в театре, в частности, своим драматургическим творчеством, активно участвовал в постановке пьес на театральных подмостках, даже не был членом Союза азербайджанских театральных деятелей. Этот факт еще раз подтверждает то, что целью его жизни было служение на-

роду через создание новых актуальных произведений, отвечающих требованию времени. Его произведения были свободны от оков политической идеологии, и это дарило читателю чувство независимости и спокойствия. Его ценили как видного общественного деятеля, потому что он служил народу. Маэстро Тофик Кулиев еще при жизни И. Эфендиева высоко ценил его как общественного деятеля. Единственной причиной, по которой можно назвать человека, который жил в Советском Союзе и не был членом КПСС, общественным деятелем – это завоевание силой пера сердца читателей, жизнь, которая полностью посвящена служению нравственным основам жизни.

«Ильяс Эфендиев, как писатель, который предан современным идеям, тщательно исследует особенности современной жизни, активно противится старому, всегда обдумывал проблемы будущего развития современной литературы, направляя всю свою деятельность на глубокое изучение истории, на то, чтобы воспитать в современном молодом поколении любовь к родному языку, к желанию сохранить и укрепить основы своей родины, защитить свои земли, быть всегда бдительным. Именно благодаря этим качествам И. Эфендиеву дали звание народного писателя республики, заслуженного деятеля искусств, наградили орденом “Дружбы народов”, другими орденами и медалями. Классический творец пера XX века, И. Эфендиев создал такие произведения, которые стали навечно национальным богатством нашего народа» [8, с. 464].

В жизни И. Эфендиева было много как счастливых, так и грустных моментов. Он гордился тем, что страна получила независимость, но потеря Карабаха потрясла его, и это сократило его жизненный путь. Эльчин также в течение короткого промежутка времени привлек внимание художественной общественности своей манерой письма, проблематикой произведений, поэтической силой образности. Еще в возрасте 5–6 лет он выбирал момент, когда отца не было в кабинете, брал листок бумаги, делил его пополам, делал записи и делился ими со своей бабушкой Бильгеис ханум. Бильгеис ханум очень любила читать и умела читать произведения, написанные арабской, латинской, кириллической графикой, ее любимыми писателями были Виктор Гюго и Рашад Нури Гюнтекин. Ее оценка написанного каждый раз словом «хорошо», как писал Эльчин, стимулировала его интерес к творчеству, вдохновляло его: «Это “хорошо” каждый раз словно превращалось в маячок, который проходил в мою суть, мое нутро, ощущение радости при этом жило и обогревало мою душу и греет до сих пор» [4, с. 3].

Отрадно, что именно этот обнадеживающий свет помог зажечь факел успешного творческого пути в будущем. Именно тогда, однажды утром бабушка сказала своему сыну: «Кажется, и он станет писателем» [4, с. 4]. Отец согласился с этим высказыванием своей матери: «Я не сомневался, что речь шла обо мне, когда он сказал «знаю», причем решительно и уверенно, и мне это не показалось странным, но впоследствии, когда Ильяс Эфендиев скончался, каждый год, на протяжении последних восьми лет, как отца не стало с нами, я вспоминаю это постоянно. При этом, вспоминая «знаю», я переношу очень странное и сильное чувство...» [4, с. 4].

Эльчин по окончании седьмого класса как-то изложил свои мысли на бумаге и передал это отцу. Затем свои рассказы он, по совету И. Эфендиева, передает на рецензию писателю Исе Гусейнову. Так же, как и И. Эфендиев, Эльчин, прислушиваясь к зову своего сердца, стал писателем, о чем никогда потом не сожалел. Его произведения, как и произведения его отца, сохранили свою актуальность до сих пор. Произведения, написанные им за последние 32 года, печатаются вновь и вновь, без единого изменения: «Сменились эпохи, сменились общественно-политические отношения, и – я буду откровенен с моим читателем – ощущаю внутреннюю гордость от того, что в этих произведениях нет ни единого слова, которое я хотел бы скрыть от своих читателей, или бы устыдился их, сожалел бы о том, что я их написал» [4, с. 9].

Писатель показывает, что является основной причиной творческого успеха этих историй: верность истине, отказ от лжи, лицемерия, своеобразие творчества, в котором всегда нужно иметь возможность выразить самого себя: «Возможно, что часть этих рассказов сама по себе хороша, а другая часть не очень-то и получилась, тем не менее в них нет ни единого слова лжи. Эти повести и рассказы, независимо от темы, от сюжета в сторону добра или зла, вместе, в совокупности представляют именно меня, своего автора!» [4, с. 9].

Эта решительность вся в отца, поскольку видел отцовское воспитание, семейную ласку и заботу, был воспитан в любви и уважении к отчизне.

Эльчин рассказывает об Ильесе Эфендиеве, что последний был привязан к своим детским воспоминаниям, к своим истокам и корням. У него была очень цепкая память, помнил до конца своих дней самые яркие впечатления, хранил их в своих воспоминаниях. Это можно определить и по характеристике его жизненного и творческого пути. Эльчин приводит и такой факт, как то, что, будучи к себе исключительно требовательным, он никогда не стремился сохранить какие-либо материалы из газет, даже свои произведения он раздавал до последнего своим читателям, друзьям по перу, журналистам, и при повторной публикации приходилось просить из библиотеки последний экземпляр, чтобы перепечатать его на машинке [5, с. 393].

Истинный поклонник искусства, труженик пера, И. Эфендиев все отдавал на попечение времени, занимался творчеством, не покладая рук, и, в конечном счете, слава нашла его сама: «Он не был режиссером своей славы и творчества. по своей сути он был из тех творцов, который отпустил свое творчество на поруки судьбе, времени, истории, для него непреложным являлся факт о том, что что бы ты ни делал, что бы ты ни написал, все это пройдет через жернова времени и оценит или положительно, или отрицательно [5, с. 394–395].

Эльчин подчеркивает, что, несмотря на это, Ильяс Эфендиев не был равнодушен к своему творчеству, напротив, судьба своего творчества всегда волновала его. Иногда эти размышления заканчивались духовным кризисом, исканиями. Он приводит эпизод, который как раз характеризует психологию творчества Ильеса Эфендиева, его характер, в целом особенности его личности: «Однажды вечером я пришел его проведать и сразу почувствовал, что он задумчив, его мысли где-то совсем далеко. У него была хорошая библиотека: современная мировая литература, классики... И вдруг И. Эфендиев встал и стал расхаживать по комнате и остановился перед книжными полками. Показав на книги, он спросил:

– Какой смысл писать после этих корифеев? Смотри, это Шекспир, Сервантес, Мольер, Шиллер, Гете, Лев Толстой, высоко оцениваемый Бальзак, любимый Флобер...

Тогда я ответил И. Эфендиеву так:

– Каждого писателя надо оценивать в рамках его судьбы, исторического контекста. Каждый из них занимает свое место. Иначе все будет подвергнуто сомнению и станет бессмысленным. Я и сегодня считаю, что я правильно ответил своему отцу» [5, с. 393–394].

- Эта деталь подтверждает истину о том, насколько Ильяс Эфендиев был требователен к себе, насколько он был ответственен. Это дает основание сказать о том, что творец слова относился к написанному им и как критик. Именно поэтому литературная художественная критика всегда положительно отзывалась о его произведениях.

- Эльчин подчеркивает, что чтение произведений Ильеса Эфендиева есть непринужденный, свободный, и в то же время своеобразный процесс. Речь идет о том, что он не читал произведения по чьему-либо совету или по принуждению, он читал по своему желанию, причем любимые произведения неоднократно перечитывал. Вдалеке от чьей-либо диктовки, на основе диалога с сердцем он приносил дух свободы в создаваемые литературные произведения, далекие от ограничительных нормативов советского периода. Все это способствовало росту внимания и любви читателей к его произведениям.

Ильяс Эфендиев, внесший новый стиль в драматургию Азербайджана после Джафара Джаббарлы, создал пьесы, постановка которых на театральной сцене страны стала знаковой, и которые украсили ее. Проблемы, затрагиваемые в его произведениях, актуальны до сих пор. Лирико-психологический стиль произведений Ильеса Эфендиева оказывает сильное влияние на душу читателя, содрагает его сердце, затрагивает самые тонкие чувства. Все это впоследствии оказало сильное влияние и на формирование последующей литературной среды.

На основе созданных им пьес был сформирован театр Ильеса Эфендиева, что превратило его в живого классика современной азербайджанской литературы. Председатель Союза театральных деятелей Азербайджана, профессор Азер Паша Неметов так пишет во вступительном слове к книге Марьям Алибейли, посвященной столетнему юбилею Ильеса Эфендиева «Страницы жизни»: «Не ошибемся, если назовем творчество Ильеса Эфендиева краткой историей нашего театра» [6, с. 3].

Правда также и в том, что этот мастер слова был не только творцом, посвятившим свою жизнь театру, искусству, но и незаменимым учителем творческого искусства. Его значимые советы играли большую роль в творческом становлении молодых актеров и мастеров художественного слова. Народная артистка страны Франгиз Муталлимова в своем интервью газете «Экспресс» говорит: «Да будет земля ему пухом, но покойный Ильяс муаллим всегда советовал, что играйте так, чтобы у читателей не появилась даже мысль с вами расстаться. Старайтесь быть загадочными» [9, с. 8].

Он знал секреты успеха, искусства завоевать читателя. Талант, наблюдения и опыт сделали его таким. И. Эфендиев, как настоящий учитель, делился об этом с молодыми людьми. Знаменателен еще один факт, отмеченный Эльчином: «Ильяс Эфендиев на сцене лишь одного театра – Академического Национального Драматического театра поставил 19 пьес, и это событие является беспрецедентным в истории современного мирового театра» [5, с. 448].

Обращение к южной теме, стиль этого обращения позволяет подробно анализировать его отношение к родной отчизне. Фактически спектр его представления о родине – это объединение севера и юга в едином Азербайджане. Еще в советские времена он написал произведение «Не могу забыть», где выразил тоску старца Керима по своей южной родине. Эта пьеса, поставленная на сцене в 1968 г., стала второй по уровню полученного творческого успеха. Народная артистка страны Амалия Панахова, игравшая в его пьесе «Ты всегда со мной», а также еще в 11 спектаклях заглавную роль, так писала в своих воспоминаниях, названных «Искусство, питаемое дружбой»: «В пьесе “Не могу забыть” я сыграла образ Нармин ровно 500 раз, и каждый раз делала это с большим воодушевлением. На этот спектакль народ валил валом» [3, с. 279].

В те времена, несомненно, эти зрители, начиная с конца 40-х годов, приветствовали южную тему, актуальность которой нарастала в азербайджанской литературе и впервые нашла свое выражение и на азербайджанской сцене [5, с. 461].

А. Панахова в своей статье, написанной по случаю смерти писателя и названной «Вы всегда с нами», коснулась и этого вопроса: «А как же страдания по Югу? Не верю, Ильяс муаллим, не верю, что наша песня останется в горах! Эта песня преодолет самые высокие горы!» [10, с. 3].

Свободолюбивый творец слова в своих произведениях, несмотря на запреты, пропагандировал свободного человека, свободу родины. В целом, можно прийти к такому выводу из всего сказанного: первая и основная причина актуальности произведений, как Ильяса Эфендиева, так и Эльчина, первого критика и читателя его произведений, состоит в том, что они всегда были современны и искренни. Они не ищут тайн Вселенной где-то очень далеко. Он подчеркивает, что секрет состоит в самом человеке, ощущая смятение его души, исследуя все движения этой души со всем сердцем, в то же время ведешь себя как настоящий исследователь. В их творчестве доверие носит взаимный характер.

Таким образом, автор, выслушавший жизненные истории читателя, в свою очередь, повествует ему о своем жизненном опыте. В результате, на основе искренних признаний, все это становится открытием для читателя, заслуживая в очередной раз от него доверие.

Список использованных источников

1. Анар. Его место осиротело / Анар // Литературная газета. – 1996. – 11 октября. – № 39 (3011).
2. Джафаров М. Слова, как светочи души и разума / М. Джафаров, С. Рамизоглу. – Баку: Нурлар, 2009. – 568 с.
3. Дильсуз. Ты всегда с нами / Дильсуз, А. Тахирли. – Баку: Гянджлик, 1999. – 392 с.
4. Эльчин. Избранные произведения. в 10 томах / Эльчин. – Баку: Чинар-чап, 2005. – Т. I. – 624 с.
5. Эльчин. Избранные произведения. в 10 томах / Эльчин. – Баку: Чинар-чап, 2005. – Т. I. – 494 с.
6. Марьям А. Страницы жизни / А. Марьям. – Баку: Наука и образование, 2014. – 128 с.
7. Гаджиев З.Д. Философия. учебник для вузов / З.Д. Гаджиев. – Баку: Туран еви, 2012. – 488 с.
8. Современная азербайджанская литература. Учебник для вузов: В 2-х томах. – Баку: Изд. Бакинского университета, 2007. – Т. 1. – 504 с.

9. Муталлимова Ф. Меня поддерживает мое творчество и народная любовь / Ф. Муталлимова // Экспресс. – 29–31 августа. – 1998. – № 87 (129).

10. Панахова А. Вы всегда с нами / А. Панахова // Литературная газета. – 1996. – 11 октября. – № 39 (3011).

References

1. Anar. *Ego mesto osirotelo* [Its seat was deserted]. *Literaturnaja gazeta* [The literary newspaper], 1996, 11 Oktober, no. 39 (3011).

2. Dzhafarov, M., Ramizoglu S. *Slova, kak svetochi dushi i razuma* [Words, as light showers and reason]. Baku, Nurlar, 2009, 568 p.

3. Dil'suz, Tahirli, A. *Ty vseгда s nami* [You are always with us]. Baku, Gjandzhlik, 1999, 392 s.

4. Jel'chin. *Izbrannye proizvedenija: v 10 tomah* [The selected works: in 10 volumes], Baku, Chinar-chap, 2005, vol. 1, 624 p.

5. Jel'chin. *Izbrannye proizvedenija: v 10 tomah* [The selected works: in 10 volumes], Baku, Chinar-chap, 2005, vol. 2, 494 p.

6. Mar'jam, A. *Stranicy zhizni* [Pages of a life]. Baku, Nauka i obrazovanie, 2014, 128 p.

7. Gadzhiev, Z.D. *Filosofija. uchebnik dlja vuzov* [Philosophy. The textbook for high schools]. Baku, Turan evi, 2012, 488 p.

8. *Sovremennaja azerbajdzhanskaja literatura. Uchebnik dlja vuzov: v 2-h tomah* [The modern Azerbaijani literature. The textbook for high schools: in 2 volumes], Baku, Izd. Bakinskogo universiteta, 2007, vol. 1, 504 p.

9. Mutallimova, F. *Menja podderzhivaet moe tvorchestvo i narodnaja ljubov'* [I am supported with my work and national love]. *Jekspress* [The express], 29-31 August 1998, no. 87 (129).

10. Panahova, A. *Vy vseгда s nami* [You are always with us]. *Literaturnaja gazeta* [The literary newspaper], 1996, 11 Oktober, no. 39 (3011).

У статті досліджено документальну публіцистику Ельчина Ефендієва, як основне джерело інформації розглянуто роман Ельчина «Ільяс Ефендієв: особистість і творчість». Основну увагу приділено деталям викладу життєвого шляху видатного драматурга на основі його творчості. Він пов'язаний своїми ідеалами й ідеями з народом. Як людина, не надто терпляча за життя, Ільяс Ефендієв мав разом з тим великий творчий успіх. Перш за все, це пов'язано з його талантом і характером. Він завжди ставився до своєї творчості з великою відповідальністю. Він був щирим, міг терпляче вислуховувати думку глядачів і читачів, завжди знаходився в творчому пошуку, був відданий істині. Все це стало основою його творчого успіху. Уважно вивчаючи думку і думки читачів, І. Ефендієв відверто і щиро викладав свої автобіографічні факти. У підсумку він знаходив все більшу довіру читачів. Таким чином, народний письменник І. Ефендієв прожив гідне життя, присвячене людині, в любові і відданості до своєї творчості.

Ключові слова: Ільяс Ефендієв, азербайджанська драматургія, Ельчин, автобіографія, художня творчість, творчий успіх, характер.

The main source in this article is the documentary novel «Ilyas Efendiyev: personality and art» which holds a special place in national writer's Elchin Efendiyev's prose. Thumbing through the book of the outstanding playwright's life we have paid attention to the details which shows his character. He is closed to the nation with his life and ideals. Impatient person in everyday life I. Efendiyev had a success in oeuvre for several reasons. First of all, it is due to his talent and character. The writer was always responsible in his creations. His honesty, sensitivity, ability to listen to the reader's views patiently, constantly being in search, fidelity to the truth, all this brought success to him. The author listening attentively to the reader's views, honestly narrates about his life's moments in his autobiographical works. As a result, their gains a lot more confidence. So, national writer's I. Efendiyev's life is a life of dignified writer, who lived with love and devotion to the person, and to his works. Therefore it is very important to explore these ways of life.

Key words: Ilyas Efendiyev, Azerbaijani dramatist, Elchin, autobiography, artistic creativity, success, character.

Одержано 21.10.2015.

УДК 82-312.9(44)

С.А. СИДЕИФ-ЗАДЕ,
*диссертант кафедри зарубіжної літератури
Бакинського державного університету (Баку, Азербайджан)*

ЖАНР «ФЭНТЕЗИ» В СОВРЕМЕННОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПРОЗЕ

1990-е годы вошли в культурную жизнь Азербайджана как период кардинальных изменений, связанных с постижением и осмыслением сложных, противоречивых социальных процессов. В связи с этим в развитии прозы эти годы могут быть охарактеризованы как период внутренней подготовки к новому этапу. Заметные события в азербайджанской прозе этих лет в большей степени связаны с известными именами – это Анар, Мовлуд Сулейманлы, Камал Абдулла, с новыми произведениями, с новым видением мира. Литература «фэнтези» – дитя второй половины XX века, популярный жанр новейшей литературы, получивший развитие в Европе, нашел свое отражение также и в творческой биографии азербайджанских прозаиков.

Ключевые слова: азербайджанская фэнтези, Анар, Мовлуд Сулейманлы, Камал Абдулла, Вахид Мамедли, Тимур Азисов, миф, дастан, сказка.

В отечественном литературоведении этот феномен современной культуры, входящий на стадии осмысления, представляет собой неисследованное пространство, требующее детальной разработки и глубокого изучения.

Духовно-генетические корни азербайджанского народа, лежащие в основе мифов, наиболее связанных с нравственными нормами и традициями, определяют творческие поиски писателей в этом направлении. Именно миф, как наиболее яркое проявление метафорического и утопического мышления, лежит в основе жанра «фэнтези». В азербайджанской литературе, приверженной духовно-генетическим корням, наблюдается восприимчивость и склонность к мифологическому мышлению и литературно-художественному сюжетостроению. Тяга к фольклору, приобщение на новом витке к ценностям народного образного мышления – не только нравственная особенность новой азербайджанской прозы, но и ее эстетический арсенал. В отличие от тысячелетней поэтической традиции, традиция прозы в Азербайджане более молода, хотя сказки, эпические дастаны, в их числе бессмертный эпос X–XI вв. «Книга моего деда Горгуда» – также содержит многие элементы прозы. Дыхание фольклора в современной азербайджанской прозе – явление естественное и закономерное.

Признаки «фэнтези» нашли своеобразное отражение в произведениях Анара. Эффект, достигаемый писателем – творение современного мифа, обладающего высшей степенью «реальности». Безудержная, феерическая фантазия автора, использование символических фольклорных образов белого и черного овнов – сядешь на белого овна, выйдешь в светлый мир – сядешь на черного, попадешь в темный и мрачный мир – способствует созданию воображаемого мира в повести «Белый овен, черный овен». Из-под пера сказочника выходят картины счастливой жизни, в которой нет места войнам, революциям, казням, голоду, ненависти, подлости... «Но, странное дело, среди этих пестрых праздничных картин... вдруг тебя охватывает безотчетная грусть...» [1, с. 556].

Чего ж тут странного? Может ли писатель, даже и сочиняющий сказку, отделаться от той боли, которая, собственно, и заставляет его сочинять сказки? И так ли уж безотчетна

его грусть? Да он потому и стал знаменитым писателем, что поверх «пятиэтажного дома» вечно искал несбыточный «шестой этаж» [2].

Художественный эффект в прозе Анара возникает не как итог геополитической картины, а странным образом – вопреки ей. Чем больше исторических знаний, эмблематических знаков и памятных вех накапливается в интеллектуальном багаже писателя, тем туже на шее читателя затягивается узел безысходности: не избежать зоны, не уйти от жути, не преодолеть всеобщей фатальной невменяемости. На помощь приходит художник – он сопротивляется, он хозяин не в мировом пространстве, а в тайнике личности. И здесь не может быть для него никаких общих путей спасения. Как спасти от смятения конкретную человеческую душу – эскапизмом, стремлением личности уйти от действительности в мир иллюзий, фантазий, бежать от реальности. Писатель и литературовед Джон Рональд Руэл Толкин, один из первых авторов фэнтези и теоретиков жанра, в своих трудах рассматривал бегство от реальности во «вторичные миры», порождённые воображением, как явление сугубо положительное, дающее утешение и удовлетворение [3, с. 533]. Анар переписывает ситуацию обратно в позитив, то есть пересадит сказочника с черного овна на белого.

Не будет тут никаких общих правил, а будет чудо: ответ личности тем общим законам и правилам, благодаря которым функционирует индивид в спасительном человеческом лабиринте. В повести «Белый овен, черный овен» Анар создал несуществующий мир будущего, использовал магию, ввел фольклорных персонажей, противопоставив «доброе» белого овна «злему» черному, используя при этом полную свободу творчества – в «фэнтези» возможно все.

Художественно-мифологическое миропонимание писателя Мовлуда Сулейманлы в романе «Кочевье» (Көç) [4] по глубине мысли, использованию магии, фольклорным персонажам, антуражу воспринимается нами на уровне самых оригинальных произведений, написанных в жанре «фэнтези». «Мовлуд не считает сказку сказкой, считает ее самой жизнью. Точнее, считает саму жизнь сказкой» [5, с. 754]. Автор «Кочевья», обогащая свое творчество сюжетами сказок с джиннами и шайтанами, сумел сохранить главную и важную особенность каждой сказки – магию таинства. Эфемерное, призрачное изображение далекой азербайджанской действительности, связанной с периодом кочевья древних племен и народов, предопределяет смысловое содержание эпического повествования, начинающегося с таинственных снов и загадочных видений маленького Имира – сына последнего потомка племени Гаракялля. Два племени Гаракялля и Ганлыг, между которыми в течение 300 лет шли кровавые столкновения, символизируют противоборствующие силы Добра и Зла. В романе прослеживается преемственная связь древнетюркских эпических и духовно-нравственных традиций, исходящих из дастана «Китаби – Деде Горгуд». Они важны и актуальны во все времена, в особенности же, когда в социально-общественной среде властвуют силы зла и господствуют жестокие законы, происходят этнические разделы, войны, что находит свое реальное отражение в событиях последнего столетия, которые представлены в романе в сочетании с ирреальным воображаемым миром наших предков, загадочных, таинственных снов, мистических ритуалов, связанных с шаманизмом, магией, ясновидением.

Благодатное влияние фольклора на сегодняшнюю литературу перед глазами, ведь фольклор всегда был настоящей сокровищницей, плодородной почвой для нашей литературы. С каждой новой эпохой меняется и направленность, степень и уровень освоения фольклора. Можно обогащаться темами, сюжетами, фабулами фольклора, использовать легенды, притчи, народные сказы. Некоторые наши современные писатели, в том числе и Сулейманлы, используют фольклор в новом ключе: не отказываясь от внешних элементов – сюжетов, выражений языка, стремятся использовать модель фольклорного мышления, рассматривать современный мир глазами сказки, видеть его таинственным, магическим. Все творения писателя полны желанием сказочно ощущать мир, что обуславливает успех его творчества.

Древний тюркский эпос «Деде Горгуд», лежащий в основе писательского замысла Камала Абдуллы, явился отличным и весьма своевременным предлогом для дискуссии на столь животрепещущую тему современной литературы, как обращение к эпическому наследию, переосмысление и развитие мифологических архетипов и мотивов. Каждый ав-

тор выбирает свой способ построения фэнтезийного мира: переосмысляя традиционные мифы или используя их отдельные элементы, придумывая собственную мифологию, перенося мифических героев в современный мир. Миф является структурополагающей и эстетической основой «фэнтези» как жанра. «Незавершенная рукопись» – особая книга: многоголосая, совмещающая историю и современность, вызывающая радость за былое и боль за исторические и нравственные утраты. Писатель обратился к древнему эпосу, чтобы вдохнуть дух «злости дня» в эпически завершенные области древнего сказания. Но в романе четко ощущается временная дистанция, чувство эстетической меры. Как нам кажется, «Незавершенная рукопись» не претендует на то, чтобы заменить канонический текст. Миф, помимо культурной традиции, давшей роману сюжетные линии, является основой, без которой существование жанра было бы невозможным. Фантазия – главный принцип. Автор может повернуть сюжет самым неожиданным образом, поскольку волшебный мир «фэнтези» предполагает, что в нем возможно все. Этот последний признак – один из наиболее важных, определяющих. Роман Камала Абдуллы читать действительно увлекательно, прежде всего потому, что автор «Незавершенной рукописи» – человек, хорошо знающий народный эпос, и когда читаешь, то видишь, что за каждой очередной тайной возникает что-то еще не познанное, а может, до конца и не познаваемое, не исчерпаемое. Это – эпос, возрожденный ученым, который заботится не только о верности оригиналу. Верность оригиналу в данном случае – вещь зыбкая, потому что оригинал пересказан. Но автор делает это для того, чтобы мы лучше поняли, **что с нами происходит сейчас. И это – второй уровень, второй слой, который вскрывается при чтении.** Дело в том, что все мотивы, возникающие в книге, работают в **сегодняшнем сознании, которое релятивно по своей природе**, но и не мирится с этой релятивностью, а все время ищет: где же там подлинная реальность? И когда начинаешь соображать, как соотнести то, что с одной стороны – это старинный текст, который реконструирован с известной долей достоверности; а с другой стороны – это нынешняя реальность, которая про себя знает, что она реальность, но в то же время и не вполне реальность? И вот соотношение этих двух факторов образует третий уровень, который мы вычитываем из текста романа Камала Абдуллы. Автор создал свою «Незавершенную рукопись», это – его город, его страна, одновременно и мифическая, и реальная. Здесь есть и свободное апеллирование к культурному достоянию, и поразительные аллюзии на сегодняшний день.

О Шахе Исмаиле Хатаи издано немало романов, но в «Незавершенной рукописи» сюжет о нем резко отличается от всего написанного. Автор романа показал шаха как поэта и правителя, создал интересную художественную версию, несколько причудливую, чуть неожиданную, но примечательную. «Эта версия может вызвать и возражения, но художественная убедительность дает ей право на жизнь» [6, с. 812]. В текст, представляемый, как рукопись XI века, включены события XVI столетия, истории, связанные с Шахом Исмаилом. Каким образом в повествование, которое ведется от лица вещего Праотца Горгуда, попали проблемы, связанные с шахом Исмаилом, где внутренние скрепы, монтирующие друг с другом два разнохарактерных текста? В романе нет объяснения удивительному монтажу. Главное содержание «Незавершенной рукописи» связано с «Книгой моего деда Горгуда», с ее персонажами.

В редакции журнала «Иностранная литература» на презентации «Незавершенной рукописи» автор высказался по поводу мифологизации: «Если бы меня спросили, я бы сказал, что эту книгу можно назвать “фантазией на тему”. Темы моей книги начинаются там, где они обрываются в “Китаби Деде Горгуд”. У нас в Азербайджане мою книгу, случалось, ругали за вольное обращение с эпическим каноном, а бывало, что за это же и хвалили. Но самое важное, что меня и по сей день изредка спрашивают: а действительно вы нашли рукопись? Вот это мое самое большое писательское достижение. А такие фантазии только углубляют понимание канона, возвращают к нему» [7].

В начале XXI века в нашу литературу пришли одаренные поэты и прозаики, стремящиеся сказать свое слово на современном этапе. Это писатели века Интернета и виртуального мира, которые пристально следят за мировой литературой наших дней, иногда творчески, иногда не совсем, пытаются передать ее достижения. В то же время они проявляют большой интерес к прошлому азербайджанского народа, к мифологии, легендам и верованиям.

Известный писатель, вдохнувший свежее дыхание в азербайджанскую литературу, Вахид Мамедли, доктор философии, автор 19 книг, внес свою весомую лепту в литературу «фэнтези». «Дастан об Атропатене» – интересное произведение, сравнимое с творениями Джона Толкина, Джоан Роулинг, а в некоторых моментах – более полезное и заставляющее задуматься. Читаем в Википедии, что это – «первое произведение в жанре “фэнтези” в Азербайджане, величественный, наряду с “Кероглу” и “Китаби Деде Коргудом”, дастан 21 века» [8]. В трех книгах, вышедших из под пера нашего соотечественника Вахида Мамедли, мы погружаемся в магию, волшебство, встречаемся с фантастическими героями, сражаемся и любим. Первая книга трилогии «Албанер» повествует о временах, когда Кавказская Албания входила в состав Малой Мидии. На страницах дастана мы читаем о рыцаре Албанере и его приключениях, магии, волшебстве, идолопоклонниках. Столицу Мидии шах Артабан охраняет и защищает с помощью страшных драконов и чудовищ, соседние миры и государства находятся в их власти. На страницах «Албанера» мы знакомимся с главой ордена «Темная ночь» Надоваром и его спутницей Ифритой, изготовительницей волшебных эликсиров. Есть здесь и волшебный венец, и параллельные миры, и страна приключений. Вторая часть трилогии «Газака» повествует о приключениях рыцаря Албанера, его борьбе за Газаку, путешественнике Агабанде, о женщине – змее Кассире, о пегасах святого Елисея, индийской красавице Камене. Очень много ярких сказочных событий происходит на страницах «Газаки». Третья часть трилогии под названием «Атропат» связана с двумя предыдущими частями дастана. Рыцарь Атропат сталкивается здесь с невообразимыми магическими ситуациями: сектанты, темницы, казни, крокодилоподобные людоеды, купцы, раскрытие преступлений и убийств, произошедших в предыдущих книгах. Интересные сюжеты и образы, легендарные герои сопровождают нас на страницах дастана. Создание величественной заключительной третьей части дастана – «Атропат» черпало вдохновение в имени древней страны Атропатены. На многие вопросы о рыцарях, средневековом антураже, авантюрном сюжете, магии и фольклорных персонажах, противостоянии добра и зла отвечает полная свобода автора – Вахида Мамедли в «Дастане об Атропатене».

На презентации книги Вахида Мамедли «Дастан об Атропатене» главный редактор журнала «Улдуз», писатель-драматург Эльчин Гусейнбейли отметил: «Состоящая из трех книг трилогия «Дастан об Атропатене» известного писателя Вахида Мамедли была написана в соответствии с лучшими традициями «фэнтези», жанра, пользующегося вниманием и читаемого во всем мире» [9]. Произведение, написанное на родном языке, считается ценным образцом, освещающим тайные периоды истории. Богатая магией и волшебством сказка с фантастическими героями, приключениями, детектив, сражения и любовные сцены – произведение охватывает интересный для каждого азербайджанца исторический период существования Албании и Атропатены. Произведение не основывается на исторических фактах, повествует о героизме наших предков, это – эпос о борьбе добра и зла в современной интерпретации. Критик Асад Джахангир высоко оценил писательский ракурс, осветивший несколько таинственный и темный период истории государств Албания и Атропатена.

В 2012 году в Баку была издана книга Тимура Азисова «Аксилон» – легенда об артефактах [10]. В Средиземье Андун таятся древнее зло, которое может возродиться и получить былое могущество. Три отважных волшебника создают совет, в котором они замышляют покончить со злом и навсегда изгнать его из мира Аксилон. В битве за Средиземье побеждает свет, и мир возвращается в свое доброе начало. Но вопреки всему, темный разум еще может возродиться и набрать силы. Средиземье отдыхает после долгого сражения, а зло выжидает следующего пробуждения.... «Аксилон» написана автором под глубоким впечатлением от прочтения романа «Властелин колец» английского писателя Джона Рональда Руэла Толкина, который в значительной степени определил и сформировал современный облик фэнтези. Обращение к творчеству Дж.Р.Р. Толкина обусловлено тем, что именно в его теоретических работах формировалась сама концепция жанра фэнтези, и до сих пор его художественные произведения представляют собой жанровый «образец», своеобразный канон, на который ориентировались и продолжают ориентироваться другие авторы.

Список использованных источников

1. Анар. Сочинения: в 3 т. / Анар. – Баку: Юрд, 2005. – Т. II. – 624 с.
2. Анненский Л. Анар, подсчитывающий годы [Электронный ресурс] / Л. Анненский // Дружба народов. – 2008. – № 3. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/>
3. Шиппи Т.А. Дорога в Средьземелье / Т.А. Шиппи. – СПб.: ООО «Издательство “Лимбус Пресс”», 2003. – 824 с.
4. Сулейманлы М. Кочевье / М. Сулейманлы. – М.: Советский писатель, 1986. – 272 с.
5. Анар. Волшебство мира / Анар // Литература, искусство, культура Азербайджана. – Баку: Letterpress, 2010. – Т. I. – 874 с.
6. Анар. Грустное и светлое / Анар // Литература, искусство, культура Азербайджана. – Баку: Letterpress, 2010. – Т. I. – 874 с.
7. «Китаби Деде Горгут» – фантазия на тему: (презентация книги азербайджанского писателя, ректора славянского университета в Баку Камала Абдуллы «Неполная рукопись» и дискуссия о связи литературы и мифа) // Иностранная литература. – 2007. – № 4. – С. 325–329.
8. Atropatena (dastan) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://az.wikipedia.org/wiki/Atropatena_\(dastan\)](https://az.wikipedia.org/wiki/Atropatena_(dastan))
9. Гусейнбейли Э. Презентация книги Вахида Мамедли «Дастан об Атропатене» / Э. Гусейнбейли // 525-ая газета. – 2011. – 1 июня.
10. Азисов Т.К. Аксилон. Легенда об артефактах / Т.К. Азисов. – Баку: «МВМ», 2012. – 224 с.

References

1. Anar. *Sochinenija: v 3 t.* [Works: in 3 vol.]. Baku, Jurd, 2005, vol. 2, 624 p.
2. Annenskij, L. *Anar, podschityvajushhij gody* [Anar, counting up years]. *Druzhiba narodov* [Friendship of people], 2008, no. 3. Available at: [http://magazines.russ.ru.](http://magazines.russ.ru/)
3. Shippi, T.A. *Doroga v Sred'zemel'e* [Road in Mediterranean]. Saint-Petersburg, ООО Izdatel'stvo "Limbus Press", 2003, 824 p.
4. Sulejmanly, M. *Kochev'e* [The Nomads' Camp]. Moscow, Sovetskij pisatel', 1986, 272 p.
5. Anar. *Volshebstvo mira* [Magic of the world]. *Literatura, iskusstvo, kul'tura Azerbajdzhana* [The literature, art, culture of Azerbaijan]. Baku, Letterpress, 2010, vol. 1, 874 p.
6. Anar. *Grustnoe i svetloe* [Sad and light]. *Literatura, iskusstvo, kul'tura Azerbajdzhana* [The literature, art, culture of Azerbaijan]. Baku, Letterpress, 2010, vol. 1, 874 p.
7. „*Kitabi Dede Gorgut*” – *fantazija na temu: (prezentacija knigi azerbajdzhanskogo pisatelja, rektora slavjanskogo universiteta v Baku Kamala Abdully «Nepolnaja rukopis'» i diskussija o svjazi literatury i mifa)* [«Kitabi Dede Gorgut» – imagination on subject matter: (presentation of the book of the azerbaijani writer, the rector of slavic university in Baku Kamal Abdulla «The Incomplete Manuscript» and discussion about communication of the literature and a myth)]. *Inostrannaja literatura* [Foreign literatures], 2007, no. 4, pp. 325-329.
8. *Atropatena (dastan)*. Available at: [https://az.wikipedia.org/wiki/Atropatena_\(dastan\)](https://az.wikipedia.org/wiki/Atropatena_(dastan)).
9. Gusejnbejli, Je. *Prezentacija knigi Vahida Mamedli «Dastan ob Atropatene»* [Presentation of Vahid Mamedli's book «Dastan about Atropatena»]. *525-aja gazeta* [525-th newspaper], 2011, 1 June.
10. Azisov, T.K. *Aksilon. Legenda ob artefaktah* [Axylon. A legend about artefacts]. Baku, MVM, 2012, 224 p.

1990-ті роки увійшли в культурне життя Азербайджану як період кардинальних змін, пов'язаних з осягненням і осмисленням складних, суперечливих соціальних процесів. У зв'язку з цим у розвитку прози ці роки можуть бути охарактеризовані як період внутрішньої підготовки до нового етапу. Помітні події в азербайджанській прозі цих років більшою мірою пов'язані з відомими іменами – це Анар, Мовлуд Сулейманли, Камал Абдулла, з новими творами, з новим баченням світу. Література «фентезі» – дитя другої половини ХХ століття, популярний жанр новітньої літератури, набув розвитку в Європі, знайшов своє відображення також і в творчій біографії азербайджанських прозаїків.

Ключові слова: азербайджанська фентезі, Анар, Мовлуд Сулейманли, Камал Абдулла, Вахід Мамедлі, Тимур Азісов миф, дастан, казка.

1990 years entered the cultural life of Azerbaijan as a period of major changes related to comprehension and understanding of complex and contradictory social processes. In this regard, the development of prose in the years can be characterized as a period of inner preparation for a new phase. Notable events in the Azerbaijani prose of those years, more associated with the famous names – is Anar, Mevlut Suleymanli, Kamal Abdulla, with new works, with a new vision of the world. Literature «fantasy» – a child of the second half of the twentieth century, a popular genre of modern literature, was developed in Europe, is reflected also in the creative biography and our prose.

Key words: Azerbaijani fantasy, Anar, Mevlut Suleymanli, Kamal Abdulla, Vahid Mammadov, Timur Azis, myth, epos, fairy tale.

Одержано 21.10.2015.

УДК 821.161.1

Л.М. СОРОКИНА,
*кандидат филологических наук,
доцент Московского гуманитарного института
имени Е.Р. Дашковой (Российская Федерация)*

АНАЛИЗ МИФОПОЭТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА МОСКОВСКИХ ФЕЛЬЕТОНОВ М.А. БУЛГАКОВА

Данная статья посвящена анализу мифопоэтического пространства московских фельетонов М.А. Булгакова в сравнении с другими произведениям писателя, в том числе и романом «Мастер и Маргарита». В истории исследования наследия М.А. Булгакова публицистика 1920-х гг. занимает весьма скромное место. Рефреном через все булгаковедение проходит мысль о прикладном характере журналистского творчества писателя. Тем не менее, именно публицистика становится отправной точкой творчества Булгакова, мы можем говорить о мифопоэтическом пространстве булгаковских фельетонов, сакральной географии Москвы как об одном из важнейших содержательных аспектов булгаковского творчества.

Ключевые слова: фельетонистика, сакральное пространство, концепт пути, мифопоэтическое пространство, город как текст.

Город является особым текстом, под которым понимаются все «сообщения», «отправляемые» улицами, площадями, островами, садами, водами, памятниками, зданиями, людьми и требующие пристального изучения. Западными учеными велись исследования в области символики архитектуры и семиотики города (Р. Барт, К. Леви-Стросс, Ч. Дженкс, К. Линч и др.), были введены такие понятия, как «семиотика пространства» (Р. Барт), «текст, код, знак, синтаксис, семантика пространства архитектуры» (Ч. Дженкс), образ города (К. Линч), предложено определение архитектуры как пространства коммуникации, города как текста. Город был определен как пространство коммуникации, состоящее из отдельных структурных элементов, подчиненных целому (ландшафту, стилю, мифологии и др.) и являющееся знаковой средой обитания человека.

«Город – один из сильнейших и полнейших воплощений культуры, один из самых богатых видов ее гнезд. Когда колеблется жизненность великой культуры, сердце невольно влечется погрузиться в нее, лучше ее разгадать, слиться с нею теснее», – писал И.М. Гревс в предисловии в «Душе Петербурга» Н.П. Анциферова [1, с. 18]. В поисках «души» города Н.П. Анциферов создал модель анализа городского пространства (метафизики города), описал образ города через категории «гений места», «архетип пространства», определил отношение к образам пространства в контексте литературы, обосновал важнейшее направление изучения городской культуры: анализ психологии, физиологии и анатомии города [1, с. 18].

В.Н. Топоров утверждал, что город «может быть понят, как гетерогенный текст, которому приписывается некий определенный смысл и на основании которого может быть реконструирована система знаков, реализуемая в тексте» [9, с. 34]. Под гетерогенностью принято понимать присутствие в тексте нескольких семантических кодов.

Городской текст, как отмечал В.Н. Топоров, – это то, «что город говорит сам о себе – неофициально, негромко, не ради каких-либо амбиций, а просто в силу того, что город и

люди города считали естественным выразить в слове свои мысли и чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки. Эти тексты составляют особый круг. Они самостоятельны: их составители знают, что нужное им не может быть передоверено официальным текстам «высокой» культуры» [9, с. 34].

Образ города имеет свою судьбу. Судьба понимается нами как историческое выявление личности. Безликий процесс не может быть определен судьбой, как безликие горожане не определяют судьбы города. Город имеет свои законы развития, над которыми не властны носители этого образа, его выразители. Чтобы постичь эти законы, составляющие душу города, следует обращать внимание на такие составляющие истории и мифологии города, как метеорологические мотивы, мотивы времени и пространства (теснота, скупенность – суженный хронотоп), мотив болезни, внутренне связанный с целой серией мотивов – обман, разочарование, старость, увядание, смерть, мифологию запахов и звуков – так называемый ольфакторный фон.

Нам кажется возможным рассмотреть тему города в творчестве М.А. Булгакова как культурный код, необыкновенно важный для понимания творчества писателя и тесно связанный с сакральной географией его произведений. Заметим, в романе «Белая гвардия» писатель ни разу не счел нужным обозначить город каким-нибудь именем, Киев угадывается в тексте романа, но не называется. «Нет Киева – есть только «город» (со строчной литеры) в речи персонажей и «Город» (с прописной) авторской речи», – замечает в работе «Мастер и город. Киевские контексты Михаила Булгакова» М.С. Петровский [7, с. 121].

В то же время Москва М.А. Булгаковым названа, улицы города, появляющиеся в произведениях писателя, в отличие от «Белой гвардии», не зашифрованы, а реальны, и в то же время наполнены особым, мистическим смыслом. Недаром Чичиков въезжает в столицу, «пересев в Москве из брички в автомобиль и летя в нем по московским буеракам» [2, с. 3]. При этом разрушается временной и закольцовывается пространственный диапазон текста, поскольку, благополучно миновав Лубянку, Чичиков оказывается в той самой гостинице, откуда сто лет назад выехал. Читателю сложно найти буераки в районе Лубянки, однако ощущение нереального, мистического пространства усиливается, благодаря аллюзии к гоголевским текстам: «Ведь, ежели узнают, что я Чичиков, натурально, в два счета выкинут к чертовой матери! Да еще хорошо, как только выкинут, а то еще, храни Бог, на Лубянке насидишься. А все Гоголь, чтоб ни ему, ни его родне»... И, размышляя таким образом, въехал в ворота той самой гостиницы, из которой сто лет тому назад выехал» [2, с. 3].

Символика мифологического круга в данном случае связана с мыслью об аналогичности условий бытия и преемственности условий бытия в разные исторические эпохи, о мифологизации образа гостиницы как вечного пристанища одинокого Путника. Путь, путешествие, движение представляют собой ключевые мифологические категории. Достаточно вспомнить деяния знаменитых мифологических героев, которые отправляются «за тридевять земель» и совершают там удивительные подвиги, определяющие всю последующую историю (судьбу) человечества. Схема Пути традиционно включает такие векторы, как Путь вперед (прямой и кривой, нехоженный, окольный), Путь вверх и Путь вниз. Путь по московским буеракам, минуя Лубянку, весьма примечателен тем, что буерак, небольшой овраг, обрыв, случит символом дороги в пропасть, в ад, а поскольку Лубянка ассоциируется с отнюдь не райскими кущами, то дорога Чичикова к гостинице – это путь между Сциллой и Харибдой, это путь Агасфера, обреченного на вечные странствия по земле. В романе «Мастер и Маргарита» это путь Бездомного, путь Понтия Пилата.

Булгакову важны входы в город и его врата, храмы и цитадели, а конкретные топонимы, использованные писателем, превращаются в символы: общежитие, управляемое лысым дядькой Пименом, кафе на Тверской на широкую ногу, «Пампуш на Твербуле» («Похожения Чичикова»), Патриаршие пруды, «Грибоедов», Варьете, готический особнячок Маргариты и подвал мастера («Мастер и Маргарита»).

Образ Москвы присутствует во многих произведениях писателя, начиная с ранних публицистических заметок о Москве, опубликованных в газете «Гудок» (1922–1926). В повести «Роковые яйца» дан образ фантастической, неправдоподобной Москвы, в которой природное начало подавлено механическим, искусственным.

Символами бездушной, фальшивой Москвы являются спящие, как челноки, трамваи, «глухо кричащие автомобили» [5, с. 72]. В своих дневниках от 1923–1925 гг., опубликованных под заглавием «Под пятой», М.А. Булгаков создает картину жизни реальной Москвы, не менее ужасающую: «Через два часа придет Новый год. Что принесет мне он? Я спал сейчас, и мне приснилось: Киев, знакомые и милые лица, приснилось, что играют на пианино... Придет ли старое время? Настоящее таково, что я стараюсь жить, не замечая его... не видеть, не слышать! Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. **Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... тупые и зверские лица**» [3, с. 12]. Однако в том же 1923 г. в серии очерков-фельетонов «Столица в блокноте» писатель дает менее ужасающую, на первый взгляд, картину столицы. В очерке-фельетоне «Бог ремонта» писатель радуется преобразованиям: «Я с чувством наслаждения прохожу теперь пассажи. Петровка и Кузнецкий в сумерки горят огнями. И буйные гаммы красок за стеклами – улыбаются лики игрушек кустарей» [4, с. 148].

Однако радость писателя какая-то лубочная, ненастоящая, потому что до революции и Петровский пассаж и торговые дома на Кузнецком мосту были заполнены отнюдь не игрушками кустарей, **лики которых** улыбаются сквозь стекла витрин. Ключевым словом, по сути смысловым кодом в данном случае является слово «лики» в сочетании со словами «игрушки кустарей», поскольку слово «лик» – изображение лица на иконе – несовместимо со словом «игрушка», таким образом, возникает ощущение лубочности, карнавальности происходящего.

По воспоминаниям современников, М.А. Булгаков постоянно обращался к справочнику «Вся Москва» издательства Сабашниковых за 1914 г., был знаком с трудами известного московеда историка И.Е. Забелина. Сравнение опустошенных торговых центров Москвы 1920-х годов с дореволюционными типично для прозы и публицистики Булгакова этих лет. В «Похождениях Чичикова» это подвалы – склады «Пампуша на Твербуле», принадлежащие Чичикову с «несметным количеством продуктов», при виде которых Емельян Ротозей просит **«душу отпустить на покаяние»**. Аллюзия к Грибоедовскому «Горе от ума» позволяет усмотреть в «Памбуше на Твербуле» будущий ресторан «Грибоедов». Если в фельетонах М.А. Булгакова аллюзии к Грибоедову связаны со смысловой параллелью «век нынешний – век минувший», то названный писателем уже в романе «Мастер и Маргарита» адом «Грибоедов» становится синонимом преисподней. Если в фельетоне «Бог ремонта» образы торговых центров, символов благополучия дореволюционной России только обозначены, то в повести «Роковые яйца» дается описание торгового центра «Мюр и Мерилиз» советского времени: «Над бывшим Мюр и Мерилизом, над десятым, надстроенным на него этажом, прыгала электрическая разноцветная женщина, выбрасывая по буквам разноцветные слова: «Рабочий кредит» [5, с. 74].

Эта огненная, возвышающаяся над городом женщина напоминает вавилонскую блудницу, символ города падшего, анти-города: «...И я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодействия ее. И на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным... И сказал мне Ангел: что ты дивишься? я скажу тебе тайну жены сей и зверя, носящего ее... Зверь, которого ты видел, был, и нет его, и выйдет из бездны и пойдет в погибель... Жена же, которую ты видел, есть великий город, царствующий над земными царями» [6, с. 34]. В.Н. Топоров в работе «Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте» говорит о двух типах городов: «городе-деве», светлом и чистом, и «городе-блуднице», который только «кажется праведным, а на самом деле – пал» [9, с. 212], следовательно, мы можем говорить об образе Москвы, созданном М.А. Булгаковым в повести «Роковые яйца» как об анти-городе – падшем Вавилоне.

В противопоставлении праведных и грешных земель, характерном для сакральной географии и индоевропейской мифологической системы в целом, отражены представления о рае и аде. Таким образом, понятия рая и ада как бы «проецируются на географическое пространство Москвы двадцатых годов с доминантой ада, и, соответственно, эти «понятия лежат в основе представлений о святости и грешности места» [9, с. 124].

В данном случае праведным оказывается место торговое, а не святое, что связано с обыгрыванием концепта «торг» в мифопоэтическом пространстве, берущем начало от мифа о Гермесе, боге торговли и прибыли и покровителе путников. При этом именно Гермес в античной мифологии выполнял двойную функцию, с одной стороны следил за материальным благополучием граждан, с другой – был посланником, вестником богов и проводником душ умерших в царство Аида. Таким образом, в изображенной М.А. Булгаковым послереволюционной Москве входы в пассажи и торговые дома воспринимаются как варианты пути в Аид, мир мертвых. Смелость Булгакова-сатирика в том, что, восхваляя и мифологизируя Бога ремонта, писатель создает перевернутую реальность, своеобразный реквием коммунистической столице. Принцип зеркальности в данном случае – это принцип искажения реальности, когда искаженный образ является истинным. У Булгакова отражение и оригинал соединены магической связью, поскольку зеркало не только отражает или искажает пространство, но и удерживает души или жизненную энергию отраженного мира.

В повестях и романах М.А. Булгаков будет постоянно использовать зеркало, как образ, предвещающий появление нечистой силы. Так, в «Роковых яйцах» волшебный луч получен при помощи комбинации линз и зеркал. В романе «Мастер и Маргарита» уже прямо указывается на зеркало как на дверь в зазеркалье, мир нечистой силы. Например, в квартире Стёпы Лиходеева Бегемот и Коровьев появляются сначала отразившись в зеркале и только потом, реально, в квартире. С помощью элементов московской топонимики М.А. Булгаков показал дьявольский, «перевернутый» характер московской действительности.

Список использованных источников

1. Анциферов Н.П. Душа Петербурга / Н.П. Анциферов. – Л.: Наука, 1925. – 115 с.
2. Булгаков М.А. Похождения Чичикова / М.А. Булгаков // Фельетоны. – М.: АСТ, 2011. – 258 с.
3. Булгаков М.А. Под пятой / М.А. Булгаков. – М.: Правда, 1990. – 154 с.
4. Булгаков М.А. Столица в блокноте / М.А. Булгаков // Полное собрание романов, повестей, рассказов в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2008. – 368 с.
5. Булгаков М.А. Роковые яйца. Собачье сердце / М.А. Булгаков. – М.: АСТ, 2007. – 342 с.
6. Откровение Иоанна Богослова. – М.: Издательство Московской духовной академии, 2010. – 112 с.
7. Петровский М.С. Мастер и город. Киевские контексты Михаила Булгакова / М.С. Петровский. – Киев: Дух и Літера, 2001. – 298 с.
8. Смирнов С.А. Антропология города, или о судьбах философии урбанизма в России / С.А. Смирнов. – Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного университета, 2002. – 315 с.
9. Топоров В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227–284.
10. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова / М.О. Чудакова. – М.: Книга, 1998. – 628 с.

References

1. Antsiferov, N.P. *Dusha Peterburga* [Soul of Petersburg]. Leningrad, Nauka, 1925, 115 p.
2. Bulgakov, M.A. *Pohojdeniya Tshitshikova* [Adventures of Tchitchikov]. *Felyetony* [Feuilletons]. Moscow, AST, 2011, 258 p.
3. Bulgakov, M.A. *Pod piyatoj* [Under the fifth]. Moscow, Pravda, 1990, 154 p.
4. Bulgakov, M.A. *Stolitsa v bloknote* [Capital in a notebook]. *Polnoe sobranie Romanov, povestej, rasskazov v odnom tome* [Full collection of novels, stories, stories in one volume]. Moscow, Alfa-kniga, 2008, 368 p.
5. Bulgakov, M.A. *Rokovyje jajtsa. Sobatscie serdtse* [Fatal eggs. The dog heart]. Moscow, AST, 2007, 342 p.
6. *Otkrovenije Ioanna Bogoslova* [Ioann Bogoslov's revelation]. Moscow, Izdatelstvo Moskovskoj duhovnoj akademii, 2010, 112 p.

7. Petrovskij, M.S. *Master i gorod. Kievskije konteksti Mihaila Bulgakova* [The master and city. Michael Bulgakov's Kiev contexts]. Kiev, Duh i litera, 2001, 298 p.

8. Smirnov, S.A. *Antropologija goroda, ili o sudbah filosofii urbanizma v Rossii* [Anthropology of city, or about destiny of urbanism philosophy in Russia]. Novosibirsk, Izdatelstvo Novosibirskogo gosudartvennogo universiteta, 2002, 315 p.

9. Toporov, V.N. *Prostranstvo i tekst* [Space and the text]. *Tekst: semantika i struktura* [The text: semantics and structure]. Moscow, Nauka, 1983, 412 p.

10. Tchudakova, M.O. *Jizneopisaniye Mihaila Bulgakova* [Michael Bulgakov's biography]. Moscow, Kniga, 1998, 628 p.

Статтю присвячено аналізу міфопоетичного простору московських фейлетонів М.О. Булгакова порівняно з іншими творами письменника, в тому числі і з романом «Майстер та Маргарита». В історії дослідження спадщини М.О. Булгакова публіцистика 1920-х рр. посідає вельми скромне місце. Рефреном крізь все булгакознавство проходить думка про прикладний характер журналістської творчості письменника. Проте саме публіцистика стає відправною точкою творчості Булгакова, ми можемо говорити про міфопоетичний простір булгаківських фейлетонів, сакральну географію Москви як про один з найважливіших змістовних аспектів булгаківської творчості.

Ключові слова: фейлетоністика, сакральний простір, концепт шляху, міфопоетичний простір, місто як текст.

The article gives an indeapth analysis of mythopoetic spectrum of Moscow feuilletons by M.A. Bulgakov, comparing them with other novels by the same author, including the novel «**The Master and Margarita**». In the study of publicistic works of the 1920s little attention was given to the review of written works by M.A. Bulgakov. **The writings of Bulgakov are treated as applied if looked upon from the journalistic point of view.** Nevertheless, the publistic style is the key aspect of the creative art of Bulgakov. Myths and poetry are closely interlaced in the written works of the author, giving new sacred interpretation to real geographic places found in Moscow. This very fact makes the works of Bulgakov unique, creating a new distinctive style of the author.

Key words: feuilleton, sacred aspect, the concept of the way, mythopoetic aspect, city as an illustration to the story.

Одержано 21.10.2015.

УДК 82–94(5): 82–31

Г.С. ХУДИЕВА,
*докторант кафедри язика и литературы
Азербайджанского университета языков (Баку, Азербайджан)*

МОТИВЫ ПРОТЕСТА ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ-ДИССИДЕНТА САБИРА АЗЕРИ

Главной причиной непримиримой позиции писателя Сабир Азери по отношению к Советской империи являлось притеснение народной свободы и управление обществом не на основе принципа справедливости, а на основе применения массового наказания и страха. С. Азери еще с молодых лет критиковал репрессию 1937 года, осуществлявшуюся Советской империей. Его арестовали еще студентом, когда он потребовал наказания для истинных виновников этого преступления. Он протестовал против деспотической системы правления, против политики отделения народов от своей истории и национальной принадлежности. Одним из вопросов, беспокоивших писателя, являлось ограничение свободы личности и та вражеская позиция, которую занимала Советская империя по отношению к личности. С. Азери считал, что государство, управляемое страхом, как это происходило в советской империи, рано или поздно приговорено к гибели. Подобные рассуждения нашли свое отражение в таких произведениях, как «Dalanda» («В тупике»), «İlk təkən», («Первый толчок») «Ölə bilməyən adam» («Человек, не способный умереть»), «Qəbirsiz adam» («Человек без могилы»).

Ключевые слова: азербайджанская литература, проза, советская империя, деспотизм, мотивы протеста, Сабир Азери.

Годы советской власти запомнились уникальной формой взаимоотношений общества и литературы. В этом смысле, по сравнению с воздействием социальной среды на литературу, немалозначимым оказалось и воздействие политических событий, происходящих в обществе. Центр, который прекрасно понимал исключительную силу воздействия художественного слова на общество, контролировал литературу через цензуру. Художественным словом пользовались для воспитания людей, привития им необходимой идеологии и ценностей, а к писателям и поэтам относились, как к идеологам и воспевателям строя и правителей.

Действительно, в годы советской власти в большом числе творили воспевателей-писателей и поэтов, коим было суждено писать не под диктовку своей души и музыки, а посвящать себя творению запланированных произведений. Однако немало было и истинных интеллигентов, настоящих мастеров слова, идейных и добросовестных писателей, которые не закрывали глаза на истину и занимались поиском путей доведения до народа той истины, которую они принимали сами. Именно такие писатели остались в истории литературы. Одним из таким образом увоковеченных писателей, могучих мастеров слова в истории художественной литературы Азербайджана является Сабир Азери.

После распада советской империи много было сказано о захватнической цели и о террористической политике советской власти, направленной против представителей других национальностей. Но в годы самого жестокого надзора имелись попытки говорить об этом в определенных формах, т. е. не в открытую. Сабир Азери говорит об этом следующим образом: «Есть счастливая судьба писателя – это то, что он находит возможность высказывать свое мнение даже в условиях самого жестокого политического режима. Для это-

го имеются особые формы – символы, подтекст, а иногда открытые тексты» [6]. Даже в литературе других народов, входивших в состав Советской империи, в том числе в литературе Азербайджана, идейные мастера слова оказывали сопротивление захватнической политике и деспотизму советской власти через применение определенных художественных методов. Основными направлениями здесь являлось прежде всего раскрытие историко-национальной принадлежности народа и разоблачение советского деспотизма.

Известные поэты и писатели Азербайджана, такие как Исмаил Шыхлы, Ферман Керимзаде, Бахтияр Вахабзаде и другие, еще в годы засилья и господства социалистического реализма сумели воздействовать на формирование национального самосознания, выступая против политики социалистической идеологии, направленной на отделение народа от своих исторических, национальных истоков. Иногда истинную, но скрытую тенденцию можно наблюдать в творчестве писателей и поэтов, тесно связанных с социалистическим реализмом.

Автор поэмы «Ленин», поэт социализма Расул Рза с большим состраданием рассказывает в поэме «Qizilgül olmaıyadı» («Ах, не было бы розы») о горьких, трагических последствиях террористической политики советской власти и описывает ту боль, которую нанесло невольничеству 1937 года всему народу. В ту пору, когда многие отвечали молчанием на страх, который вселяла репрессия 1937-го года, Сабир Азери требовал разоблачения истинных виновников этой трагедии и применения наказания против всех преступников. Вообще на протяжении всей сознательной жизни, всего творчества С. Азери ощущается чувство неприязни к советской власти в связи с проводившимися репрессиями, и мотивы протеста против этой горькой трагедии видны во всем его творчестве. В романе «Tələbə təhbusun etirafı» («Признания студента-арестанта») писатель пишет о репрессии таким образом: «Всё советское общество было похоже на дом, который готов рушиться в любой миг, так как все его стены получили трещину от страха репрессии... Это было идеологическим открытием! Это было деспотическим открытием!» [4].

Писатель считает, что репрессии, осуществляемые деспотическим режимом, и другие подобные преступления преследовали цель превращения всех народов в рабов страха, хотели уничтожения свободы личности. После смерти И.В. Сталина звучали обвинения в его адрес, тогда же сформировалась тенденция связывания репрессий, происходивших в Азербайджане, с именем И.В. Сталина (таким образом его некоторые соратники все-таки сумели избежать наказания). Сабир Азери, будучи в те времена молодым студентом, который только что познал жизнь, продемонстрировал большую отвагу и смелость, написав письмо прямо в Москву на имя К.Е. Ворошилова, где он потребовал разоблачения всех авторов этого жестокого преступления. С. Азери приложил к письму карикатуру Никиты Хрущева и Анастаса Микояна. Это письмо завершилось его арестом в сентябре 1956 года на двухлетний срок. Даже в ходе следствия он не испытал чувство страха и высказал свой протест следователю армянской национальности Арутюнову.

После освобождения С. Азери остался верным своим убеждениям, он с чистой совестью занял все ту же непримиримую позицию против советской власти в своей будущей общественной деятельности, а также в художественном творчестве. Именно поэтому писатель-диссидент сталкивался с препятствиями в любой сфере своей деятельности, и его успехи не воспринимались однозначно: «Однажды я услышал, что представлена моя кандидатура для перевода на работу в отдел культуры Центрального Комитета Коммунистической Партии Азербайджанской Республики. Сразу появились люди, которые одно за другим отправляли письма о том, что вы, мол, творите, этот тип скрывает от всех свою судимость, и он не достоин такой должности. В то время, когда я лично указывал свою судимость, статью, согласно чему был судим, и то решение, согласно чему был освобождён, во всех заявлениях о принятии на работу» [3].

Писатель подчеркивал в своих произведениях ту истину, которая гласит, что империя, построенная на страхе, обречена на деградацию, что данное общество неизбежно рухнет. Но в те времена общество все еще было далеко от подобных мыслей. В романе «Dalanda» («В тупике») и в повести «İlk təkan» («Первый толчок») образно, художественным языком описывается то, как советская идеология стиснута в переулке грядущих изменений и готова разрушиться с первого толчка.

С первого взгляда, в романе «Dalanda» («В тупике»), который посвящен, казалось бы, бытовой тематике, повествуется о серьёзных жизненных вопросах. В романе отмечаются недостатки советского общества, открыто описывается тот урон, который наносится формализмом и коррупцией в различных сферах на всеобщее благосостояние. В данном романе отражается тот факт, что прогресс в советском обществе возможен лишь на бумаге, и что дела в пользу общества и родины никак не решаются. Автор понимает, что коренные изменения в обществе неизбежны, и к этим изменениям следует приступать не снизу вверх, а сверху вниз. В противном случае общество будет относиться к таким людям, как Кафар, как к Дон Кихоту.

В произведении большое внимание уделяется диалогу Кафара с другом. Он сталкивается на стройке с фальсификацией, о чем уведомляет своего старого друга – секретаря райкома, и просит его о помощи для пресечения этой фальсификации и лицемерия. Но друг Кафара, которого он считал добросовестным человеком, заявляет, что они оба бессильны, чтобы справиться с этими проблемами, и лучше всего закрыть глаза на все недостатки. Именно поэтому автор ощущает беспокойство: ведь число Кафаров в обществе совсем мало, и они остаются без помощи и поддержки. Такие добросовестные люди не могут действовать в одиночку и чужды обществу (как это было с Сабиром Азери).

Но писатель никогда не терял надежды, он решительно верил в то, что справедливость восторжествует рано или поздно. С. Азери тех, кто ясно это осознает, воспринимает эту тяжелую ситуацию, описывает в романе «Dalanda» («В тупике»). Он подчеркивает, что все это не может долго продолжаться, и что советская власть находится в затруднительном положении и должна, в конце концов, отступить. В повести «İlk təkən» («Первый толчок») писатель с большой прозорливостью указывает на то, что вскоре эта система, утратившая свое равновесие, рухнет.

Роман «Dalanda» («В тупике») опубликован на страницах известного литературного журнала советской империи «Роман-газета» с тиражом до 3,5 миллиона, повесть «İlk təkən» («Первый толчок») также была выпущена тиражом до 1,5 миллиона. Публикации обоих произведений на страницах указанного журнала встречены большой теплотой. «Главный редактор публикации Валерий Ганичев сказал, что “данное произведение станет актуальным на фоне событий, происходивших в Польше («Первый толчок» – Г. Х.)”. В то время мы и не могли подумать, что спустя несколько лет в СССР произойдут более страшные события» [3]. В результате безразличного отношения соседей к друг другу вода смывает фундамент домов, и они вот-вот разрушатся. В конце концов, эти дома разрушаются, не перенеся первого толчка землетрясения. Автор указывает на то, что гнилые основы советского общества, опирающиеся на ложь и фальсификацию, не смогут устоять даже перед первым толчком подобного землетрясения.

Безусловно, публикация произведения, непосредственно отображающего тиранию советской империи, представлялась невозможной в цензурных условиях того времени. По этой причине Сабир Азери донес свое слово в повести «Ölə bilməyənlər adamı» («Человек, не способный умереть») не прямо, а благодаря подтекстовке. Герой повести «Ölə bilməyənlər adamı» («Человек, не способный умереть»), слепой Фати, является отрицательным героем. Он страдает за те плохие действия, которые он совершил за всю свою сознательную жизнь. Его наказанием является безразличие к нему сельчан, так как они считают его мертвым еще при жизни. В последние тяжелые годы войны слепой Фати, злоупотребляя беднотой и нищетой сельчан, мучил их, олицетворяя при этом грязную суть деспотизма через свое желание стать гегемоном. Образ слепого Фати в повести «Ölə bilməyənlər adamı» («Человек, не способный умереть») напоминает в общих чертах образ Камала Кудратова из повести «Qəbirsiz adamı» («Человек без могилы»), они оба являются представителями горького и пустого конца деспотизма.

Неопубликованная пьеса С. Азери «Qəbirsiz adamı» («Человек без могилы») посвящена принципиальному разоблачению тирании и деспотизма. Произведение связано с трагической судьбой преступного, кровожадного руководителя, что непосредственно указывает на характер господствующего режима, на его руководителей.

Большинство произведений Сабира Азери родились на основе активных жизненных наблюдений. В пьесе «Qəbirsiz adamı» («Человек без могилы») он, соблюдая свой стиль, ис-

кал не саму трагедию, а ее корни, истоки. В данном произведении чиновники обвиняются лишь в качестве части всей системы. А корень всей общественной трагедии обуславливается сущностью системы.

Управление обществом посредством страха, вражеская позиция относительно личности, отдаление народов от своей истории – национальной принадлежности, формализм и другие относятся к тем самым особенностям, которые Сабир Азери неоднократно критиковал в связи с советской системой управления. В пьесе «Qəbirsiz adam» («Человек без могилы») также указывается, что основным принципом советского режима в управлении государством является страх, обитающий в сердцах людей, что заставляет их чувствовать себя друг перед другом виноватыми. Этот страх и чувство вины являются орудием превращения народа в массу, управляемую чувством страха. «Одним из тяжелейших ударов, нанесенных деспотизмом всему человечеству, является то, что страх смерти, который навис над головой общества, как ядовитый воздух, создает недоверие и неверие, которые, в свою очередь, превращают членов общества из граждан с высоким интеллектом в легко управляемую массу, которая живет инстинктом самозащиты, и тут люди опасаются друг друга больше, чем государственных органов контроля» [5]. В этой пьесе надзиратели кладбища и тюрьмы Намаз и Заман, все, включая руководящее лицо района, «народного аксакала» Камала Гудратова и простолудинов, то есть все образы до одинокого, бессильны перед страхом, отчего опасаются самых близких друзей и даже членов своих семей.

Одним из тех моментов, против которых писатель протестовал, является политика, направленная на уничтожение личностей советской империи. «Смотрите, чем гордился социализм: “Мы власть рабочих и крестьян!”... не любили мыслителей, ибо мыслить самостоятельно – это признак свободы. А социализму необходима масса, то есть общество рабов!» [4]. Он считает, что империя занимает позицию, способную разоблачать плохие действия и противостоять каждому, кто выступает против нее. Сюда относят беков и дворян, которые являлись символами аристократии, интеллигентов-патриотов и ремесленников и других. Если борьба против личности проводилась в первые годы существования империи с помощью репрессий и массовых преследований, то в последующем она продолжалась с помощью ограничения слова и свободы личности.

Писатель считает, что в любом обществе, где не существует свободы личности, люди превращаются в рабов без прав. Подобные его рассуждения нашли свое отражение в повести «Qullar» («Рабы»), которую он написал в годы независимости. К сожалению, писатель потерял рукопись повести сразу же после того, как завершил работу над этим произведением. Он говорил о повести в одном из своих интервью следующим образом: «Это лето было для меня тяжелым тем, ... что я потерял рукопись повести “Qullar” («Рабы»)». Над этим произведением я думал долго. Я не считаю хорошим то общество, где все люди живут беззаботно. Я считаю хорошим то общество, где личность людей достойна уважения и где признается право выбора людей» [6]. Как видно, рассуждения писателя являются актуальными для любого времени и пространства.

Та позиция, которую Сабир Азери занимает не только в своей жизни, но и в творчестве, основана на соблюдении интересов народа. Писатель старается не ради личных амбиций, а для защиты интересов и позиции народа, благодаря чему его перо превратилось в рупор народных бед. По этой причине в своем творчестве он занимал непримиримую позицию относительно советской системы управления и социалистической идеологии.

Список использованных источников

1. Азери С. Человек без могилы / С. Азери // Архив, 623-й фонд, 4-й список, сохраненная единица 20. – 1982.
2. Азери С. Идя к солнцу / С. Азери. – Баку: Язычи, 1988. – 407 с.
3. Азери С. Написанное есть жизнь / С. Азери // Человек края.
4. Азери С. Признания заключенного студента / С. Азери. – Баку: Чашыюглу, 2007. – 387 с.
5. Азери С. Страх / С. Азери // Литература и искусство. – 17 ноября. – 1989. – С. 4.
6. Азери С. Я не могу жить по-другому / Сабир Азери // Зеркало. – 4 октября. – 2008. – С. 3.

References

1. Azeri, S. *Chelovek bez mogily* [A man without a grave]. Arhiv 623 fond, 4-j spisok, sohrannennaja edinica 20, 1982.
2. Azeri, S. *Idja k solncu* [Going to the sun]. Baku, Jazychi, 1988, 407 p.
3. Azeri, S. *Napisannoe est' zhizn'* [The writing is life]. *Chelovek kraja* [A Man of the Land]
4. Azeri, S. *Priznanija zakljuchennogo studenta* [Confessions of a prisoner student]. Baku, Chashyoglu, 2007, 387 p.
5. Azeri, S. *Strah* [Fear]. *Literatura i iskusstvo* [Literature and Art], 17 November, 1989, p. 4.
6. Azeri, S. *Ja ne mogu zhit' po-drugomu* [I can not live in another]. *Zerkalo* [The Mirror], 4 October, 2008, p. 3.

Головною причиною непримиренної позиції письменника Сабіра Азері у ставленні до Радянської імперії був утиск народної свободи і управління суспільством не на основі принципу справедливості, а на основі застосування масового покарання і страху. С. Азері ще з молодих років критикував репресії 1937 року, що здійснювалися Радянською імперією. Його заарештували ще студентом, коли він зажадав покарання для справжніх винуватців цього злочину. Він протестував проти деспотичної системи правління, проти політики відділення народів від своєї історії і національної приналежності. Одним з питань, що турбували письменника, було обмеження свободи особистості і та ворожа позиція, яку займала Радянська імперія стосовно особистості. С. Азері вважав, що держава, керована страхом, як це відбувалося в Радянській імперії, рано чи пізно буде приречена на загибель. Подібні міркування знайшли своє відображення в таких творах, як «Dalanda» («У глухому куті»), «İlk təkən» («Перший поштовх») «Ölə bilməyən adam» («Людина, що неспроможна померти»), «Qəbirsiz adam» («Людина без могили»).

Ключові слова: азербайджанська література, проза, радянська імперія, деспотизм, мотиви протесту, Сабір Азері.

The main reason for the intransigence of the writer Sabir Azeri against the Soviet empire was the oppression of people's freedom and the management of the society is not based on the principle of justice, but on the basis of application of mass punishment and fear. S. Azeri even from a young age criticized the repression of 1937, carried out the Soviet empire. He was arrested while still a student when he demanded the punishment of the true perpetrators of this crime. He protested against the oppressive system of government, the policy of separating people from their history and national identity. One of the issues worrying the writer, is to limit the freedom of the individual and that the enemy's position, which is engaged in the Soviet empire against the person. S. Azeri believed that the state, ruled by fear, as happened in the Soviet empire, sooner or later sentenced to death. Similar considerations are reflected in such works as «Dalanda» («The impasse»), «İlk təkən», («The first push») «Ölə bilməyən adam» («A man who cannot die»), «Qəbirsiz adam» («The Man without a grave»).

Key words: Azerbaijani literature, prose, the Soviet empire, despotism, motives protest Sabir Azeri.

Одержано 21.10.2015.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ТА ІСТОРИКО-АРХІВНІ ДОСЛІДЖЕННЯ

УДК 929 + (0.032) + (0.044) + (0.068)

Ю.В. ПАТЛЯНЬ,

*ведущий научный сотрудник
отдела архивов Национального центра народной культуры
«Музей Ивана Гончара», г. Киев*

«ДЕЛО № 48 ХАРЬКОВСКОГО ВЕТЕРИНАРНОГО ИНСТИТУТА О ПРИНЯТИИ В ЧИСЛО СТУДЕНТОВ ЕРОШЕНКО АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА» (1912–1916)

Статья предваряет первую публикацию личного дела студента Харьковского ветеринарного института в 1912–1916 гг. **Александра Ерошенко – старшего брата писателя-символиста Василия Ерошенко (1890–1952)**. Из-за утрат почти всех личных документов этой семьи XIX – первой половины XX вв. выявленный целостный документальный корпус – **уникальный источник для научной биографии писателя**. Вводимые новые данные разрушают ряд стойких советских мифов, таких как атеизм и антиклерикализм семьи Ерошенко, позволяют расширить известные данные обо всех родных писателя в год 125-летия В.Я. Ерошенко.

Ключевые слова: Ерошенко Василий, Ерошенко Александр, писатель-символист, литературоведение, научная биография, история семьи, корпус документов, редкие источники, Харьковский ветеринарный институт.

Эта статья – логическое продолжение публикации, посвященной сохранившимся метрическим записям 1885–1916 гг. **о семье писателя-символиста В.Я. Ерошенко** [1, с. 161–180]. Основная цель статьи – опубликование, анализ и введение в научный оборот целостного комплекса документов начала XX в. из личного дела студента Харьковского ветеринарного института Александра Ерошенко – брата писателя¹.

Интерес к творчеству Василия Ерошенко закономерно привел к изучению и поиску не легендарной, а строго документальной основы для создания научной биографии писателя. Одной из важных составляющих этого поиска и его движущей силой стало желание понять действительный жизненный уклад провинциальной многодетной крестьянской семьи, которая в конце XIX – начале XX вв. не только не оттолкнула слепого ребенка, но и дала ему максимально возможное образование наравне со всеми детьми, включая четырех девочек. Это само по себе уникально. Кроме того, известно, что отец оплачивал проживание Василия Ерошенко в Японии, как минимум, до февраля 1917 г. В письме г-ну Ёсида из Бирмы от 22 августа 1917 г. В.Я. Ерошенко писал: *«Как Вы знаете, мой отец во время первой русской революции (1905 г.) был в числе ее противников, и потому был отмечен правительством. Когда началась война, отец стал чиновником. Он любил царя и готов был отдать все силы служению ему. Сейчас, когда свершилась революция, отец, наверно, по-*

¹ Благодарю за помощь при написании и подготовке статьи: Е. Кручину, М. Коробко, А. Гуляева, М. Маркович (Москва), А. Джаяни (Воскресенск), Е. Андронову (Луганск), А. Королева, Э. Зуба, А. Парамонова (Харьков), А. Лимарова, А. Полякова (Белгород), Т. Потаскаеву (Курск), О. Ващевскую (Киев).

страдал. Но, насколько пострадал, я не знаю. Надеюсь, что он жив, но не удивлюсь, если он лишился имущества и посажен в тюрьму. /.../ Как бы то ни было, письма из дому уже не приходят» [2, с. 233]. Ниже будет показано, какие финансовые трудности вызвал отъезд брата в Японию весной 1914 г., накануне Первой мировой войны, для студента Харьковского ветеринарного института Александра Ерошенко.

Сведений о семье Якова и Евдокии Ерошенко, о повседневной жизни в слободе Обуховка Старооскольского уезда Курской губернии сохранилось крайне мало. Все те данные, которые скупо сообщали в советской печати родные писателя лет через 10 после его смерти, то есть с начала 1960-х гг., в значительной степени не соответствуют действительности, понятной после изучения документов. Но именно на этих устных сообщениях сестер Неонилы (ум. 1972), Марии (ум. 1979) и Нины (Антонины, дата смерти неизвестна) и племянниц основаны все без исключения публикации следующих 30–40 лет.

Основная проблема для архивиста-поисковика состоит в том, что данный регион – Курская губерния, ныне Белгородская область России на границе с Харьковской областью Украины – **сильно пострадал во Второй мировой войне. Исторически сложилось так, что документов по истории сел Обуховка Старооскольского уезда и Чернянка Новооскольского, к которым была приписана семья Ерошенко (Ерошенковых) до революции, практически нет.**

Любой архивный и генеалогический поиск ведется по мужской линии. В семье Ерошенко выжило три сына – **Александр 1888-го, Василий 1889-го и Иван 1901-го годов рождения.** Несмотря на огромные лакуны и пробелы, связанные с 10-летним пребыванием за рубежом и в удаленных регионах СССР, таких как Чукотка, Туркмения, Узбекистан, – из всех сыновей биография писателя-символиста Василия Ерошенко изучена наиболее хорошо.

Жизненный путь родных писателя, всю жизнь поддерживавших его самого, глубокого внимания исследователей до сих пор не привлекал. Об Александре Ерошенко было мало что известно, и в литературе его обычно называют «младшим братом» писателя, который окончил «сельскохозяйственный институт в Харькове», стал ветеринаром и в конце 1920-х гг. работал на Чукотке, куда к нему и приезжал Василий. После этого данных о нем почти нет: работал в Чечне и на Северном Кавказе, в середине 1930-х годов какое-то время – в Туркмении, и так или иначе погиб (пропал без вести) в 1941 г., вскоре после начала Великой отечественной войны. У Александра Ерошенко остались две дочери.

За годы исследований нам приходилось слышать версию о том, что Александр Ерошенко пропал перед Великой отечественной войной в Финляндии, и Василий ездил туда его разыскивать (подразумевается, конечно, советско-финская война). Уже в 2000 г. в повести «Слепой пилигрим» А.С. Поляковский [3, с. 39–40; 4] и за ним А.А. Панков в 2003 г. в своей итоговой книге дают другую версию. А.С. Поляковский в художественной форме писал об исчезновении группы зоотехников из пяти человек, которых послали в хозяйства для мобилизации ахалтекинских лошадей на фронт, после выхода из аула в 40 км от Ашхабада, и о нападении «вооруженных дезертиров». В художественной ткани повести «Слепой поводырь» исчезновение Александра соотносится с 20-летием смерти А.Н. Шараповой, то есть может быть отнесено к 1943–44 гг. Сейчас уже ясно, что это авторский вымысел.

Следом за А.С. Поляковским А.А. Панков сообщал: *«В 1941 году Александр Яковлевич работал на одном из конезаводов под Ашхабадом и уже после начала войны туркменские бандиты угнали в горы племенных лошадей. Несколько человек из НКВД, захватив с собой Александра, знавших этих лошадей, отправились в погоню. Басмачи устроили засаду, всех перебили и побросали где-то в пропасть. Потом Василий Яковлевич ездил сам в горы на поиски останков брата, но так ничего и не было найдено» [5].*

Отметим, что мотив «поисков брата» трижды появляется в биографии Василия Ерошенко. Журналисты и исследователи постоянно подчеркивают, что писатель ездил искать брата Александра на Чукотку, и затем снова разыскивал его либо в Финляндии, либо в Туркмении – местах пропажи или гибели. Точно так же упоминаются попытки Василия разыскать и младшего брата, для чего он, наряду с другими целями, ездил в Якутию уже в 1950-х гг. О младшем брате Иване Ерошенко известно только то, что он не получил высшего образования, а среднее не закончил, крестьянствовал. Затем родители его женили не по любви, и он укрывался от алиментов жене и двум дочерям, после войны (?) был судим и отбывал наказание где-то в Якутии, где остался и завел новую семью. По версии А.С. Поляковского –

Иван ушел из дому совсем молодым. Уже в 1970-х гг. сестры Неонила, Мария и Нина ничего об Иване не знали или не сообщали исследователям. По этим данным найти следы Ивана Ерошенко пока не удается.

Иная ситуация сложилась с Александром Яковлевичем Ерошенко. В 2009 г. нами была выявлена метрическая запись, которая говорит о том, что Александр – не младший, а старший брат Василия, первый сын и второй после старшей сестры Неонилы ребенок в семье [6].

В 2013 г. на исследователей вышел внук Александра Ерошенко, который предоставил нам ряд семейных документов и назвал еще одну версию – его гибели в г. Воскресенск Московской области: «*Мой родной дед и младший брат Василия – Александр Яковлевич Ерошенко был в начале 2-й мировой войны арестован за отказ пропустить вне графика литерный поезд и умер в тюрьме в 1942 г. из-за “сердечной недостаточности”...*»². На тот момент даже внук не знал, что его дед был старшим братом В.Я. Ерошенко. Похоже, что Александр Яковлевич в момент ареста работал на железнодорожной либо ветеринарной при железной дороге станции.

Известно также, что справка о смерти А.Я. Ерошенко существовала, и его жена Фаина Николаевна ездила куда-то на место гибели и привозила оттуда землю на условную могилу мужа в г. Воскресенске. Но сейчас этот документ найти или вновь получить в соответствующих госорганах не удастся. Отметим, что в конце 1950-х гг. была массовая практика выдачи справок родственникам репрессированных с указанием фальсифицированной причины смерти. Все запросы в архивы ФСБ и СБУ (факультативно) как внука, так и наши, получают стандартный ответ: «Данных о Ерошенко А.Я. нет». В базах данных репрессированных и осужденных, в частности, в базе данных общества «Мемориал», сведений о нем тоже нет. Нет данных о нем и в Российском государственном военном архиве: А.Я. Ерошенко не проходит ни по картотеке личных дел, ни по картотеке приказов РВС/НКО по личному составу. Нет на него и учетно-послужной карты.

Поэтому с конца 2013 г. я веду глубокий архивный поиск сведений о судьбе А.Я. Ерошенко. Для подачи архивных запросов были заново проанализированы все советские книги о писателе В.Я. Ерошенко, запрошены сотрудники Дома-музея В.Я. Ерошенко в Обуховке. Основными источниками сведений стала генеалогическая схема, составленная А.А. Панковым в 1970-х–1980-х гг., и его же машинописная книга «По следам Василия Ерошенко» [5], некоторые данные из Дома-музея В.Я. Ерошенко, и, главным образом, сведения и документы, предоставленные А.В. Джаяни.

Летом 2015 г. впервые удалось обнаружить документы, подтвердившие, что «ветеринар Ерошенко» действительно работал на Чукотской культбазе с 15 декабря 1928 по июнь 1930 г. В то время ветпункт еще не был построен и недостроен на 1931 г., оборудование и снабжение для ветпункта завезли только летом 1929 г. Ввиду этого велась разъездная работа вдоль береговой линии, и ветеринаром был выполнен маршрут 2400 км – по береговой линии от Кульбазы до Чаума 1200 км и столько же обратно по тундре. Несмотря на это, планы работы ветпункта были сорваны, и виноват в этом оказался ветврач: «*Основной причиной такого провала работы было отсутствие у ветврача Ерошенко какой-бы то ни было подготовки для научно-обследовательской работы*»³. Такой результат работы заставил нас не удерживать ветврача Ерошенко на третий год работы /несмотря на предложение Комитета Севера при ДКИК [Далькрайисполкоме. – Ю.П.] продолжить с ним договор/ и ввиду затруднений в наборе сотрудников в 1930 году мы телеграфировали Комитету Севера о возможности год переждать без ветврача. На смену уехавшему в 1930 г. ветврачу Ерошенко был прислан ветфельдшер, заключивший договор с Комитетом Севера на заведывание ветпунктом на 3 года» [7, лл. 5об.-6, 9об.-10, 15об.-16].

² Из сведений на странице в соцсети 19.12.2013 г.

³ Публикация документов студенческого дела имеет одной из целей – реабилитацию А.Я. Ерошенко как специалиста. Конечно, никто не учил его работать в условиях Чукотки, только что объявленной «советской», что становится понятно из протокола выпускных испытаний. Но результат он по своим специальностям показал хорошие. Кроме того, культбаза 1928–1930 гг. была практически не приспособлена не только для научной работы, но и для выживания зимовщиков.

На основе документальных данных, а также по фотографии Александра Ерошенко начала XX в. с вензелем «Н I» на наплечнике студенческого кителя, копия с которой представлена в экспозиции Дома-музея В.Я. Ерошенко в Обуховке, удалось выявить личное дело студента А.Я. Ерошенко в фонде Харьковского ветеринарного института Императора Николая I [8]. Экспонируемое в музее семейное фото, следовательно, может быть датировано периодом между 30 января 1914 г., когда Харьковскому ветеринарному институту было присвоено наименование «Харьковский Ветеринарный Институт Императора Николая I» [9, с. 101] и до февраля 1916, пока в нем обучался А.Я. Ерошенко.

Государственный архив Харьковской области (ГАХО) в период немецкой оккупации Харькова с 25 октября 1941 г. по 29 августа 1943 г. утратил треть своих фондов, главным образом, дореволюционных. На 1.01.1941 г. в паспорте архива было указано 2444 фонда, 1843572 ед.хр. Цифры невосполнимых документальных потерь ГАХО в 1941–1943 гг. огромны: по акту от 24 августа 1944 г. — из 3540 фондов, 1931122 ед.хр., 13610 кг россыпи и картотек уничтожено 1035 фондов, 717457 ед.хр., 9638 кг россыпи и картотек. В дополнительном списке утраченных фондов от 8 января 1948 г. указаны еще 24 фонда [10], но итоговых сводных окончательных данных по утраченным фондам и документам, по словам сотрудников ГАХО, нет и сегодня.

Поэтому чудом сохранившееся личное дело, включающее фотографию Александра Ерошенко и сведения о его семье, является уникальным. Оно позволяет получить новые данные обо всем дореволюционном периоде его жизни, а также отрывочные данные о 1917 и 1924 гг.

Опираясь на данные личного дела, удалось подтвердить по разрядным спискам в «Курских Епархиальных ведомостях» учебу А.Я. Ерошенко в Старооскольском духовном училище в 1900–1905 годах и в Курской духовной семинарии в 1905–1911 гг. Это полностью сокрушает советский миф о ненависти к религии и церковникам в этой семье из-за слепоты Василия, якобы наступившей по вине сельского священника⁴. По сохранившимся воспоминаниям соседей, Яков Ерошенко был старостой (ктитором) Петропавловской церкви в Обуховке [11], а его дочь Пелагея (Шаповалова), которая осталась в Обуховке с родителями, всегда помогала при церкви, как нам рассказывала ее правнучка Елена Андропова. Деревянная церковь сгорела в 1946 г. и уже отстроена, будет открыта на престольный праздник 12 июля 2016 г.

Кстати отметим, что по выявленным нами данным 9-й и 10-й ревизий [12] и подворной переписи 1911 г. [13], семья Ерошенко в с. Чернянка Новооскольского уезда была дворовыми (крепостными) крестьянами «действительного статского советника и кавалера» Михаила Павловича Щербинина еще в 1850–1858 гг., а затем, после ликвидации крепостного права, носители этой фамилии стали крестьянами-собственниками. Все Ерошенко (Ерошенковы) в сл. Новоивановка (Чернянка тож) Новооскольского уезда — потомки Осипа Самойлова (Самойловича) Ерошенко, который умер в 1841 г. Во время 8-й ревизии в апреле 1834 г. ему было 48 полных лет, то есть родился он около 1786 г. и прожил около 55 лет. Осип Самойлов Ерошенко — прапрадед Василия Яковлевича, прадед — Иван Осипов (Осипович) Ерошенко, которому в 1858 г. было 44 года (10 ревизия), дед писателя — Василий Иванов (Иванович) Ерошенко, второй сын Ивана Ерошенко от его первой жены, по той же ревизии ему 15 лет, то есть родился он в 1842–43 гг. **Члены этой одной малороссийской (украинской) семьи, получив личную свободу после 1862 г. и формально будучи приписанными к сл. Чернянка, расселилась в другие места (Обуховка, Голофеевка и др.).**

Так, дед писателя Василий Иванов Ерошенко в 35 лет в 1879 г. приобрел усадебную землю в Обуховке на Базарной площади у Сыроватских, а в 1887 г. в метрических книгах Обуховки встречается запись, что Анисия Иванова Ерошенко уже «вдова». Следующее

⁴ В нашей предыдущей публикации [1, с. 167] присутствует неточность. После рождения в 1890 году Василия Ерошенко крестил священник Дмитрий Ковалевский. Но если принять версию о том, что ребенок ослеп в возрасте четырех лет от кори, якобы после того, как священник брызнул ему в глаза святой водой, то это мог быть уже Григорий Вишневецкий, который служил в Обуховке с августа 1893 г. Также крайне важно удостоверение об имущественном цензе, где В.Я. Ерошенко назван слепым от рождения. В любом случае, сверхстойкий и многие десятилетия бытующий абсурдный миф не выдерживает проверки фактами.

же поколение, дети только осевших в Обуховке Якова и Евдокии Ерошенко учились в Старом Осколе, Новом Осколе, Курске Курской губернии, Нижнедевицке Воронежской, в Москве (Василий Ерошенко) и Харькове (Александр, Мария, Неонила).

Яков Васильевич и Евдокия Ерошенко родились в 1866–1867 гг., уже после ликвидации крепостного права, но даже в начале XX в. происхождение семьи указано как «дворянские» [13]. Отметим, что вопреки устоявшемуся в советское время мнению, на котором настаивали сестры и племянницы, о том, что Яков Васильевич Ерошенко не имел собственной земли (и в документах имущественного состояния анализируемого студенческого дела А.Я. Ерошенко она не показана), в Государственном архиве Курской области нами выявлены документы поземельного учета крестьян слободы Обуховка, где в выписках из реестра Курского нотариального архива указано пользование с 1890 г., затем владение Яковом Ерошенко 27 десятинами 1831 саженью земли «в сельце Готовье Кобылинской дачи», приобретенной им за 5 тыс. руб. у дворянки Марии Ивановны Бабаниной по купчей 1912 г. (номер записи в крепостную книгу 655), в том числе «усадебное место в болоте против Ивашкиного луга примерно 3 дес.», против дома распахной земли 11 дес. 631 кв.с., особняком 13 дес. и огороднее место ½ дес [14].

Нужно особо отметить факт получения крестьянином Александром Ерошенко образования на всех возможных тогда его уровнях, от, вероятно, начальной церковно-приходской школы в Обуховке и Старооскольского духовного училища, куда он поступил в 12 лет, до Курской духовной семинарии и Харьковского ветеринарного института. Учеба в духовных учебных заведениях детей крестьянства, а не духовенства – также относительно редкое явление. Из всей жизни А.Я. Ерошенко – **неполных 54 года, если дата смерти верна, – документально подтверждено обучение в течение 16 лет.** Для старшего сына и, следовательно, наследника крепкого крестьянского хозяйства в то время это невероятно долго.

Реконструкция биографии Александра Ерошенко по обнаруженным документам позволяет сделать вывод, что именно он, как старший сын, спас от голода и раскулачивания 1920–1930-х гг. родителей Якова и Евдокию, которые жили с ним в Чечне и Подмосковье и вернулись в Обуховку, видимо, уже после ареста сына. Он помогал получить работу и образование старшей сестре Неониле, которая после замужества жила с родителями. Александр же поддерживал и помогал устроиться на первых порах в Туркмении в 1934 г. Василию Ерошенко. Писатель пережил там период репрессий конца 1930-х гг. и войну, вернувшись в Москву из приграничной режимной Кушки лишь во второй половине 1945 г.

Таким образом, семья в послереволюционный период, похоже, не была раскулачена, выслана, лишена прав, хотя была затронута многими происходящими в стране событиями: в 1920 г. отцу поджигают лавку в Обуховке и он едва не погибает на пожаре; в 1941 г. арестован старший сын Александр; неизвестны причины и время ареста Ивана; мать Евдокия умерла летом 1942 г., когда в Обуховку вошли немцы, сестра Пелагея – в феврале 1947 г., отец Яков Ерошенко – **в мае 1948 г. Во всяком случае, родители, сестры, дети сестер и братьев Александра и Ивана, и незрячий Василий не погибли в лагерях и тюрьмах и умерли своей смертью, хотя очень многое в судьбе этой семьи нам еще неизвестно.**

Отдельно отметим, что Василий Ерошенко был увлечен запрещенным в СССР с 1938 г. эсперанто. Его необычные поездки в Англию, Японию, Таиланд, Бирму, Индию, Китай, Финляндию, Австрию, Германию, Францию, издания книг на разных языках и переписка по брайлю с незрячими всего мира, привлекали как до революции, так и после нее, внимание нескольких имперских разведок. Об этом давно знают все исследователи, но лишь недавно стали доступны опубликованные отчеты британской внешней разведки, упоминающие В.Я. Ерошенко [15, p. 414; 16, p.65]. Японский исследователь **Масанори Итикава в 2002 г. отмечает**, что «Due to his cosmopolitan views, Eroshenko was under constant surveillance of the security police, and finally in 1921, was sentenced to deportation and sent back to Vladivostok» [17, p. 7].

Небезопасной для Ерошенко была и работа в закрытом учебном заведении для подготовки революционных кадров – Коммунистическом университете трудящихся Востока им. И.В. Сталина в Москве. Большинство сотрудников и студентов КУТВа были сметены несколькими последовательными волнами репрессий 1930 – начала 1940-х гг.

Похоже, что из всей семьи Ерошенко основной удар судьбы принял на себя именно Александр Яковлевич. К моменту сдачи этой статьи в печать о нем достоверно из-

вестно следующее. Родился в слободе Обуховка Старооскольского уезда Курской губернии 11 ноября 1888 г., метрическая запись сохранилась. Крещен 12 ноября, по святам во имя мученика Александра Солунского (день памяти 9 ноября ст.ст.). В 1900 г. зачислен в приготовительный класс Старооскольского духовного училища, а весной 1905 г. окончил училище по 2-му разряду. В августе переведен в Курскую духовную семинарию. При военном призыве 1910 г. вытянул жребий о поступлении на службу в постоянные войска, но призыв ему был отсрочен до окончания образования. В июне 1911 г. окончил полный курс Курской духовной семинарии по 2-му разряду. Получив отсрочку от призыва на год для поступления в духовное высшее учебное заведение, летом 1912 г. поступил, однако, в Харьковский ветеринарный институт. Отсрочка от военной службы была продолжена до призыва 1916 г. С 1 сентября 1913 г. по 1 сентября 1914 г. состоял казенным стипендиатом Министерства внутренних дел и обязан был отслужить по ведомству МВД полтора года. Получил диплом ветеринара 11 февраля 1916 г. и должен был поступить на военную службу 1 июля того же г. Сохранилось фото Александра Ерошенко с будущей женой Фаиной Поляковой в г. Кирсанов Тамбовской губернии 6 декабря 1916 г., что позволяет предположить его службу в Третьем запасном кавалерийском полку. В последних числах декабря 1917 г. Александр был уже в Старом Осколе и подавал документы в земскую управу, видимо, для устройства на службу ветеринаром. Сохранилось его фото 1919 г. в гражданском костюме. Видимо, тогда же был заключен брак А.Я. Ерошенко с дочерью урюпинского купца 2-й гильдии Фаиной Николаевной Поляковой (метрическая запись по двум церквям г. Урюпинска не выявлена)⁵, так как 30 апреля 1920 г. в Обуховке родилась их старшая дочь Галина Ерошенко (актовая запись не сохранилась).

По семейным данным, в 1920 г. Александр Яковлевич был призван в армию и затем служил в 8-й (Кавказской трудовой) армии под г. Грозным.

В 1922 г. списки выпускников Харьковского ветеринарного института 1916–1922 гг. запрашивались Главным ветеринарным управлением Народного комиссариата земледелия. В этих списках показан и А.Я. Ерошенко, 1888 г.

26 июля 1923 г. в Грозном у Александра родилась дочь Татьяна Ерошенко. С опорой на эти данные, в Российском государственном военном архиве (Москва) выявлены именные списки ветеринарных работников Северо-Кавказского военного округа за период с 1 сентября 1923 по 1 сентября 1924 г., и «Выписка из алфавитного списка ветврачам и ветфельдшерам, состоящим на учете по Северо-Кавказскому Военному Округу по состоянию на 1 Ноября 1923 г.», в которой под № 123 указан «Ерошенко Александр Яковлевич ветврач 1888», облветеринар Чечни с местожительством в г. Грозный, принятый на учет 5 июля 1923 г. До назначения ветеринаром Чеченской области А.Я. Ерошенко был полковым ветврачом. По выписке Чеченского областного военкомата на 1 сентября 1923 г. уточнено место жительства А.Я. Ерошенко – г. Грозный, облревком [18]. Существуют также упоминания, что Александр жил с семьей в ст. Горячеводская вблизи г. Грозный (сейчас ст. Горячеисточненская). В Грозном же работала фельдшером 5 месяцев сестра Неонила Ерошенко, что помогло ей при поступлении в 1924 г. в Харьковский мединститут.

В сентябре 1924 г. ветврач Александр Ерошенко запросил в Харьковском ветинституте справку о выдаче диплома для подачи в Центральное управление Наркомата земледелия. В анкете для Коммунистического университета трудящихся Востока в январе 1925 г. Василий Ерошенко указывает, что его брат Александр «ветеринар в г. Грозном» [19]. В 1928–1930 гг. – работа на Чукотке.

Татьяна Ерошенко вспоминала, что ее детство в 1930-х гг. прошло в Ингушетии: после Чукотки отец служил в ауле Джейрах летом и г. Орджоникидзе (Владикавказ) зимой [20]. Здесь с 1932 г. в семье Александра жили родители Яков и Евдокия Ерошенко. Есть сведения о работе А.Я. Ерошенко в 1934 г. в г. Ашхабад в Туркмении. По словам внука, с 1938–1939 гг. семья Александра и Фаины Ерошенко с дочерьми Галиной и Татьяной посе-

⁵ Украинская исследовательница Н.Н. Гордиенко-Андрианова в своей книге «Запалив я у серці вогонь...» (1973, 1977) ошибочно назвала жену Александра Ерошенко Галиной.

лилась в г. Воскресенске Московской области. Сюда к нему приезжал отец Яков Васильевич, а потом вернулся в Обуховку. С 1 сентября 1938 г. и до начала войны старшая дочь Галина Ерошенко училась в 1-м Московском мединституте, где в 1941 г. окончила 3 курса. Она 5 мая 1941 г. в г. Воскресенске вышла замуж за Владимира Константиновича Джаяни. Сохранилось фото Александра Ерошенко с зятем, датированное 1941 годом. На условном надгробии рядом с могилой жены Фаины выбита дата смерти А.Я. Ерошенко – «2 ноября 1942», причем дата рождения на памятнике указана неверная, «26 июля 1888».

До сих пор неизвестно, за что он был арестован, судом какой юрисдикции судим, – военным трибуналом или линейным судом железной дороги, к чему приговорен и где отбывал наказание. Последнее сохранившееся фото, возможно, относится к 1942 г.

Из дореволюционных архивов утрачены фонды Старооскольского духовного училища, личные дела студентов Курской духовной семинарии; документы Чукотской культбазы в поселке Лаврентия погибли в 1943 г. при эвакуации морем в Магадан; архив Республики Северная Осетия (Алания) во Владикавказе дал отрицательный ответ на запрос об Александре Ерошенко. Архивы Чечни практически полностью уничтожены в 1994–1996 гг. во время боевых действий. В Центральном государственном архиве Чеченской Республики сгорело почти 650 тыс. дел более чем за два столетия. Из 800 тыс. архивных дел, хранившихся на территории республики, уцелело только 120 тыс. Национальный архив Чеченской Республики понес неисполнимые потери – погибло более 80% документальных материалов: из 663267 дел, находившихся на хранении, уцелело лишь около 90000 дел на спецпереселенцев периода высылки чеченцев и ингушей в Казахстан [21]. По Зареме Ибрагимовой, «из полутора тысяч архивных фондов уцелела только часть одного из них, что составляло менее 1% от общего количества имевшихся до войны архивных документов. Эта часть сохранилась только потому, что сотрудники архива вывезли ее в Новые Атаги» [22].

Архивы Туркменистана имеют свою специфику допуска исследователей к работе с документами и потому труднодоступны из-за рубежа. В настоящее время проверить «туркменскую» версию гибели Александра Ерошенко не представляется возможным.

Поскольку фонды региональных архивов преимущественно не сохранились, дальнейший поиск сведений об А.Я. Ерошенко, по-видимому, возможен только с предоставлениями доказательств родства при запросах в центральные военные и ведомственные архивы России, которые в последние годы вновь в значительной степени ограничивают исследователям доступ к документам.

Публикуемый корпус документов личного дела А.Я. Ерошенко в Харьковском ветеринарном институте приобретает поэтому особое значение. Дело включает в себя 32 документа на 35 листах, представляющие собой оригиналы и, преимущественно, копии. На удивление, копии-автографы А.Я. Ерошенко не заверены нотариально. Это личные документы: копии метрического свидетельства, удостоверения, документы об образовании, протокол об экзаменах, документы о явке к исполнению и отсрочках по воинской повинности, прошения директору и в Совет Харьковского ветеринарного института о поступлении, о назначении стипендии или пособия, о переносе срока экзамена, об освобождении от платы за обучение.

Особую историческую и культурную ценность в деле представляют: фото Александра Ерошенко в возрасте 24-х лет, свидетельство об окончании им курса Курской духовной семинарии, удостоверение об имущественном цензе, где упомянута вся семья, в том числе брат Василий как «слепой с детства», диплом Харьковского ветеринарного института, а также запрос о получении справки об образовании в сентябре 1924 г. По-прежнему темным остается короткий период советского времени: 25 лет с 1917 по 1942 г.

Интересны также несколько вариантов написания фамилии: Ерошенко – Ярошенко, Ерошенков – Ярошенков, зафиксированные одновременно в тексте удостоверения об имущественном цензе, выданного Обуховским волостным правлением. Известно, что сами члены этой семьи всегда писали фамилию как «Ерошенко», что подтверждается документами, а посторонние часто записывали ее как «Ярошенко».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Все документы дореволюционного дела, кроме описи 1916 г., созданной при его формировании, даны в хронологическом порядке по дате их создания. Однако архивное дело сформировано по иному принципу – документы были подшиты по их типам, но этот подход выдержан не всегда. Поэтому пришлось восстанавливать заново хронологическую последовательность событий и документов. Тексты документов приводятся в современной орфографии с сохранением особенностей написания там, где это несет дополнительную семантическую нагрузку.

Документ 1.

На бланке. Опись документа личного дела [при поступлении]

Дело № 48

Харьковского ветеринарного института о принятии в число студентов Ерошенко Александра Яковлевича

Харьковский Ветеринарный Институт к делу № __
Опись документам **Ерошенко Александра**

Свидетельство **Курской Дух[овной]. Сем[инарии]**. за № 940

Свидетельство метрическое за № 15773

Свидетельство о благонадёжности за № 19287 [нет в деле. — Ю.П.]

Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности за № 3689

Удостоверение за № 1954

Инспектор Института
Карандашная пометка:
«При приз[ыве] 1916 г. послед.» [8, л. 17].

Документ 2.

Копия, автограф А.Я. Ерошенко
Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности (временное) Ф. 176

Крестьянин Курской губернии, Ново-Оскольского уезда, Чернянской волости и слободы, Ерошенко Александр Яковлев являлся к исполнению воинской повинности при призыве 1910 года и, по вынужденности им № двести девяносто четвёртому (294) жеребья, подлежащий поступлению на службу в постоянные войска; но на основании п[ункта]. 1 § III стр[аницы]. 61 Устава о воинской повинности, издания 1897 года, поступление ему на службу отсрочено до призыва 1913 года.

**Выдано Ново-Оскольским уездным по воинской повинности Присутствием
17 ноября 1910 года за № 3683.**

**За председателя Присутствия неразборчиво
Делопроизводитель неразборчиво**

Означенному в сём свидетельстве Александру Ерошенко, вследствие его просьбы, по постановлению Ново-Оскольского уездного по воинской повинности Присутствия, состоявшемуся 16 июля 1911 года, на основании 63 ст[атьи]. Устава о воинской повинности, представлена отсрочка для поступления в духовное заведение на год, т.е. до призыва 1912 года.

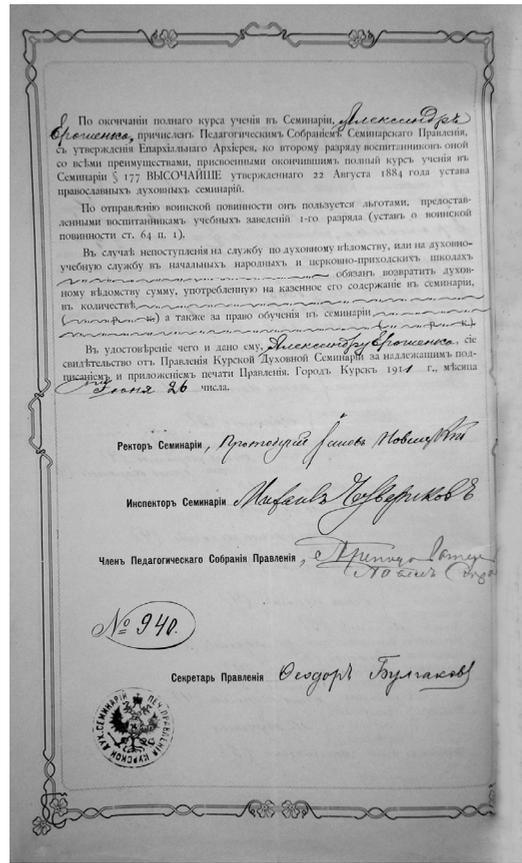
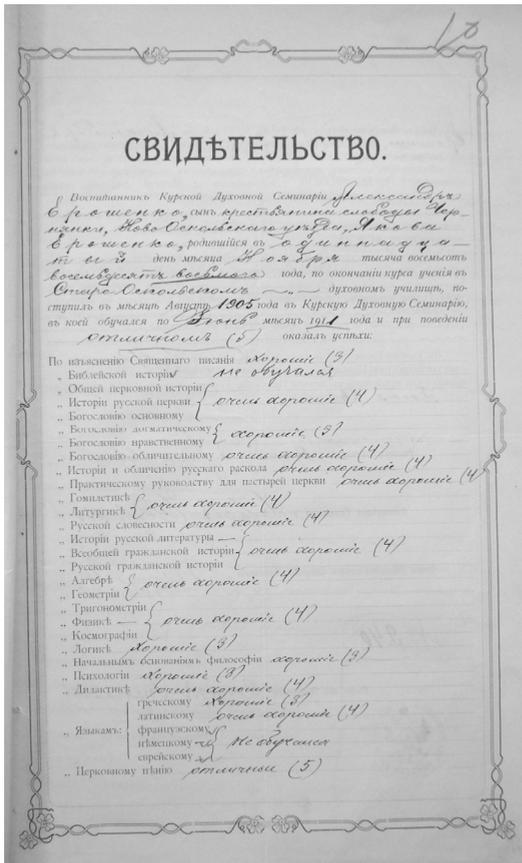
24-го августа 1911 года

**За председателя Присутствия В.Новиков
Делопроизводитель неразборчиво**

Александр Ерошенко [8, л.13-13об.]

Документ 3.

Свидетельство Курской Духовной Семинарии № 940, на бланке

Оттиск круглой печати Правления Курской Духовной семинарии [8, лл. 10-10 об.; лл. 11, 11 об., 12 — копия, автограф Александра Ерошенко, л. 12 об.].

Документ 4.

Фото-«кабинетка» на фирменном картоне с тиснением «Фотограф А.Тараканов, г. Курск». Такие фото использовали как удостоверения личности. Фотоателье Тараканова располагалось в собственном доме в Троицком переулке

[8, л. 1].

Документ 5.

Удостоверение № 1954. На листке в клеточку с угловым штампом Чернянского волостного правления и круглой печатью

Удостоверение

Чернянское Волостное правление
Ново-Оскольского уезда,
Курской губернии
Апреля 7 дня 1912 г.
№ 1954
Почтов[ое]. отд[еление]. Чернянка

Предъявитель сего действительно есть крестьянин слободы Чернянки, Чернянской волости, Ново-Оскольского уезда Александр Яковлев Ерошенко, в том Чернянское волостное правление подписом и приложением печати удостоверяет и выдано это Ерошенко вследствие отношения Обуховского волостного Правления, Старо-Оскольского уезда, от 2 апреля с[его]. г[ода]. за № 1423.

**Волостной старшина
Волостной писарь**

**Самарский
Руновский**

[8, л. 18-18 об; л. 15-15 об. копия, автограф Александра Ерошенко]

Резолюція:

4 ½ 7 Зачислити

На левом поле отметка канцелярии Харьковского ветеринарного института о направлении отношения:

**«Г[осподину]. Рек[тору].
Курской Дух[овной]. Сем[инарии].
23 июля 1912 г. за № 812**

О доставлении обязательства № 818»

Пометка канцелярии об уплате денег [8, л. 9.]

Документ 8.

Отношение ректора Курской духовной семинарии
[свидетельство о благонадежности]. Машинопись на бланке ректора

Ректор
Курской Духовной семинарии
Июля 24 дня 1912 г.
№ 1271
г. Курск

[Вх. ХВИ] **19 27/VII 12**
Господину Директору
Харьковского Ветеринарного Института

Вследствие отношения от 23-го июля сего 1912 года за № 812, имею честь сообщить, что поименованный в означенном отношении, бывший воспитанник Курской духовной Семинарии, окончивший в ней полный курс учения в 1911 году Александр Яковлевич Ерошенко во всё время обучения в Семинарии аттестовался по поведению баллом пять (5), никогда не был замечаем в чём-либо предосудительном, отличался скромностью и по своим нравственным качествам и направлению вполне благонадёжен к продолжению образования в высшем учебном заведении.

И[справляющий]. д[олжность]. Ректора семинарии **М. Четвериков** [8, л. 2]

Документ 9.

На бланке, автограф. [Вх. ХВИ] **1 августа 1912 г.**

Обязательство

Я, окончивший полный курс в Курской Духовной семинарии, Александр Ерошенко, во время своего пребывания в Ветеринарном Институте, обязуюсь подчиняться всем правилам, постановлениям и распоряжениям Института.

Александр Ерошенко
1912 г. 29 июля
[8, л. 3, рукописная копия л. 25]

Документ 10.
Рукопись с угловым штампом Ново-Оскольского уездного
по воинской повинности Присутствия

[Вх. ХВИ] **1.X.912**

М.В.Д.
Ново-Оскольское уездное
по воинской повинности
Присутствие
г. Новый-Оскол
6 сентября 1912 г. № 2760
В Канцелярию Харьковского Ветеринарного Института

Читал студент I-го курса Александр Ерошенко

Уездное присутствие просит канцелярию Ветеринарного Института объявить студенту означенного института Александру Яковлеву Ерошенко, что вследствие его просьбы ему, постановлением Присутствия за 24-е сентября, на основании § V п[ункта]. 1 ст[атьи]. 61 Уст[ава]., предоставлена отсрочка на окончание образования до 27 летнего возраста, т.е. до призыва 1916 года.

**Член Присутствия
Делопроизводитель**

**/подпись/ А. Чумак
/подпись/ Чистов [8, л. 8-8 об.]**

Документ 11.
Рукопись, с угловым штампом Новооскольского уездного
по воинской повинности присутствия

М.В.Д.
Ново-Оскольское
уездное
по воинской повинности
Присутствие
г. Новый-Оскол
22 ноября 1912 г. № 4910

[Вх. ХВИ] **24.XI.912**

В Харьковский ветеринарный институт

Уездное Присутствие имеет честь препроводить в Институт свидетельство об отсрочке за № 4777 студенту означенного Института Александру Яковлеву Ерошенко.

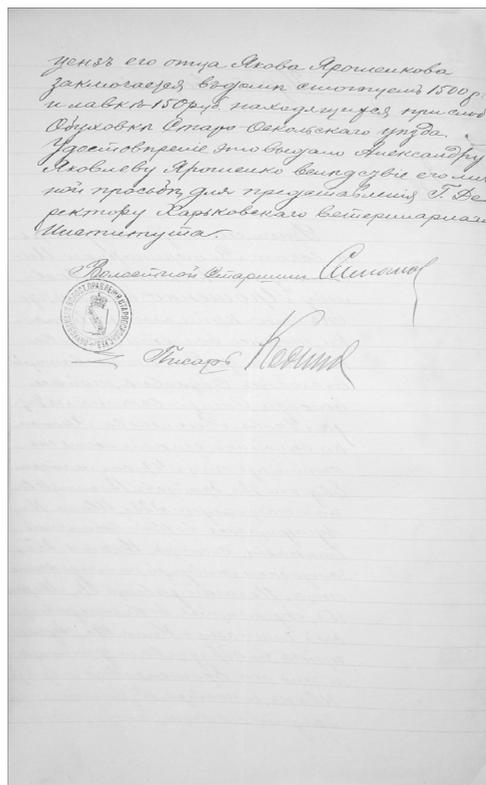
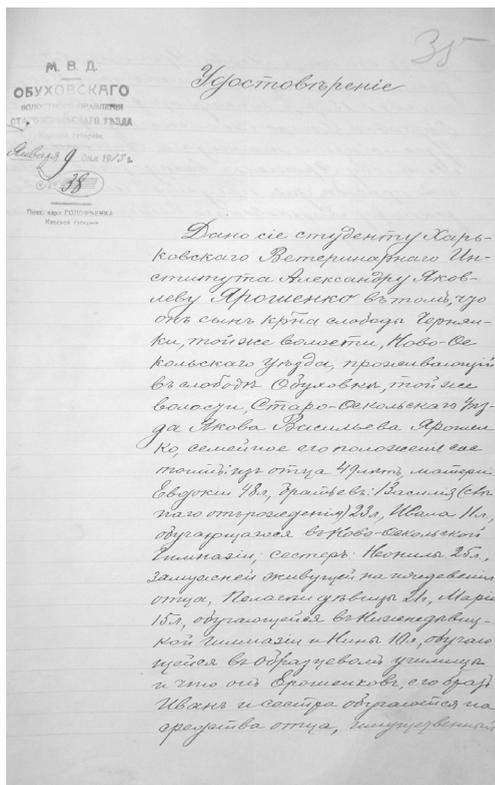
Член присутствия /подпись/ **А. Чумак**
Делопроизводитель /подпись/ **Чистов**

[На левом поле:] **Свидетельство об отсрочке Ново-Оскольского уездного по воинской повинности присутствия от 23-го ноября 1912 г. за № 4677 получил 29 ноября 1912 г. студент I-го к[урса].**

Александр Яковлевич Ерошенко [8, л. 6].

Документ 13.

Удостоверение об имущественном цензе № 38, рукопись с угловым штампом
Обуховского волостного правления

Оттиск круглой печати Обуховского волостного
правления Старооскольского уезда [8, л. 35-35 об.]

Документ 14.

Прошение Александра Ерошенко об освобождении от платы за обучение
во втором полугодии 1912—1913 года, автограф

[Вх. ХВИ] 17 января 1913 г.
В Совет

Его Высокопревосходительству
Господину Директору Харьковского Ветеринарного Института

Неог.х 5
4 1/27
Штамп «Недоимка»
За I пол. 1913 г.

Студента 1-го курса
Александра Яковлевича
Ерошенко

Прошение

Вследствие недостатка средств покорнейше прошу, Ваше Высокопревосходительство, освободить меня от платы за правообучение во втором полугодии 1912-13 учебного года. При сём прилагаю удостоверение о своём материальном положении.

*Студент 1-го курса Александр Ерошенко
1913 года января 15 дня*

Штамп с заполненными строками:

«В Заседании Совета

12 февраля 1913 года

Определено: **Освободить**

в числе 15%» [8, л. 26]

Документ 15.
Прошение, автограф.

[Вх. ХВИ] **19 21 / V 13**
В Совет

*Его Превосходительству Господину Директору
Харьковского Ветеринарного Института*

Справка. Ерошенко в весеннем полугодии 1912-1913 уч[ебного]. г[ода]. был освобождён от платы в числе 15%.

Экзамены сданы:

по сравнительн[ой]. анат[омии]. — 5

зоологии — 5

неорган[ической]. хим[ии]. — 5

Не сдана физика

*Студента I курса
Александра Яковлев[ича]
Ерошенко*

Штамп:

«В Заседании Совета

17 июня 1913 года

определить: **разрешить**»

Прошение

Вследствие болезни я не имею возможности держать экзамен по физике, посему покорнейше прошу Ваше Превосходительство разрешить мне держать экзамен по вышеуказанному предмету осенью 1913 года.

При сём прилагаю свидетельство о болезни от доктора по кожным болезням Щекина [нет в деле. — Ю.П.].

*Александр Ерошенко
1913 г. мая 21 дня*

*Адрес: Слобода Обуховка, Старо-Оскольского уезда
Александрю Яковл[евичу]. Ерошенко*

[Вх. ХВИ] № 879

14 июня 1913 г. [8, л. 27]

Документ 16.
Прошение о назначении стипендии, автограф

[Вх. ХВИ] **10 /IX 913**
В Совет

В Совет Профессоров Харьковского Ветеринарного Института

Студента II курса
Александра Ерошенко

[Справка]
В весенние сроки 1912-1913
сдал экзамены во II курсе
с отметкой в средн[ем]. 4 6/9

[Штамп]
«В Заседании Совета
15 октября 1913 года
Определено: **назначить»**

Прошение

Вследствие недостатка материальных средств покорнейше прошу Совет Профессоров назначить мне стипендию.

При сём прилагаю удостоверение о бедности [нет или см. док. 13. — Ю.П.].

Александр Ерошенко
1913 г. августа 31-го дня

[Харьков, ул.] **Клочковская, 106** [8, л. 29].

Документ 17.
Автограф на типографском бланке

Обязательство

Я, нижеподписавшийся, студент II курса Харьковского Ветеринарного Института **Александр Яковлевич Ерошенко** даю сие обязательство в том, что по окончании курса ветеринарных наук в институте, обязуюсь за получаемую мною стипендию **Министерства Внутренних дел** отслужить по назначению указанного Министерства по полтора года за год пользования стипендией.

«23» ноября 1913 года.

Студент II курса Харьков[ского]. Ветеринарн[ого]. Инстит[ута].
Александр Яковлевич Ерошенко [8, л. 3].

Документ 18
Прошение о продлении стипендии на 1914 г., автограф

[Вх. ХВИ] 15/І 914
В Совет

*Его превосходительству Господину Директору
Харьковского Ветеринарного Института*

*Студента II курса
Александра Ерошенко*

*Справка.
В осеннем полугодии 1913/1914 уч[ебного]. г[ода].
стипендия выдавалась.
Сданы: 4 6/9*

Прошение

*Покорнейше прошу Вас, Ваше Превосходительство, ходатайствовать перед Со-
ветом Профессоров о продлении мне стипендии на 1914 год.
Свидетельство о бедности мною было подано в сентябре месяце 1913 года.*

Александр Ерошенко

[Штамп]
«В Заседании Совета
14 января 1914 года
Определено: *продлить*» [8, л. 28].

Документ 19.
Прошение о продлении стипендии на 1914 и 1915 учебный год, автограф

[Вх. ХВИ] 20/VIII 914

*Его Превосходительству
Господину Директору Харьковского Ветеринарного Института
Императора Николая I-го*

*Студента III-го курса
Харьковского Ветеринарного
Института Императора Николая I
Александра Яковлевича Ерошенко*

*Справка
Переведен в III курс с
отметкой в среднем 3 4/13*

[Штамп:]
«В Заседании Совета
7 октября 1914 года:
определено: *в просьбе
отказать*»

Прошение

*Покорнейше прошу Вас, Ваше Превосходительство, ходатайствовать перед Со-
ветом Профессоров о продлении мне стипендии на 1914-й и 15-й учебный год.
Свидетельство о бедности мною подано в прошлом году.*

*Студент III курса
Александр Ерошенко
1914 года августа 15 дня*

Адрес: Харьков, Клочковская, 106 [8, л. 32].

Документ 20.
Прошение о назначении пособия, автограф

[Вх. ХВИ] 9/Х 914
В Совет

*Его Превосходительству
Господину Директору Харьковского Ветеринарного Института
Императора Николая I*

[Штамп:]
«В Заседании Совета
20 октября 1914 года
Определено: *назначить 25 р.*»
3 7/13

*Студента III-го курса
Александра Яковл[евича].
Ерошенко*

Прошение

Покорнейше прошу Вас, Ваше Превосходительство, ходатайствовать перед Советом Профессоров о назначении мне пособия. В прошлом учебном году я пользовался стипендией Министерства Внутренних дел, в текущем же году её у меня, вследствие того, что имею неполный средний бал, отобрали. Потеря стипендии для меня слишком чувствительна. Сейчас я не имею возможности не только внести плату за право обучения, но не имею средств для удовлетворения нужд первой необходимости.

Свидетельство о бедности мною было подано в этом году [нет. — Ю.П.].

*1914 года октября 9 дня
Александр Ерошенко [8, л. 33].*

Документ 21.
Прошение об освобождении от платы за обучение
или о выдаче пособия, автограф

*Его Превосходительству
Господину Директору Харьковского Ветеринарного Института
Императора Николая I-го*

*Студента III-го курса
Александра Ерошенко*

3 7/13

[Штамп:]
«В Заседании Совета
12/ III 1915 года
определено: *назн[ачить]. 25 р.*»

Прошение

Покорнейше прошу Вас, Ваше Превосходительство, ходатайствовать перед Советом Профессоров об освобождении меня от платы за правообучение во втором полугодии или о выдаче мне пособия.

Удостоверение о материальном положении мною подано в начале 1914/15 учебного года [нет. — Ю.П.].

*1914 года декабря 4 дня
Студент III курса Александр Ерошенко*

[Харьков,] *Дергачёвская улица № 7* [8, л. 30].

Документ 22.

С угловым штампом Новооскольского уездного по воинской повинности присутствия. О предоставлении А.Я. Ерошенко отсрочки до 1 июля 1916 г.

[Вх. ХВИ] 29 /V 915

М.В.Д.
Ново-Оскольское
уездное
по воинской повинности
присутствие
24 мая 1915 г.
№ 5627
г. Новый-Оскол

В Харьковский Ветеринарный Институт

По постановлению Присутствия за 22 число сего месяца студенту **Александру Яковлеву Ерошенко**, на основании п. 10 Циркуляра М.В.Д. № 34, предоставлена отсрочка до 1-го июля 1916 года.

Об этом Уездное Присутствие уведомляет Институт для сведения и объявления Ерошенко.

Член Присутствия /подпись/ **П. Метен...** [Неразборчиво. — Ю.П.]
И[справляющий]. д[олжность]. секретаря /подпись/ **М. Дубинин**

[На левом поле:] **1915 года октября 16 дня содержание этой бумаги мне объявлено. Студент IV курса В[етеринарного]. Инст[итута]. А.Ерошенко [8, л. 7].**

Документ 23.

Копия временного Свидетельства о явке к исполнению воинской повинности № 8668 от 9 августа 1915 г. Нижняя треть листа обрезана, автограф.

Копия

Свидетельство

О явке к исполнению воинской повинности (временное)

Крестьянин Курской Губ[ернии]., Ново-Оскольского уезда. Чернянской волости и Слободы Ерошенко Александр Яковлевич явился к исполнению воинской повинности при призыве 1916 года; подлежит поступлению на службу в постоянные войска; но на основании п.10 циркуляра М.В.Д. № 34 поступление ему отсрочено до 1-го июля 1916 года.

Выдано Ново-Оскольским Уездным по воинской повинности Присутствием 9 августа 1915 года за № 8668.

Член Присутствия /подпись/ **Н. Ачкасов**
И[сполняющий]. д[олжность]. Секретаря /подпись/ **М. Дубинин** [8, л. 14]

Документ 24.
Машинопись с угловым штампом Новооскольского уездного
по воинской повинности Присутствия

[Вх. ХВИ] **1914/VIII 15**

М.В.Д
Ново-Оскольское Уездное
по воинской повинности
присутствие
9 августа 1915 г. № **8669**
г. Новый Оскол

В канцелярию Харьковского Ветеринарного Института

Уездное Присутствие имеет честь при сём препроводить в канцелярию Института сви-
детельство об отсрочке за № 8668 студента Ерошенко Александра Яковлева.

Член Присутствия /подпись / **Н. Ачкасов**
И[справляющий] д[олжность] секретаря /подпись/ **М. Дубинин**

**1915 года октября 16 дня свидетельство о явке к исполнению воинской повинно-
сти за № 8668 получил**

Студент IV курса /подпись/ А.Ерошенко [8, л. 4].

Документ 25.
С угловым штампом Ново-Оскольского уездного
по воинской повинности присутствия

[Вх.ХВИ] **26/VIII 915**

М.В.Д.
Ново-Оскольское
уездное по воинской повинности
присутствие
24 авг. 1915 г.
№ **9349**
г. Новый Оскол

В канцелярию Харьковского Ветеринарного Института

Уездное Присутствие просит объявить студенту Александру Яковлеву Ерошенко на
прошение, поданное им в Присутствие, что по постановлению за 22 мая 1915 г., ему, Еро-
шенко, предоставлена отсрочка на окончание образования до 1 июля 1916 г.

Член Присутствия /подпись / **Н. Ачкасов**
И[справляющий] д[олжность] секретаря /подпись/ **М. Дубинин** [8, л. 5].

Документ 26.
Прошение об освобождении от платы за обучение, автограф

[Вх. ХВИ] **3/IX 915**
В Совет

**В Совет Профессоров
Харьковского Ветеринарного Института
Императора Николая I-го**

[Штамп:]
«В Заседании Совета
20 октября 1915 г.
определено: **назначить 25 р.»**

**Студента IV курса Харьковского
Ветеринарного Института
Александра Яковлевича
Ерошенко**

Прошение

**Не имея возможности сделать взнос за правообучение в 1915 году вследствие не-
достатка материальных средств, я покорнейше прошу Совет Профессоров освободи-
ть меня от платы в I-м полугодии текущего учебного года.**

Удостоверение мною подано в прошлом году [нет в деле. — Ю.П.].

**Александр Ерошенко,
студент IV курса Хар[ьковского] Вет[еринарного]
Инст[итута] Имп[ератора] Н[иколая] I-го**

1915 г. 31 августа
[Харьков, ул.] **Залес[с]кая, 20** [8, л. 34].

Документ 27.
Прошение об освобождении от платы за обучение, автограф

**В Совет Профессоров
Харьковского Ветеринарного Института
Императора Николая I-го**

**Студента IV курса
Александра Яковлевича
Ерошенко**

[Штамп:]
«В Заседании Совета
12 января 1916 г.
определено: **отказать»**

3 12/13

Прошение

Ввиду недостатка материальных средств, покорнейше прошу Совет Профессоров освободить меня от платы за право обучения во втором полугодии 1915 и 16-го учебного года.

*Александр Ерошенко,
студент IV курса Х[арьковского]. В[етеринарного]. И[нститута].
И[мператора] Н[иколая] I*

*1915 года декабря 30 дня
Адрес: Харьков, Павловка, [ул.] Зале[с]ская, 20 [8, л. 33].*

Документ 28.
На бланке Харьковского Ветеринарного Института

Протокол
об экзамене на степень *ветеринара*
Ерошенко Александра Яковлевича
I отдел:
Вспомогательные науки¹⁾

№	Предметы	Вопросы	Отметки ²⁾ выведение из имевшихся в институте экзаменационных списков
1	Богословие		4
2	Сельское хозяйство		3
3	Минералогия с геологией		4
4	Ботаника		5
5 6	Зоология и сравнительная анатомия		5,5
7	Физика		3
8	Химия	неорганическая	5
		органическая	4
9	Химия физиологическая		—

1) Отметки во вспомогательным наукам в настоящий протокол на основании § 15 прав[ил]. об исп[ытаниях]. на учён[ые]. вет[еринарно]. мед[ицинские]. степ[ени]. внесены те, которые экзаменуемым студентом получены были по выслушании этих предметов.

2) На основании § 9 тех же прав[ил]., результат испытания по каждому предмету означается в экзаменационном протоколе отметкою «весьма удовлетворительно», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно».

II отдел:

Существенные предметы

а) демонстративные и практические испытания

№	Предметы	Вопросы	Отметка и подпись экзаменатора
1	А) Зоотомия с эмбриологией Б) Гистология	Грудная полость Задние конечности Нервная ткань	<i>Удовл[етворительно]. С. Трофимов Удовл[етворительно]. С. Трофимов</i>
2	Патологическая анатомия (вскрытие)		<i>Удовлетв[орительно]. П. Палеев</i>
3	Фармакогнозия и фармация		<i>Удовл[етворительно].; Удовл[етворительно]. Секр.Совета Мальцев</i>
4	Оперативная хирургия		<i>Удовлетв[орительно]. Мальцев</i>
5	Практическая родовспомогательная наука		
6	Искусство ковки лошадей		<i>Удовлетв[орительно]. Мальцев</i>
7	Клиническое испытание	Клиника терапевтическая	<i>Удовлетв[орительно]. Петропавловский</i>
		Клиника хирургическая	<i>Удовлетв[орительно]. Мальцев</i>
		Клиника малых животных	<i>Удовлетв[орительно]. Самоделкин</i>
		Клиника заразная	<i>Удовлетв[орительно]. Гордзялковский</i>
8	Судебно-ветеринарная медицина		<i>Удовлетв[орительно]. Ф. Попов</i>

б) Устные испытания

Испытание начато __дня, кончено __дня 19__ года

№	Предметы	Вопросы	Отметка и подпись экзаменатора
11	Зоофизиология		<i>Удовл[етворительно]. Рязанцев</i>
22	Экстерьер		<i>Удовл[етворительно]. П. Палеев</i>
23	А) скотоводство	16.	<i>В[есьма]. удовл[етворительно]. Секр[етарь]. Сов[ета]. Мальцев</i>
	Б) мясоведение		<i>Удовл[етворительно]. А. Дедюлин</i>
44	Зоогигиена		<i>Удовл[етворительно]. Секр[етарь]. Сов[ета]. Мальцев</i>
55	Общая патология		<i>Весьма удовл[етворительно]. Репрев</i>
66	Патологическая анатомия и патологическая гистология	11 б.	<i>В[есьма].удовлетв[орительно]. П. Палеев</i>
77	Фармакология с рецептурой		<i>Удовл[етворительно].; Удовл[етворительно]. Петропавловский</i>
88	Общая терапия		
99	Частная патология и терапия		<i>Удовл[етворительно]. Петропавловский</i>

Продолжение таблицы

110	А) Эпизоотология с ветеринарной полицией Б) Бактериология В) Вакцины и вакцинация	13 б.	<i>Удовлетв[орительно]. Гордзялковский</i> <i>В[есьма]. удовл[етворительно].</i> <i>А. Дедюлин</i> <i>В[есьма].удовл[етворительно]. Д. Конев</i>
111	Теоретическая хирургия Офтальмология		<i>Удовл[етворительно].; Удовл[етворительно].</i> <i>Самоделкин</i>
112	Родовспомогательная наука		<i>Удовл[етворительно]. Самоделкин</i>
113	Теория ковки лошадей и копытные болезни		<i>Удовл[етворительно]. Мальцев</i>
114	Судебно-ветеринарная медицина		<i>Удовлетв[орительно]. Ф. Попов</i>
115	Энциклопедия ветеринарии	5	

Заседание Совета
Харьковского Ветеринарного Института
Января 30 дня 1916 года

При рассмотрении настоящего экзаменационного протокола, находя что **Ерошенко Александр** при испытаниях на степень **ветеринара** оказал успехи: **удовлетворительные**

а) по вспомогательным предметам	весьма удовлетворительно { удовлетворительно неудовлетворительно
б) по существенным ветеринарным предметам	весьма удовлетворительно { удовлетворительно неудовлетворительно

Совет Харьковского Ветеринарного Института, в заседании вышеозначенного на основ. прав[ил]. об исп[ытаниях]. на учёно-вет[еринарные]. мед[ицинские]. степ[ени]. 1877 г. и на основ. § 44 Высочайше утв[ержденного]. 8 мая 1873 г. полож[ения]. О Ветер[инарных]. Инст[утах]., т. XIII уст[ав]. Врач[ебного]. ст[атьи]. 595-618 (изд. 1905 г.)
определил г. **Ерошенко** удостоить степени **ветеринара**

Председатель /подпись / **Гр. Гумилевский**

Члены { **Сек[ретарь] Сов[ета] Мальцев**

Справка из документов удостоенного учёной степени.

- 1) Имя, отчество и фамилия.
- 2) К какому происхождению принадлежит сословию.
- 3) В каком учебном заведении воспитывался до поступления в институт.
- 4) Состоял ли казённым стипендиатом и с какого по какое время.
- 5) Обязан ли отслужой или чем-либо за полученную стипендию или другую льготу.
- 6) Какого поведения значится за время пребывания в институте [8, л. 23, 23 об., 24, 24 об.].

Согласно 38 ст. Устава о воинской повинности, имею честь уведомить Воинское При-
сутствие, что **Александр Яковлевич Ерошенко** получивший отсрочку по воинской повинно-
сти в призыве 1910 года, окончил полный курс ветеринарных наук и удостоен Советом Ин-
ститута **30 января 1916** года степени ветеринара. Подписка о месте жительства **Алексан-
дра Ерошенко** при сём прилагается [нет в деле. — Ю.П.].

/ К сему имею честь присовокупить, что **Ерошенко** казённым стипендиатом Мини-
стерства Внутренних Дел состоял с **1 сентября 1913 г. по 1 сентября 1914 г.**

Директор Института
Письмоводитель [8, л. 22].

Документ 31.
Заявление о выдаче справки.

**В Управление Харьковского
Ветеринарного Совета**

[Резолюция Харьковского Ветеринарного Совета]
Отказано

[Документ был перенаправлен в ХВИ]

**Ветеринарного врача
А.Я.Ерошенко**

[Штамп:]
“Харьковский ветеринарный
Институт **сентября 6 1924**
Вход. № **2699**”

[Резолюция ХВИ]
**Выдать справку
/подпись/ П.Поздняков
8.IX.24**

Заявление

**Прошу выдать мне справку об окончании Харьковского Ветеринарного Институ-
та в 1916 году в январе месяце; справка необходима в Ц[ентральное]. Ветуправление
Н[ародного]. К[омиссариата]. З[емледелия].**

Ветврач Ерошенко

Наклеена гербовая марка 6 коп., погашенная перечеркиванием [8, л. 21].

На обороте [объяснительная].

**В последних числах декабря месяца 1917 г. диплом вместе с заявлением был подан
в Старо-Оскольскую уездную земскую управу, откуда после переворота октябрьского
ввиду утери всех дел диплом мне не был возвращён.**

**Ветврач Ерошенко
3/IX 1924 г.
Получил ветврач Ерошенко
8/IX 1924 г. [8, л. 21 об.].**

Документ 32.
Машинописная копия с рукописным исходящим номером.

8/IX 1924
[Исх. №] 2742

Справка

Выдана Вет-врачу Ерошенко Александру Яковлевичу для представления в Ц[ентральное] Вет[еринарное] Управление о том, что он окончил Харьковский ветеринарный институт в 1916 году 11-го февраля (диплом №427), что подписью и приложением печати удостоверяется.

За ректора института
Проф[ессор]. /Красовский/

Политкомиссар
/ Поздняков /

Управ[ляющий]. делами
/ Бицуренко / [8, л. 20].

Список использованных источников

1. Патлань Ю.В. Метрические книги Петропавловской церкви слободы Обуховка как источник данных для анализа творчества писателя-символиста В.Я. Ерошенко и его семьи / Ю.В. Патлань // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки». – 2014. – № 2 (8). – С. 161–180.
2. Ерошенко В.Я. Избранное / В.Я. Ерошенко. – М.: Наука, 1977. – 264 с.
3. Поляковский А.С. Слепой пилигрим. Повесть / А.С. Поляковский // Школьный вестник. – 2000. – № 3.
4. Поляковский А.С. Слепой пилигрим / А.С. Поляковский. – М.: ЛогосВОС, 2012. – В 2 кн. – Кн. 1. – 425 с.; Кн. 2. – 356 с.
5. Панков А.А. По следам Василия Ерошенко / А.А. Панков. – Кисловодск, 2003. – 99 с. Электронная версия из архива Ю.В. Патлань.
6. Государственный архив Белгородской области (ГАБО). – Ф. 139. – Оп. 1. – Д. 161. – лл. 16–17 об.
7. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 3977. – Оп. 1. – Д.1113. – лл. 15 об. – 16.
8. Государственный архив Харьковской области. – Ф. 928. – Оп. 1. – Д. 1314.
9. Журнал Министерства народного просвещения. – 1914. – Ч. 49.
10. Центральный государственный архив высших органов власти Украины. – Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 54. – лл. 2-3 об.; Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 2730. – лл. 49-51 об.; Ф. 14. – Оп. 2. – Д. 158. – лл. 275–276 об. (277–281).
11. Щербакова А.А. Воспоминания о В.Я. Ерошенко / А.А. Щербакова, А.П. Щербаков. – Рукопись, 1992. – Старооскольский краеведческий музей. – СОКМ 15675.
12. ГАКО. – Ф. 184. – Оп. 2. – Д. 845, Д. 2038.
13. ГАКО. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 758. – л. 106.
14. ГАКО. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 1388. – л. 7, 8, 9.
15. Documents on British foreign policy: 1919–1939 / ed. by E. L. Woodward. Series 1, Vol. 14: Far Eastern affairs. April 1920 – February 1922. London: Her Majesty's Stat. Off, 1966. – 645 p.
16. British documents on foreign affairs Part II, From the First to the Second World War Series E, Asia 1914–1939 Vol. 26, China, October 1921 – February 1922: reports and papers from the Foreign Office confidential print / general editors Kenneth Bourne and D. Cameron Watt and Michael Partridge; editor Ann Trotter / Bethesda, Md.: University Publications of America, cop. 1994. – 458 p.
17. Masanori Ichikawa. Mikan no seiki: 20-seiki bijutsu ga nokosumono. Supplement / Ichikawa Masanori. – Tokyo: Yomiuri Shinbunsha, 2002. – 279 p.

18. Российский государственный военный архив. Ф. 25896. – Оп. 5 – Д. 142. – лл. 2, 3, 24.
19. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 532. – Оп.12 – Д. 5886 – л. 3.
20. ГАБО. – Ф. Р-1607. – Оп. 1. – Д. 17. – лл. 48–56.
21. Как спасали архив Чеченской республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cenador.livejournal.com/186716.html>
22. Ибрагимова З.Х. Чеченская война как фактор уничтожения культурного наследия – библиотек, архивов, музеев [Электронный ресурс] / З.Х. Ибрагимова. – Режим доступа: http://zarema-ibrag-ru.1gb.ru/?STATMzl:Chechenskaya%0Avoina_kak_faktor_unichtozheniya... Страница восстановлена из кэша на 2.08.2015 г.

References

1. Patlan Ju. V. *Metricheskie knigi Petropavlovskoj cerkvi slobody Obuhovka kak istochnik dannyh dlja analiza tvorchestva pisatelja-simvolista V.Ja. Eroshenko i ego sem'i* [Patlan Yu. Parish registers of Peter and Paul church at Obukhovka sloboda as a source of data for the analysis of creative work of symbolist writer V.Ya. Eroshenko and the history of his family]. *Visnyk Dnipropetrovs'kogo universytetu imeni Al'freda Nobelja. Serija «Filologichni nauky»* [Journal of Alfred Nobel University Dnipropetrovsk. A series of «Philology»]. 2014, no. 2 (8), p. 161-180.
2. Eroshenko V.Ja. (1977) *Izbrannoe* [Selected Writings]. Moscow, Nauka Publ., 264 p.
3. Poljakovskij A.S. *Slepoj piligrim* [The Blind Pilgrim]. *Shkol'nyj vestnik* [Herald of school]. 2000, no. 3.
4. Poljakovskij A.S. (2012). *Slepoj piligrim* [The Blind Pilgrim]. Moscow, LogosVOS Publ., vol.1 425 p., vol. 2. 356 p.
5. Pankov A.A. (2003). *Po sledam Vasilija Eroshenko* [On the trail of Vasily Eroshenko]. Kislovodsk, 99 p. The electronic version from the archive Yu. Patlan.
6. State Archive of the Belgorod region. Fund 139, inventory 1, file 161, sheets 16-17.
7. State Archive of the Russian Federation. Fund 3977, inventory 1, file 1113, sheets 15-16.
8. State Archive of Kharkiv region. Fund 928, inventory 1, file 1314.
9. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija* [Journal of the Ministry of National Education]. 1914, vol. 49, p.101.
10. Central State Archive of the top authorities and administrations in Ukraine. Fund 14, inventory 2, file 54, sheets 2-3; fund 14, inventory 1, file 2730, sheets 49-51; fund 14, inventory 2, file 158, sheets 275-276 (277-281). (In Russian).
11. Shcherbakova A.A. (1992). *Vospominanija o V.Ja. Eroshenko. Rukopis'* [The memories of Vasily Eroshenko. The manuscript]. Starooskol'skij kraevedcheskij muzej [Museum of local history of Stary Oskol] no. 15675. (In Russian, unpublished).
12. State Archive of the Kursk Region. Fund 184, inventory 2, files 845, 2038. (In Russian).
13. State Archive of the Kursk Region. Fund 4, inventory 1, file 758, sheet 106. (In Russian).
14. State Archive of the Kursk Region. Fund 4, inventory 1, file 1388, sheet 7,8,9. (In Russian).
15. Documents on British foreign policy: 1919–1939, Series 1, Vol. 14: Far Eastern affairs. April 1920 – February 1922. London: Her Majesty's Stat. Off, 1966, 645 p.
16. British documents on foreign affairs Part II, From the First to the Second World War Series E, Asia 1914-1939 Vol. 26, China, October 1921-February 1922: reports and papers from the Foreign Office confidential print (1994), Bethesda, Md.: University Publications of America, 458 p.
18. Masanori Ichikawa (2002). *Mikan no seiki: 20-seiki bijutsu ga nokosumono*. Supplement. Tokyo, Yomiuri Shinbunsha, 279 p.
18. Russian State Military Archive. Fund 25896, inventory 5, file 142, sheet 2,3, 24 (In Russian).
19. Russian State Archive of Social and Political History. Fund 532, inventory 12, file 5886, sheet 3. (In Russian).
20. State Archive of the Belgorod region. Fund R-1607, inventory 1, file 17, sheets 48-56. (In Russian).
21. *Kak spasali arhiv Chechenskoj respubliki* [How they saved the archives of the Chechen Republic] Available at: <http://cenador.livejournal.com/186716.html> (Accessed 20 September 2015).

22. Ibragimova Z.H. (2011). *Chechenskaja vojna kak faktor unichtozhenija kul'turnogo nasledija — bibliotek, arhivov, muzeev* [The Chechen war as a factor in the destruction of the cultural heritage - libraries, archives, museums] Available at: http://zarema-ibrag-ru.1gb.ru/?STATMzl:Chechenskaya%0Avoina_kak_faktor_unichtozheniya... (Accessed 02 August 2015).

Стаття передує першій публікації особової справи студента Харківського ветеринарного інституту в 1912–1916 рр. **Олександра Єрошенка – старшого брата письменника-символіста Василя Єрошенка (1890–1952). Через втрату майже усіх особових документів цієї сім'ї XIX – першої половини XX ст., виявлений цілісний документальний корпус – унікальне джерело для наукової біографії письменника.** Нові дані, що вводяться вперше, вщент руйнують ряд стійких радянських міфів, таких як атеїзм і антиклерикалізм сім'ї Єрошенків, дозволяють розширити відомі дані про всіх рідних письменника у рік 125-річчя В.Я. Єрошенка.

Ключові слова: Єрошенко Василь, Єрошенко Олександр, письменник-символіст, літературознавство, наукова біографія, родинна історія, корпус документів, рідкісні джерела, Харківський ветеринарний інститут.

The article precedes the first publication of the personal file of Alexander Eroshenko – the student of the Kharkov Veterinary Institute in 1912–1916 and the elder brother of the symbolist writer Vasily Eroshenko (1890–1952). Because of loss of almost all personal documents of this family during 19th and the first half of 20th centuries, this revealing documentary holistic body becomes the unique source for scientific biography of the writer. These new data destroy strong Soviet-time myths about atheism and secularism in Eroshenko's families. They also extend our knowledge about all known relatives of the writer in the year of the 125th anniversary of V.Ya. Eroshenko.

Key words: Eroshenko Vasily, symbolist writer, Eroshenko Alexander, veterinarian, scientific biography, family history, body of documents, rare primary sources, Kharkov Veterinary Institute.

Одержано 9.10.2015.

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ЛІНГВІСТИКИ ТА ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЇ

УДК 81'271:001.8

К.І. МІЗІН,
*доктор філологічних наук, професор,
завідувач кафедри перекладу
Кременчуцького національного університету
імені Михайла Остроградського*

МЕТОДОЛОГІЧНА ВАЛІДНІСТЬ ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЇ VS ЗІСТАВНОЇ ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЇ: АРГУМЕНТИ ТА КОНТРАРГУМЕНТИ

У пропонуваній розвідці, метою якої стала аргументація методологічної валідності лінгвокультурології vs. зіставної лінгвокультурології на тлі деяких критичних думок науковців, які не сприймають ідей американського і європейського детермінізму, встановлено, що серйозних підстав для повного заперечення будь-якого розумного сенсу положень гіпотези Сепіра-Уорфа та постулатів неогумбольдтіанців не існує. Виявлено, що причина нехтування положеннями цієї гіпотези частиною дослідників лежить у площині її широких інтерпретаційних меж.

Ключові слова: лінгвокультурологія, методологія, гіпотеза Сепіра-Уорфа, неогумбольдтіанство, концепт.

У сучасному світі домінує тенденція до інтеграції знання, тенденція до спілкування через великі відстані, тенденція до глобалізації політики, економіки, людських стосунків. У цьому складному суспільно-історичному контексті особлива роль належить культурному знанню та культурним цінностям. Накопичує ж культурну інформацію, зберігає її та передає від покоління до покоління у тому чи іншому етносі передусім мова. Тому нинішній стан розвитку мовознавчої науки характеризується активізацією антропологічних студій, з чим безпосередньо пов'язане становлення лінгвокультурології, об'єктом вивчення якої є одиниці мови, які набувають символічного, еталонного, образно-метафоричного значення в культурі певного народу або всього людства. Ці мовні одиниці становлять особливий інтерес, адже в них узагальнюється, закріплюється та зберігається колективне знання, колективний досвід і мудрість. У такий спосіб лінгвокультурологія поєднує наші знання про мову з нашим знанням про людину як носія мови, з особливостями відображення в її свідомості культурно релевантних феноменів – фразеологізмів, паремій, обрядів, традицій, правил етикету, стереотипів тощо. Вихід антропологічних досліджень у міжкультурний простір сприяв виокремленню на початку ХХІ ст. нового напрямку мовознавчої науки – зіставної лінгвокультурології [див. про це: 1].

Той факт, що методологічним підґрунтям (зіставного) аналізу лінгвокультурологічного матеріалу є вчення В. фон Гумбольдта про мову як «дух народу» та теорія лінгвальної відносності Сепіра-Уорфа, а також те, що однією з основних одиниць зіставної лінгвокультурології вважається (лінгвокультурний) концепт [1, с. 3], дає підстави, часто поверхові, для критики лінгвокультурологічного напрямку в мовознавстві. Ця критика лунає не так з боку науковців, які нині працюють на теренах пострадянського простору (можливо, через те, що (зістав-

на) лінгвокультурологія сформувалася як наука саме на цих просторах), як з боку західноєвропейських лінгвістів або тих пострадянських, що працюють сьогодні в західноєвропейських університетах. Це й спонукало мене до дискусії з цієї проблеми, зокрема й на сторінках цього наукового збірника.

Найгостріша дискусія щодо досліджуваної в цій розвідці проблеми розгорнулася між «за-лінгвокультурологами» (Анна А. Залізник, О.Д. Шмельов та ін.) і «проти-лінгвокультурологами» (М.В. Безродний, А.В. Павлова, О.В. Прожилов, Б. Шульте та ін.) [див., напр.: 2–8]. Це моє позначення є умовним, оскільки перші не вважаються лінгвокультурологами у прямому сенсі слова. Утім у своїх працях вони відстоюють і навіть, на їхню думку, доводять положення гіпотези Сепіра-Уорфа, яка є однією з тих підвалин, на якій розбудовується лінгвофілософська методологія (зіставної) лінгвокультурології. Але прикро, що хронологічно первинні й методологічно важливіші ідеї В. фон Гумбольдта і неогумбольдтіанців, насамперед Л. Вайсгербера, залишаються при цьому майже в тіні, бо безперечним авторитетом як для Анни А. Залізник, так і для О.Д. Шмельова, є А. Вежбицька з її «universal human concepts in culture-specific configurations», «language-specific meanings» і «language-specific word-meanings» [9]. Хоча саме гумбольдтіанські ідеї відкрили шлях до принципової можливості розкрити «дух» того чи іншого народу через мовні знаки.

З огляду на зазначене вище метою статті є аргументація методологічної валідності лінгвокультурології vs. зіставної лінгвокультурології на тлі деяких (ураховуючи обмежені параметри розвідки) критичних думок найактивнішої серед «проти-лінгвокультурологів» – А.В. Павлової [3; 4].

Передусім зауважу, що коло питань для дискусії з мовознавцями, які в принципі (1) заперечують існування лінгвокультурології як науки, (2) виступають із критикою щодо положень гіпотези Сепіра-Уорфа, (3) вважають псевдонауковими поняття «мовна картина світу», «концепт», «етнічна ментальність / менталітет» тощо, особисто для мене є широким. Тут же хотілося б обмежитися тими моментами, які стосуються гіпотези Сепіра-Уорфа:

1) «упевненість, що мислення повністю детерміноване мовою, тобто дорівнює мові та мовою вичерпується, логічно тягне за собою висновок про принципову несхожість способів мислення і світобачення народів, які розмовляють різними мовами. При послідовному дотриманні цього принципу слід буде заперечувати існування таких явищ, як перекладність, білінгвізм і синонімія, оскільки якщо мовні одиниці є ідентичними розумовим, то кожний конкретний спосіб (форма) вираження є унікальним та несе в собі специфічну думку. Як наслідок, подібність між мисленнями різних народів є в принципі відсутньою, бо відсутньою є і здатність володіння двома та більше мовами одночасно: адже одну й ту ж думку не можна виразити двома різними мовами. Також нездійсненним є процес формулювання однієї думки різними способами за допомогою однієї мови» [4, с. 5];

2) «у мові [...] немає нічого випадкового або просто звичного (узусного): у ній є все значущим і все змістовним. Цей шлях роздумів приводить до нечуваного буквалізму та примітивізації семантичних тлумачень» [4, с. 6];

3) «неогумбольдтіанство не здатне пояснити навіть такі прості явища, як мовленнєві помилки: якщо людина мислить лише словами, то помилки у вживанні лексики є виключеними. Що вимовляється, те й мається на увазі. Люди недорікуваті думають, відповідно, не так, як люди красномовні» [4, с. 6].

Якщо порівняти наведені вище висловлювання А.В. Павлової в межах двох сторінок її статті (передмова до збірника), то стане очевидним змішування гіпотези Сепіра-Уорфа та ідей неогумбольдтіанців, а це, на мою думку, не зовсім коректно, оскільки кожен мовознавець, навіть початківець, знає, що американська культурологічна, або як визначають її самі американські дослідники – антропологічна, лінгвістика розвивалася самостійно, тобто не ґрунтуючись на ідеях В. фон Гумбольдта vs. неогумбольдтіанців. Учені не раз ставили питання, чи знали взагалі Е. Сепір або Б. Уорф, його учень, який розвинув ідеї вчителя, виклавши їх у найбільш дискусійному в ХХ ст. принципі «лінгвальної відносності», про наукову спадщину європейського зачинателя мовознавства. Утім, той факт, що два науковці, працюючи автономно, дійшли подібних висновків є, як відомо, непоодиноким у мовознавстві. Такі випадки лише підтверджують достовірність певних висновків / результатів досліджень. Власне, і не могло бути інакше при пошуку методології встановлення культуротран-

сляторної та культурокреативної ролі мови vs слова в розвитку як етносів (філогенез), так і їхніх окремих представників (онтогенез).

Ще одним типовим моментом наукових роздумів А.В. Павлової є певний радикалізм у сприйнятті протилежних до її лінгвофілософських і лінгвометодологічних переконань ідей vs. думок. Так, одне з положень гіпотези Сепіра-Уорфа – мислення детермінується мовою – радикалізується так, начебто мова йде про те, що мислення мовою і вичерпується. Такого розуміння кореляції «мова – мислення» не знаходимо ні в Е. Сепіра, ні у Б. Уорфа, ні в жодного, навіть у найпалкішого, їхнього адепта, ні у В. фон Гумбольдта та неогумбольдтіанців. Таке сприйняття ідей опонентів призводить до ще неймовірніших припущень, які робить А.В. Павлова. Мова, зокрема, йде про те, що коли послідовно дотримуватися положень гіпотези Сепіра-Уорфа, то слід визнати і нездійсненність процесу формулювання однієї думки різними способами за допомогою однієї мови.

Утім, щоб бути і мені послідовним у своїй аргументації, нагадаю основні положення вчення В. фон Гумбольдта про мову як «дух народу» та гіпотези Сепіра-Уорфа. Отже, головна теза гіпотези Сепіра-Уорфа полягає в словах американського антрополога Е. Сепіра, який писав: «Насправді **“реальний світ” значною мірою неусвідомлено будується на основі мовних норм певної групи [...]** Ми бачимо, чуємо, сприймаємо так чи інакше ті або інші явища головним чином завдяки тому, що мовні норми нашого суспільства передбачають цю форму вираження» [10, с. 261]. Такі твердження Е. Сепіра були занадто прогресивними й неприйнятними для панівних протягом ХХ ст. позитивістських настроїв структурно-семантичного мовознавства, тому воно піддавалося різкій критиці. Хоча «самі помилки Уорфа набагато цікавіші від заявлених банальностей» [11, с. 212]. Різка критика гіпотези Сепіра-Уорфа дещо припинилася наприкінці минулого століття внаслідок поширення постмодерністських ідей наукового еklektизму, а на початку ХХІ ст. здобула активну підтримку дослідників мови, насамперед лінгвокультурологів.

Згідно з концепцією «духу народу» В. фон Гумбольдта, мова є дзеркалом культури, історичною пам'яттю про соціально значущі події в людському житті, виразником і зберігачем несвідомого стихійного знання про світ, оскільки «вона бере активну участь у всіх найважливіших моментах культурної творчості – виробленні уявлень про світ, їх фіксуванні й подальшому осмисленні» [12, с. 30]. Проте мова тлумачиться В. фон Гумбольдтом не лише як «дух народу», але і його енергія, бо «мову слід розглядати не як мертвий продукт (Erzeugtes), а як продукт, що творить (stworює) (Erzeugung)» [13, с. 69]. Учення В. фон Гумбольдта, зазнавши різних трансформацій, залишається й сьогодні актуальним. В Україні ідеї цього лінгвофілософа значною мірою визначили науковий кругозір Н.В. Бардіної, Ф.С. Бацевича, І.О. Голубовської, В.М. Манакіна. Я також спираюся на гумбольдтівське розуміння мови як духовної реальності, живої діяльності людського духу, єдиної енергії народу [1]. При цьому під «духом народу» розумію креативну енергію цього народу, одним із основних джерел якої є мова (мовленнева діяльність). Наголосимо, що мова не тільки маніфестує «дух народу»: в мовних знаках цей «дух», зокрема культура, акумулюється і транслюється від покоління до покоління у тому чи іншому етносі. У самій же мові культурні смисли розподіляються нерівномірно, оскільки у знаках вторинної номінації міститься подвійна «доза» етнолінгвістичної та лінгвокультурологічної інформації.

Якщо узагальнити, то основними положеннями В. фон Гумбольдта про мову як «дух народу» та гіпотези лінгвальної відносності Сепіра-Уорфа є такі: 1) мова – це зовнішній вияв духу народу, бо мова народу є його дух, а дух народу є його мова; 2) пізнання світу залежить від мови, оскільки вона не безпосередньо відображає світ, а інтерпретує його; 3) у кожній мові закладено своє світобачення, і вона стає посередником між людиною та зовнішнім світом; 4) системи понять, що існують у свідомості людини, а відтак і існуючі особливості її мислення, визначаються тією конкретною мовою, носієм якої є ця людина.

При цьому зазначу, що я також не беззастережно приймаю всі положення про мову Е. Сепіра та Б. Уорфа, як, власне, і В. фон Гумбольдта та неогумбольдтіанців. На моє переконання, слова, як кванти енергії, пов'язують людину з навколишнім світом, залишаючи в кожному слові (антропосемантичну) частинку енергії як індивіда, так і етносу. В цьому сенсі мова є потужним джерелом когнітивної енергії людини, спрямованої на категоризацію і концептуалізацію останньою об'єктивного світу, але не єдиним. Є ще мислення. Мова фор-

мує лише мовну свідомість, а не свідомість у цілому. Потрібно при цьому врахувати також те, що деякі універсальні когнітивні стратегії, наприклад перцептивні, іманентно властиві людині від народження, від її природи. Тому часто людина може бачити більше, ніж це могла б дозволити їй її мова.

Згідно з поширеним тлумаченням гіпотези лінгвальної відносності, весь світ представник певної лінгвокультури членує такими категоріями, якими дозволяє йому це робити його мова, де не лише певною мірою нівелюється роль мислення при пізнанні людиною навколишнього світу, але й не визначено місце (етно)свідомості. Утім серйозних аргументів для повного заперечення будь-якого розумного сенсу гіпотези Сепіра-Уорфа не існує. Причина нехтування положеннями цієї гіпотези частиною дослідників лежить у площині її широких інтерпретаційних меж. Вагомим аргументом, що слугує не на користь гіпотези лінгвальної відносності, є універсальність когнітивних процесів людини, тому не можна без заперечень сприйняти крайній вияв інтерпретаційної межі згаданої гіпотези, згідно з яким різним мовам відповідають різні типи пізнавальних процесів. Хоча, власне, якщо відкинути інтерпретаційні варіанти й звернутися до першоджерел, то, наприклад, Л. Вайсгербер – найпалкіший і найпоследовніший учень В. фон Гумбольдта – писав так: «Wir fragten uns nach der Leistung einer Sprache für die Gemeinschaft, die sie trägt, und fanden das Wesentliche darin, dass sie entsprechend ihrer inneren Form allen ihren Trägern eine gemeinsame *Weltauffassung* (курсив мій. – К. М.) vermittelt, eine *Weltauffassung*, die sich in vielem von der anderer Sprachen unterscheidet» [14, с. 89]. – «Ми запитували себе про місце мови в креативному поступі суспільства, яке нею послуговується, і відшукали тут основне: мова передає всім носіям спільне *бачення світу* відповідно до своєї внутрішньої форми, *бачення світу*, котре багато в чому відрізняється від інших мов». Виділений нами іменник *Weltauffassung*, крім «бачення світу (світобачення)», може мати мінімум ще два варіанти перекладу українською мовою – «світосприйняття» та «світорозуміння». Отже, всі три терміни базуються на одному понятті – «пізнання», але Л. Вайсгербер говорить не про те, що різним мовам відповідають різні типи пізнавальних процесів, заперечуючи універсальність когнітивних механізмів людини, а про те, що інформація, яка надходить до представників різних лінгвокультур спільними каналами світосприйняття, опрацьовується в їхній свідомості, зазнаючи впливу внутрішньої форми мови, під якою Л. Вайсгербер розумів усю сукупність смислів мови, що акумульовані в поняттєвому каркасі її лексики та в синтаксичних формах. Це дозволяє сучасним лінгвофілософам стверджувати, що саме структура мови визначає межі національної картини світу [15, с. 24].

У зв'язку з цим як мінімум дивною є думка А.В. Павлової про те, що згідно з положеннями гіпотези Сепіра-Уорфа, як і неогумбольдтіанців, у мові не може бути нічого випадкового або просто звичного (узусного), бо в ній є все значущим і все змістовним. По-перше, не слід сплутувати «звичне» й «узусне», оскільки звичне може бути представлене і на рівні онтогенезу, а узус – це вже філогенез, тобто це і є той «дух народу», який скеровує у потрібне русло розвиток онтогенезу. Підкреслю – скеровує, а не повністю визначає; надає індивідуальній картині світу лінгвокультурної маркованості; закріплює за допомогою мови усталені асоціації у свідомості окремих індивідів, тобто слугує своєю «сіткою», яка «фільтрує» світосприйняття представників тієї чи іншої лінгвокультури. При цьому ніхто не заперечує розвиток «духу народу», тобто мови, разом з розвитком суспільства та розвитком самих індивідів. Відповідно, мова є відкритою й динамічною системою, яка постійно поповнюється за рахунок новотворів. У цьому, власне, і полягає її креативність, яка бере безпосередню участь в інтерпретації людиною навколишньої дійсності. По-друге, слід диференціювати автосемантику й синсемантику, оскільки передусім в автосемантиці все є значущим і змістовним. Кожне повнозначне слово – це крок у пізнанні навколишнього світу, «цеглинка» в когнітивній (концептній) картині світу. За допомогою цієї «цеглинка» об'єктивуються концепти, що входять до концептополів, концептосистем, концептосфер. Тому кожне самостійне слово містить когнітивну інформацію та, відповідно, є значущим для побудови картини світу тієї чи іншої мовної спільноти.

Не можу також погодитися з тезою А.В. Павлової про те, що коли людина думала б лише словами, то помилки у вживанні лексики були б виключеними (що вимовляється, те й мається на увазі). Це, знову ж таки, певною мірою примітивне сприйняття ідей як амери-

канського, так і європейського лінгвального детермінізму. А.В. Павлова чомусь знову забуває, що детерністи не заперечують індивідуального розвитку особистості. Отже, передмовленева готовність (формування пресупозиції, розгортання синтаксичної конструкції та наповнення її змістовими елементами – словами) має на тлі універсальних механізмів когніції і мовлення також індивідуальні риси – особливості артикуляційного апарату того чи іншого носія мови, різний розвиток ділянок кори головного мозку, що відповідають за мовлення, та різний рівень, урешті-решт, інтелекту. Індивідуальні характеристики всіх цих чинників і спричиняють, як правило, мовленнєві помилки. При вивченні ж іноземної мови мовленнєві помилки може провокувати сам «дух народу» – рідна мова, породжуючи таке явище, як інтерференція.

У пропонованій статті, метою якої стала аргументація методологічної валідності лінгвокультурології vs. зіставної лінгвокультурології на тлі деяких критичних думок науковців, які не сприймають ідей американського і європейського детермінізму, встановлено, що серйозних підстав для повного заперечення будь-якого розумного сенсу положень гіпотези Сепіра-Уорфа та постулатів неогумбольдтіанців не існує. Причина нехтування положеннями цієї гіпотези частиною дослідників лежить у площині її широких інтерпретаційних меж. Вагомим аргументом, що слугує не на користь гіпотези лінгвальної відносності, є універсальність когнітивних процесів людини, тому не можна без заперечень сприйняти крайній вияв інтерпретаційної межі згаданої гіпотези, згідно з яким різним мовам відповідають різні типи пізнавальних процесів. Таке тлумачення лінгвального детермінізму для теоретико-методологічного підґрунтя серйозних (зіставно-)лінгвокультурологічних студій є чужим, оскільки тут базовим методологічним принципом є виявлення лінгвоспецифічних елементів на тлі універсальних чинників (когніція, фізіологія людини, навколишнє середовище тощо).

Перспектива цієї статті вбачається в подальшій аргументації методологічної валідності лінгвокультурології vs. зіставної лінгвокультурології.

Список використаних джерел

1. Мізін К.І. Усталені порівняння англійської, німецької, української та російської мов в аспекті зіставної лінгвокультурології: автореф. дис. ... д-ра філол. наук: спец. 10.02.17 «Порівняльно-історичне і типологічне мовознавство» / К.І. Мізін. – К., 2012. – 32 с.
2. Зализняк А. *Русская семантика в типологической перспективе. К вопросу о термине «языковая картина мира»* / А. Зализняк // *Russian Linguistics*. – 2013. – Vol. 37, issue 1. – P. 5–20.
3. Павлова А. Можно ли судить о культуре народа по данным его языка? / А. Павлова // *Антропологический форум*. – 2012. – № 16. – С. 3–60.
4. Павлова А.В. Предисловие составителя / А.В. Павлова // *От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»*. – СПб.: Антология, 2013. – С. 5–24.
5. Павлова А.В. Хитрушки и единорог: из истории лингвонарциссизма / А.В. Павлова, М.В. Безродный // *От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»*. – СПб.: Антология, 2013. – С. 138–159.
6. Прожилов А.В. Лингвоконцептология, неогумбольдтианство и этностереотипы / А.В. Прожилов // *От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»*. – СПб.: Антология, 2013. – С. 263–277.
7. Шмелёв А.Д. Язык и культура: есть ли точки соприкосновения? / А.Д. Шмелёв // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Т. I*. – М.: Вест-Консалтинг, 2014. – С. 36–116.
8. Шульте Б. «Во имя прогресса человечества»: китайская лингвокультурология избрывает самое себя / Б. Шульте // *От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»*. – СПб.: Антология, 2013. – С. 338–349.
9. Wierzbicka A. *Semantics: Primes and Universals* / A. Wierzbicka. – Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1996. – Vol. XII. – 500 p.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; пер. с англ. Перцова Е.Н.; общ. ред. Е.А. Кибрик. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.

11. Блэк М. Лингвистическая относительность: Теоретические воззрения Бенджамена Л. Уорфа / М. Блэк // Новое в лингвистике; сост., ред. и вступ. ст. В.А. Звегинцева. – М.: Изд-во иностр. литер., 1960. – Вып. 1. – С. 199–212.

12. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) / В.И. Постовалова // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 25–33.

13. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт; пер. с нем.; общ. ред. Г.В. Рамишвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.

14. Weisgerber L. Muttersprache und Geistesbildung / L. Weisgerber. – Göttingen: Rubert & Co. G.m.b.H., 1929. – 170 s.

15. Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности / А.А. Мельникова. – СПб.: Речь, 2003. – 320 с.

References

1. Mizin, K.I. *Ustaleni porivnyannya anhliys'koyi, nimets'koyi, ukrayins'koyi ta rosiys'koyi mov v aspekti zistavnoyi linhvokul'turolohiyi* [English, German, Ukrainian and Russian set-similes in the aspect of contrastive linguoculturology]. Extended abstract of Doctor's thesis. Kyiv, KNLU, 2012, 32 p.

2. Zaliznyak, A. *Russkaya semantika v tipologicheskoy perspektive. K voprosu o termine "yazykovaya kartina mira"* [Russian semantics in typological perspective. To the issue of the term "language world picture"]. *Russian Linguistics*, 2013, vol. 37, issue 1, pp. 5-20.

3. Pavlova, A. *Mozhno li sudit' o kul'ture naroda po dannym ego yazyka?* [Is it possible to judge a nation by the data of its language?]. *Antropologicheskiiy forum* [Anthropological forum], no. 16, 2012, pp. 3-60.

4. Pavlova, A.V. *Predisloviye sostavitelya* [Foreword of the author]. *Ot lingvistiki k mifu: Lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh "etnicheskoy mental'nosti"* [From linguistics to myth: Linguistic culturology in search for "ethnic mentality"]. Sankt Peterburg, Antologiya, 2013, pp. 5-24.

5. Pavlova, A.V. & Bezrodnyy M.V. *Khitrushki i edinorog: iz istorii lingvonartsyssyzma* [Tricks and unicorn: from the history of linguonarcisism]. *Ot lingvistiki k mifu: Lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh "etnicheskoy mental'nosti"* [From linguistics to myth: Linguistic culturology in search for "ethnic mentality"]. Sankt Peterburg, Antologiya, 2013, pp. 138-159.

6. Prozhylov, A.V. *Lingvokontseptologiya, neohumbol'dtianstvo i etnostereotipy* [Linguoconceptology, neo-humboltianism and ethnostereotypes]. *Ot lingvistiki k mifu: Lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh "etnicheskoy mental'nosti"* [From linguistics to myth: Linguistic culturology in search for "ethnic mentality"]. Sankt Peterburg, Antologiya, 2013, pp. 263-277.

7. Shmelev, A.D. *Yazyk i kul'tura: est' li tochki soprikosnoveniya?* [Language and culture: is there a point of relation?]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Papers of V.V. Vinogradov Institute of Russian Language]. Moscow, Vest-Konsalting, vol. 1, 2014, pp. 36-116.

8. Shul'te, B. *"Vo imya progressa chelovechestva": kitayskaya lingvokul'turologiya izobretaet samoe sebya* ["In the name of the progress of mankind": Chinese linguoculturology develops itself]. *Ot lingvistiki k mifu: Lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh "etnicheskoy mental'nosti"* [From linguistics to myth: Linguistic culturology in search for "ethnic mentality"]. Sankt Peterburg, Antologiya, 2013, pp. 338-349.

9. Wierzbicka, A. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford; New York, Oxford University Press, 1996, 500 p.

10. Sepir, E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turolohi* [Selected papers in Linguistics and Linguoculturology]. Moscow, Prohress, 1993, 656 p.

11. Blek, M. *Lingvisticheskaya otnositel'nost': Teoreticheskiye vozzreniya Bendzhamena L. Uorfa* [Linguistic relativity: theoretical views of Benjamin L. Whorf]. *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1960, issue 1, pp. 199-212.

12. Postovalova, V.I. *Lingvokul'turologiya v svete antropologicheskoy paradigmy (k probleme osnovaniy i granits sovremennoy frazeologii)* [Linguoculturology in the light of anthropological

paradigm (to the issue of basis and rages of the modern phraseology)]. *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 1999, pp. 25-33.

13. Humbol'dt, V. fon. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected papers in Linguistics]. Moscow, Prohress, 2000, 400 p.

14. Weisgerber, L. *Muttersprache und Geistesbildung*. Göttingen, Rubert & Co. G.m.b.H., 1929, 170 p.

15. Mel'nikova, A.A. *Yazyk i natsional'nyy kharakter. Vzaimosvyaz' struktury yazyka i mental'nosti* [Language and national character. Interconnection of the language structure and mentality]. Sankt Peterburg, Rech, 2003, 320 p.

В предлагаемом исследовании, целью которого является аргументация методологической валидности лингвокультурологии vs. сопоставительной лингвокультурологии на фоне некоторых критических мнений ученых, которые не воспринимают идей американского и европейского детерминизма, установлено, что серьезных оснований для полного отрицания рационального смысла положений гипотезы Сепира-Уорфа и постулатов неогумбольдтианцев не существует. Выявлено, что причина пренебрежения положениями этой гипотезы некоторыми исследователями лежит в плоскости ее широких интерпретационных пределов.

Ключевые слова: лингвокультурология, методология, гипотеза Сепира-Уорфа, неогумбольдтианство, концепт.

The given research aimed at argumentation of the methodological validity of linguoculturology vs. contrastive linguoculturology on the background of some critical points of view of the scientists, who do not accept the ideas of American and European determinism, establishes that there are no serious bases for total denial of any reasonable sense of Sapir-Whorf hypothesis and postulates of neo-humboldtianists. It is defined that the reason of neglecting the theses of this hypothesis by some researchers lies in the area of its wide interpretation range.

Key-words: linguoculturology, methodology, Sapir-Whorf hypothesis, neo-humboldtianism, concept.

Одержано 21.10.2015.

УДК 811.161.373

В.В. ЗИРКА,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии и перевода
Днепропетровского университета имени Альфреда Нобеля*

ИЗУЧЕНИЕ ПРАВДОПОДОБНОГО ТЕКСТА В РЕКЛАМЕ СТУДЕНТАМИ-ФИЛОЛОГАМИ

В статье рассматриваются рекламные объявления правдоподобного характера. Отмечается, что слова в рекламе не всегда согласуются с соответствующими действиями. Лексика, сопровождаемая объявлениями, помогает убедить адресата в нужном для адресанта решении. Это – специфические слова, манипулирующие сознанием потребителя. Реклама рассматривается как референция, облаченная в эмоционально оценочные знаки.

Ключевые слова: рекламное обращение, манипуляция, правдоподобный, слово, убеждение, эмоциональный.

Русскоязычные рекламные тексты, функционирующие на территории всего постсоветского пространства последних лет стали настолько распространенными, изошренными, увещательными, назойливыми, навязчивыми, наглыми, креативными (в значении «творчески удачными») и неудачными, интеллектуальными, гуманными, добропорядочными и агрессивными, что поглотили все свободное окружающее пространство нашей жизни. Все это заставляет задуматься о могущественном влиянии рекламы на формирование языковой картины мира. Но что же иницируется СЛОВОМ в русскоязычных рекламных текстах? Как согласуется это СЛОВО на ДЕЛЕ?

Сегодня, к сожалению, не часто можно встретить остроумный рекламный текст, который «брал» бы своей многозначительностью или «милой» непосредственностью. Современные русскоязычные рекламные тексты прагматичны и «насквозь» манипулятивны. Приведем несколько отрывков из текстов уже известных фирм, чьи бренды на слуху, как, например, «*Перешагните через границы цвета! Выйдите из тени! Ведь Вы этого достойны*», – и рекламируется всего лишь краска для волос, действующая, как максимум, месяц; «*Помада Nuregfull мгновенно делает губы полнее. Помада содержит vitalN частицы, которые делают губы сочными и гладкими, создавая в и д и м ы й о б ъ е м*», – миф на час? Или, «*Изменим жизнь к лучшему*», «LG» (*Life's good – жизнь прекрасна*) – но речь идет только о повышении уровня бытового комфорта; «*Tefal, ты всегда думаешь о нас*», – а ведь всего лишь реклама, которая привлекает наше внимание и заставляет задуматься не более чем о технике и посуде «раскрученной» фирмы «Tefal».

Безусловно, рекламный текст не должен вызывать скуки, но и манипулирование должно быть уместным, тогда оно воспринимается как неизбежное и интерпретируется как эффективное и эффектное.

«Манипуляция» или «манипулирование» – относительно новое понятие в отечественной науке и довольно сложный процесс, не имеющий четкого методического инструментария, позволяющего его исследовать, и во многих научных публикациях, посвященных манипулированию, его определения не дается, или их несколько. По нашему мнению, ближе всех, раскрывающих свою суть именно в рекламе, понятие манипулирования определяет

ся как специфическая форма духовного воздействия, которое выражается в форме скрытого, анонимного господства, осуществляемого «ненасильственным» путем. Таким образом, подчеркивается важная и характерная черта манипулирования: скрытый, анонимный характер, воздействие исподволь, незаметно при полном отсутствии адресанта (автора рекламного текста), используя важнейшее из человеческих побуждений – стремление к обладанию, которое всегда сопровождается удовлетворением.

Остановимся на одном важном моменте, связанном с *языковым* манипулированием, а именно – на составляющих языкового манипулирования: манипулятивная игра и манипулятивный компонент. Манипулятивная игра в рамках нашего исследования очень тесно связана с понятием языковой игры, которое настолько часто стало использоваться в лингвистике, что этот термин можно отнести к модным словам. Заметим, что в современной лингвистической науке существуют разные понимания языковой игры, но мы выделяем два, ориентированных, по-нашему мнению, на специфику рекламных текстов. Наиболее широкая трактовка восходит к концепции Л. Витгенштейна, согласно которой языковыми играми в широком смысле считается соединение речи и действия; любое высказывание является осуществлением какого-либо действия, то есть *языковой игрой* [2]. Другое понимание этого явления находится отражение в работе Д.И. Руденко и В.В. Прокопенко: языковая игра – процесс создания с помощью языка новых, виртуальных, миров: говоря что-либо, человек создает особый мир, который в реальности не существует. Посредством комбинирования виртуальных миров создается гармония мира современной культуры [5, с. 141]. Вот такую гармонию мы и наблюдаем в рекламе, через нее мы как бы переносимся в другой мир, полный жизненных радостей: «вкусностей», необыкновенной красоты, молодости, энергии, комфорта, богатства; мы становимся свидетелями *«воплощения красоты, революционного алмазного укрепляющего средства, высокого интеллекта красоты, чудотворных духов, волшебной силы крема, конфет из высшего света, бриллиантового блеска губ, высокого искусства звука, – райского наслаждения»* и т. д. и т. п. Безусловное присутствие языковой игры становится в данном случае механизмом формирования манипулятивной игры, которая целенаправленна и рассчитана на определенный эффект у читателей, слушателей, зрителей, а главное – на результат, и которая вызывает интерес у потребителя благодаря неожиданным трактовкам значения слова, преобразованиям формы той или иной единицы, специфической сочетаемости единиц и т. п. Разумеется, это свойственно и языковой игре, но в языковой игре автор как бы присутствует, – тот, кто дорожит своим Я и хочет его утвердить эффектно, в манипулятивной же игре автор всегда неизвестен.

По нашим наблюдениям, игра слов – один из самых распространенных манипулятивных приемов при создании заголовков, слоганов и самих рекламных текстов. Как и все базовые художественные приемы, используемые в креативной рекламе, игра слов стоит на страже коммерческих интересов рекламодателя, поэтому, естественно, она включает в себя слово, обозначающее значимую рекламную единицу. Игра со значением представляет собой словесную шараду, разгадав которую, потребитель чувствует себя гордым за свой интеллектуальный уровень, позволивший ему разгадать эту загадку.

В качестве примера, подтверждающего сказанное, приведем рекламный текст, взятый из одного «глянцевого» журнала (ELLE ноябрь, 2012), которые изобилуют правдоподобными, мифологическими, сюрреалистическими рекламными текстами (по нашим данным – таковых 90% от общего количества всех функционирующих рекламных текстов) [4].

«Хит месяца. Что *надо купить* в ноябре

Туалетная вода Very Irresistible, 75 мл, 72 евро

ЗЕРКАЛО ДУШИ

Мир сияет новыми красками? На лицах всех окружающих улыбки? Ноябрьское солнце припекает, деревья вот-вот зацветут, а воздух пронизывают эротические разряды? Не удивляйтесь: просто вы находитесь под гипнотическим действием нового аромата Very Irresistible, Givenchy. Неожиданный, импульсивный и обезоруживающий, сотканный из нежных лепестков роз, оттененный необычным аккордом звездчатого аниса, он играет с реальностью, прокручивая ее, как киноленту, и переписывая жизненный сценарий. Вдыхайте глубже: в главной роли этого фильма вы – необузданная, непредска-

зуюмая, безумно сексуальна і раскрепощено женственная. Сияющая своей красотой в розовой дымке самого неотразимого из доселе созданных ароматов.

Как отмечал И.В. Гете, «для всего, за исключением человеческого тела, цвет значит едва ли не больше, чем форма; именно по цвету мы распознаем многие предметы, либо именно благодаря их цвету они нас привлекают. Одноцветный, бесцветный камень ничего не скажет. Дереву придает выразительность только разнообразия расцветки. Форму птицы укрывает оперение, в котором нас прельщает главным образом чередование различных цветов...» [3, с. 179]. Как известно, цвет важен не только в искусстве, но и в психологии, психотерапии – цветом можно лечить, успокаивать, влиять, манипулировать – и, разумеется, в рекламной деятельности – в рекламном послании, нацеленном на женщину, мужчину, любителей животных и т. д. Широкое применение цветообозначений в практической деятельности человека свидетельствуют о формировании особого пространства цветом в языковой картине мира. В рекламе цветовая номинация товара «стала своеобразной частью «упаковки» товара» [1, с. 27]. Появление слов нового типа в рекламе – так называемых новых «рекламных слов», основная функция которых – привлечение внимания к оттенку цвета, при этом не называя его – новый рычаг для копирайтеров, переводчиков для языкового манипулирования потребителем. Для рекламной номенклатуры цветообозначений проблема перевода названий цвета выступает в новом ракурсе – копирайтеры не утруждаются даже элементарным переводом иностранных слов. Русскоязычные названия цветообозначений не всегда могут создать привлекательный образ рекламируемого товара, поэтому «на помощь приходят» заимствованные лексические единицы указанного типа. Лыстивое обращение рекламодателя к женщине с упоминанием заманчивых цветообозначений – «в розовой дымке», «сотканный из нежных лепестков роз», «оттененный необычным аккордом звездчатого аниса», – привлекает ее внимание, и «в воздухе витает вопрос»: а вдруг и правда? И в этом – вся наша славянская «правда» – «авось», «а вдруг» и «я сам обманываться рад»!

В приведенном рекламном послании использован побудительный мотив, рассчитанный на предполагаемую адресантом реакцию потребителя (и это всегда скрытая мотивировка), – он содержится в заголовке рекламного текста. Не исключение – и данный заголовок: ЗЕРКАЛО ДУШИ. Перед нами заглавие-загадка, не банальное, не избитое, неординарное, не скучное и, самое важное для рекламного текста, идет к потребителю через сердце, а не через разум. Заголовок всегда призван привлечь внимание аудитории, в данном случае заголовок-загадка соотносится с рекламным объектом, в качестве которого выступает фирменное название (Very Irresistible), обеспечивающее адресата фоновой информацией (прецедентный феномен). Выступая как доминанта смысла всего текста, заголовок определяет структуру смысла всего текста, предвосхищая отбор и организацию языковых средств (в том числе и манипулятивных). Своим коннотативным значением заголовок направляет ожидания потребителя, настраивает его на определенное восприятие. Развертывание смысла заглавия заложено в первых фразах-вопросах *Мир сияет новыми красками? На лицах всех окружающих улыбки?* и в неожиданном для адресата ответе на эти вопросы: *«Не удивляйтесь: просто вы находитесь под гипнотическим действием нового аромата Very Irresistible, Givenchy».*

Нереальность сочетается с реальностью и выступает как средство выражения психологического начала. Слова приобретают магическое значение. «...деревья вот-вот зацветут, а воздух пронизывают эротические разряды... Неожиданный, импульсивный и обезоруживающий, сотканный из нежных лепестков роз, оттененный необычным аккордом звездчатого аниса, он играет с реальностью, прокручивая ее, как кинолентку, и переписывая жизненный сценарий». В нереальной картине определяется непредметное («зеркало души»), одушевляется неодушевленное («аромат играет с реальностью», «прокручивает реальность»), происходит выход за границы реальности («вдыхайте глубже: в главной роли этого фильма Вы»). Развертывание значения ключевого словосочетания «новый аромат» происходит путем конкретизации, выделения отдельных его составляющих. Основой создания образа, передающего «витающие в воздухе» ощущения разных модальностей и различной степени интенсивности, служит оценочная лексика (*неожиданный, импульсивный, обезоруживающий, нежные, необычные*) и экзотизм (*аккорд*

звездчатого аніса). Синестетическая метафора не расширяет, а сужает значение словосочетания *новый аромат*, конкретизируя семантику «неотразимый». Эту же функцию в тексте выполняют и другие эпитеты: *импульсивный, обезоруживающий, необычный (аккорд), нежные (лепестки роз)*.

Концовка – «В главной роли этого фильма вы – необузданная, непредсказуемая, безумно сексуальная и раскрепощенно женственная. Сияющая своей красотой в розовой дымке самого неотразимого из доселе созданных ароматов» – вместе с заголовком составляют композиционное кольцо, и соответствуют тезису о том, «что у реальности есть границы, а воображение – безгранично». Текст до конца остается загадкой. Разгадкой же является еще один текст, расположенный на этой странице: «Эта страница ароматизирована. Потрите страничку и ощутите аромат *Very Irresistible*». Этот текст оснащен новым технологическим приемом, который органически сочетается с предыдущим. Реклама (РТ) подобного типа воспринимается с интересом, она привлекает внимание аудитории как лингвистическими, так и экстралингвистическими средствами. Однако необычные сочетания слов (*воздух пронизывают эротические разряды; аромат, сотканный из лепестков роз; оттенен аккордом; аккордом звездчатого аніса*) не только «задерживают» дыхание у потребителя, но и вызывают улыбку. Манипулирование в данном случае женщиной происходит с помощью оценочной лексики, эпитетов, метафоры (*жизненный сценарий*), экзотизма, – что не мешает ей декодировать текст и выявлять его имплицитные смыслы, разгадывать настоящие намерения создателя этой рекламы.

Однако в большинстве рекламных текстов манипулирование потребителем происходит не всегда или оно ослабевает из-за перенасыщения манипулятивной лексикой и многократного ее повторения. Это подтвердили наши наблюдения над восприятием рекламных текстов подобного типа представителями различных групп социума. В 85 случаях опрошенные заявляли, что «чем более убеждающе и убедительней звучит рекламный текст, тем он менее правдоподобен».

Реклама все больше превращается в манипулятивную модель, соблюдая правдоподобный характер изложения. На (самом) деле посредством слова она апеллирует к теме постоянного обновления, к теме красоты, здоровья, семьи, жизни, детей, успеха (непреложных ценностей любого человека) и прозаической действительности, опираясь при этом на скрытый механизм императивного воздействия на потребителя. С позиции языкового манипулирования – реклама – это обращение к потребителю, «облаченное» в эмоционально-оценочные знаки – манипулятивные компоненты (оценочная лексика, иноязычные заимствования, прецедентные феномены и др.), призванные на основе возникающих ассоциаций, давать волю воображению, вызывать и навязывать необходимые образы и желания, в целом же привлекать внимание аудитории для того, чтобы раскрыть истинный смысл *реального* текста. В социальном пространстве рекламный текст является символическим знаком вещи/предмета/услуги, за которыми сама материальная вещь в процессе потребления полностью исчезает. Если рассматривать процесс потребления вещей широко, то в современном обществе он сводится к потреблению словесно очерченных вещей, реализующихся посредством рекламного текста, который сегодня создается на основе *свободы слова*.

Список использованных источников

1. Василевич А.П. Цвет и название цвета в русском языке / А.П. Василевич, С.Н. Кузнецова, С.С. Мищенко. – М.: URSS, 2005. – 289 с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Наука, 1985. – Вып. 16. – С. 79–128.
3. Гете И.В. Об искусстве / И.В. Гете; пер. с нем. Н.К. Санина. – М.: Искусство, 1975. – 623 с.
4. Зирка В.В. Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект. – Изд. 2-е, испр. / В.В. Зирка. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 260 с.
5. Руденко Д.И. Философия языка: Путь к новой эпистеме / Д.И. Руденко, В.В. Прокопенко // Язык и наука конца 20 века. – М.: Наука, 1995. – С.118–143.

References

1. Vasilevich, A.P., Kuznecova, S.N., Mishhenko, S.S. *Cvet i nazvanie cveta v russkom jazyke* [Color and the name of color in Russian]. Moscow, URSS, 2005, 289 p.
2. Vitgenshtejn, L. *Filosofskie issledovanija* [Philosophical researches]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Nauka, 1985, vol. 16, pp. 79-128.
3. Gete, I.V. *Ob iskusstve* [About Art]. Moscow, Iskusstvo, 1975, 623 p.
4. Zirka, V.V. *Manipuljativnye igry v reklame: lingvisticheskij aspekt* [Manipulative games in advertising: linguistic aspect], ed. 2-nd. Moscow, Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2014, 260 p.
5. Rudenko, D.I., Prokopenko, V.V. *Filosofija jazyka: Put` k novoj jepisteme* [Philosophy of language: the Way to new epistheme]. *Jazyk i nauka konca 20 veka* [Language and science of the end of 20 centuries]. Moscow, Nauka, 1995, pp. 118-143.

У статті розглядаються рекламні оголошення правдоподібного характеру. Зазначається, що слова в рекламі не завжди узгоджуються з відповідними діями. Лексика, яка супроводжує оголошення, допомагає переконати адресата в потрібному для адресанта рішенні. Це – специфічні слова, що маніпулюють свідомістю споживача. Реклама розглядається як референція, одягнена в емоційно-оцінні знаки.

Ключові слова: рекламне звернення, маніпулювання, правдоподібний, слово, переконання, емоційний.

The paper deals with the ads of plausible character. It is pointed out that as a matter of fact words in ads are inconsistent with the corresponding deeds. The lexis accompanied ads assist to persuade addressee in the right for the addresser decision. They are specific words manipulating the consumer. Advertisement is considered to be a reference «vested» with the emotional – evaluated signs.

Key words: ads, manipulation, plausible, word, persuade, emotional.

Одержано 9.10.2015.

ЛІТЕРАТУРНА ВІТАЛЬНЯ

УДК 82-94

Н.Р. МАЛИНОВСКАЯ,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории зарубежной литературы
филологического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация)*

ПАМЯТЬ-СНЕГ

И память-снег летит и пасть не может
Давид Самойлов

Никогда не знаешь, что запомнится даже из того дня, что, считается, врезано в память целиком. Помнишь другое – рядом, после. Пустой дом наутро после похорон, очки на краю стола. (Машинально: «Надо сдвинуть, разобьются. – Разобьются – и что? На что они теперь? – Нет, нельзя, чтоб разбились: папины!») И полдня ищешь футляр, цепляешься за очки, как за соломинку, протянутую из прошлого в жизнь, которой ты не хочешь знать, но которая началась – вчера. Первый ее день – похоронный – так и останется зиянием. Ни тогда, ни тридцать лет, ни сорок лет спустя не вспомнить ни лиц, ни слов – только тиски, сдавившие душу, холод и мелодию, столько раз слышанную прежде, но мимо сердца, а с тех пор уже навсегда слитую с мокрой метелью и осклизлым льдом брусчатки на Красной площади. 3 апреля 1967 года в Москве шел снег, последний в ту долгую зиму.

А за полгода до того, 7 ноября, был мой двадцатый день рождения. Папа уже болел, но ни мы с мамой, ни врачи и не подозревали о диагнозе. Сильно болела спина на месте старого ранения, полученного еще в Первую мировую, (а если папа говорит «сильно», значит – «непереносимо»). После бездумно прописанного грязевого лечения в Цхалтубо стало только хуже, но папа работал и седьмого пошел принимать парад. Только мы с мамой знали, чего ему стоит каждая ступенька на Мавзолей, каждое слово речи. Вернувшись, он лег и больше уже не вставал (а жить ему оставалось полгода). Через неделю его увезли в госпиталь – в пятницу, и это пренебрежение суеверием испугало.

Еще в Первую мировую, в Польше, гадалка, предсказывая папе головокружительную судьбу, маршалский жезл и высший военный пост, предупредила: «Не начинай нового дела, не отправляйся в путь в пятницу! Дурной для тебя день». Поначалу он не обратил внимания на предостережение и не принял всерьез пророчеств, но после второго ранения (оба – в пятницу, как и третье, тридцать лет спустя) взял за правило смотреть в календарь, назначая начало операций или планируя командировки. Но пятницы из недели не выкинешь – все худшее в нашей семье неизбежно случалось в пятницу. Пятницей был и последний день папиной жизни – 31 марта 1967 года. (И это не последняя черная пятница моей жизни – оказывается, пятница наследуется. Спустя тридцать лет в пятницу умерла мама, еще через пятнадцать лет – мой муж).

Я в мелких подробностях помню те последние полгода и теперь понимаю, что папа был фаталистом и стоиком. Врачи и сестры так и не услышали от него ни стоны, ни жало-

бы и говорили потом, что у него *патологическое терпение*. Ни одного вопроса о диагнозе, никаких распоряжений маме «на потом». Он терпел боль, выносил болезнь молча, мужественно и достойно. Вечером 30 марта, когда я уходила из больницы, вместо обычного «до свиданья», папа едва слышно сказал: «Будь счастлива!». И я не поняла, что он со мной прощается... (А накануне он сказал маме: «Береги Наташу. И не мешай ей». Она берегла и не мешала, а это гораздо труднее, чем беречь.)

Хорошо помню мамин рассказ о параде Победы в 45-ом. Разгрузились эшелоны, Военный совет фронта и сотрудников секретариата разместили в гостинице «Москва». Полным ходом шла подготовка к параду, но – по всему чувствовалось – и к чему-то еще. Слишком озабочен был папа, слишком поздно возвращался и не с репетиций парада, а из Генштаба, слишком уж был молчалив и погружен во что-то свое. Но вот прошел парад, все вымокли до нитки под проливным дождем, который не омрачил торжества, – то был плач по всем убиенным, замученным, пропавшим без вести...

После парада – прием в Кремле, вечером – салют, а после, уже в номере гостиницы «Москва», была сделана фотография, которая сейчас висит у меня на стене, рядом с той, что снята 9 мая в 45-ом году в Вене. Когда знаменитый фотограф тех лет Вайль¹ сложил аппараты и ушел, еще долго сидели все вместе – папа, его офицеры для особых поручений, мама – вспоминали, шутили, молчали. И вдруг мама услышала, как Тевченков² мурлыкает себе под нос:

Вейся, вейся чубчик кучерявый!
Развевайся, чубчик, на ветру!

А заметив, что она прислушивается, подмигнул и запел громче:

Мама, я Сибири не страшуся,
Сибирь ведь тоже русская земля!

И мама поняла, что война для них не кончилась, что им снова ехать на фронт, который вскоре получил название – Забайкальский.

Я родилась далеко от Москвы – в Хабаровске, 7 ноября 1946 года спустя час после первого папиного парада. Всего их было у него тридцать восемь, по два в год, и еще один – до меня – парад Победы. Это если не считать самого первого – парада в честь конца Великой войны, Первой мировой. Кстати, именно от папы я услышала ныне возрожденное ее именование – Великая война, как и фразу, которая уже давно воспринимается как название романа: «На западном фронте без перемен», а ведь это эквивалент еще многим памятной фразе из сводок Информбюро: «На остальных участках фронта ничего существенного не произошло».

Но продолжу историю своего появления на свет.

¹ Григорий Михайлович Вайль (1905 ? – после 1981 ?) – фотохудожник; с 1934 г. работал в издательстве «Фотохудожник», затем в издательстве «Искусство» и сотрудничал с газетой «Красная Звезда». Вскоре его портреты маршалов Советского Союза, академиков и иных выдающихся современников получили широкую известность, и Вайль стал одним из правительственных фотопортретистов. В январе 1953 г. Вайль был арестован и осужден по статье 58–10. В апреле 1955 г. после пересмотра дела его освободили «за отсутствием состава преступления». Вайль продолжил работу и участие в фотовыставках и занялся организацией журнала «Советское фото». Последние его фотоработы датированы 1981 годом.

В моем архиве есть несколько Вайлевских портретов отца, а также мамин портрет – Вайль сам предложил маме сняться, сказав: «У вас хорошее, выразительное лицо: виден и характер, и биография».

² Александр Николаевич Тевченков (1902–1975) – генерал-лейтенант. Был членом Военного совета 2-го Украинского и Забайкальского фронтов.

На мое рождение он подарил родителям роскошный альбом для фотографий с золотым тиснением по кожаной обложке «Наташин альбом», внутрь которого была вложена его парадная фотография с надписью «От дяди Саши». Так он и остался для меня первым из «тех, кто качал мою колыбель», хотя, честно говоря, дядю Сашу я совсем не помню.

Вернувшись домой, папа не обнаружил мамы, спросил, куда она подевалась, и поехал в госпиталь, оставив Алексея Ивановича Леонова³, фронтового друга, встречать гостей. В госпитале состоялся диалог, потом тысячу раз пересказанный мне самыми разными людьми:

– Как мне пройти к жене?

– Пройти к ней никак невозможно, товарищ маршал! Она на столе!

– У вас что, кроватей нет?

Уяснив, что рожают не на кроватях, папа, раз уж собрался ждать, отправился инспектировать госпиталь и наткнулся на безобразие: санитарки чистили картошку над ванной – по неведомой причине она служила помойкой. Но негодующая речь не успела прозвучать:

– Товарищ маршал! Поздравляю вас с дочкой!

Родившись девочкой, я не обманула родительских ожиданий и подтвердила давнее цыганкино предсказание, в котором и не сомневались: «В конце концов у тебя дочка родится!» Уже была голубая *Наташина комната* (заметьте – не розовая!) с оттиснутой малярным трафаретом по верхнему краю стены вереницей белых зайцев – у каждого в лапе глянцевая оранжевая морковка размером с заячье ухо. Была *Наташина коляска* – самодельное сооружение, сконструированное из деталей списанной самоходки (если судить по фотографии, открывающей альбом моих детских обликоты). Были Наташины пеленки, распашонки, платья, собственноручно сшитые мамой из парашютного шелка (подарок семьи Красовских⁴). Даже Наташина кукла с харбинского рынка – в локонах, кружевах и оборках.

3 *Алексей Иванович Леонов* (1902–1972) – маршал войск связи (1961). Начальник управления связи Юго-Западного, 3-го Украинского, 2-го Украинского фронтов, в 1945 г. начальник управления связи Забайкальского фронта; с 1946 г. начальник войск связи Забайкальско-Амурского военного округа, с 1947 г. начальник управления связи Главнокомандующего войсками Дальнего Востока.

В отличие от дяди Саши Алексея Ивановича Леонова, всегда бодрого и веселого человека, я хорошо помню и знаю: он всегда был рядом с родителями и после папиной смерти никогда не забыл позвонить маме, спросить, не надо ли помочь (а это не частое обыкновение). Его, и правда, если надо, было легко попросить – редкое свойство. А еще Алексей Иванович был тамадой на всех наших домашних застольях, и его призыв «Просьба налить!», всякий раз иначе интонированный, свидетельствовал о неостребованных актерских способностях.

4 *Красовский Степан Акимович* (1897–1983) – маршал авиации, Герой Советского Союза (1945). С 1947 г. командующий ВВС Дальнего Востока. С сентября 1951 года по август 1952 г. главный военный советник в ВВС Китайской Народной Республики.

Он и его жена *Сельма Рудольфовна*, в свое время воспитанница Рижского института благородных девиц, – ближайшие друзья моих родителей. У Красовских не было своих детей, и Сельма Рудольфовна с удовольствием участвовала в моем воспитании, прежде всего по части манер, за что я ей и по сей день благодарна.

Красовские были удивительной парой – они прожили вместе очень долго, много больше полувека, и умерли с разницей в один день, сохранив юношескую нежность друг к другу и обращение «лац» (*lācēns* по латышски), что значит «медвежонок». Не знаю, как уж так случилось, что невероятная красавица в стилистике немного кино (следы той красоты были очевидны и за девянность) с балетной фигурой и грацией, тоже редкостно сохранной, вышла замуж за красного командира и безропотно приняла все тяготы, сопряженные с этим выбором, – в том числе жизнь на чемоданах с вечными переездами из глуши в глушь, но знаю, что никогда она не усомнилась в непреложности своего выбора. Когда я росла, у Степана Акимовича уже были большие звезды на погонах и жили мы в Хабаровске – кто спорит, далеко от Москвы, но ни родителям, ни Красовским Дальний Восток не казался глушью, а вопроса «не поселиться ли тем временем жене в Москве, где театры, музеи, консерватория и прочие интеллектуальные радости» не возникало. Хотя во многих семьях этот вопрос стоял и разрешался в пользу столицы. Дом Красовских, где бы они ни обретались (последние десятилетия в Мононо, где Степан Акимович руководил академией), поражал не только душевной атмосферой, но и сдержанной красотой интерьера: три небольшие комнаты, ни тени роскоши, только нужные и удобные вещи, но стилистически безукоризненные, напоминающие о долгой жизни на Востоке. По-японски легкий, невесомый дом, окруженный садом. Небольшим – те самые б соток. В саду только цветы – ухоженные и рассаженные по всем правилам агротехники и садового дизайнера, о котором в ту пору и помину не было. На день рождения Сельмы Рудольфовны всегда мне что-нибудь рисовала – пейзаж или портрет немислимой красавицы в локонах и жемчугах (несомненно, автопортрет-воспоминание). Почти ежегодно мы с родителями и Красовские ездили отдыхать в Карловы Вары или на Рижское взморье – вот где стройный силуэт Сельмы Рудольфовны смотрелся особенно органично. Она любила и умела носить брюки, в ту пору не самый привычный женский наряд.

Степан Акимович и Сельма Рудольфовна, неизменно вместе, для меня неразрывными с детскими годами и всей мифологией детства. И потому я позволила себе хоть что-нибудь рассказать о них, нарушая канон сноски.

Но, главное, у меня было имя. Папа назвал меня в честь своей тети – Натальи Николаевны Малиновской, которая приютила его, когда он совсем мальчишкой ушел из дому. Тетя Наташа погибла вместе с сыном Женей⁵ в оккупированном Киеве – об этом папа узнал на второй день после освобождения города, когда летал туда, чтоб ее отыскать.

Знаю, что бабушка, папина мама – Варвара Николаевна – огорчилась, узнав, что меня назвали не ее именем, но я себя с другим именем не представляю. И очень мне нравится фраза Давида Самойлова⁶ при нашем знакомстве. Вспомнив, что я – Родионовна, он отметил: «Гибрид Натальи Николаевны и Арины Родионовны – большая редкость!». «Может, оно и к лучшему, – подумала я тогда, – если красота наследуется от Арины Родионовны». Но вставить слово не осмелилась.

Однажды Лидия Либединская⁷ в гостях у Давида Самойлова, где были и мы с мужем, сказала, что детям в семье нужнее всего любовь между родителями – «это главный компонент воспитания». Плохо, когда главенствует любовь к детям (так ребенка легко испортить), любовь к детям должна быть следствием той, другой любви. И если рассуждения Либединской верны, а на то похоже, значит, меня замечательно воспитывали.

Никогда за все двадцать лет, прожитых рядом с папой (а есть ведь счастливые люди, которые прожили сорок лет и больше!), я не видела семейных ссор или сцен, не слышала даже, чтобы кто-нибудь из родителей повысил голос на другого. По сдержанности папиного характера? Отчасти. По кротости маминого? Да несколько – она человек взрывчатый, но с кем угодно, только не с папой. И тоже не потому, что сдерживалась, – просто друг в друге их ничто не раздражало.

К примеру: зима, на даче, день восхитительный, маме хочется пойти к Сетуни, где сегодня особенно красиво (мы часто ходили к Сетуни, где «сквозной, трепещущий ольшаник», только с другой стороны, не от Переделкино). Папа тем временем уже раскрыл тетрадку, расстелил карту, собрался писать – и никаких надежд на прогулку. «Ну вот – не хочет!» – резюмирует мама и – улыбается. (Попробуй я не захоти – «нечего капризничать!»)

С тех пор, как в 1956 году папу перевели в Москву, я ни разу не была в Хабаровске, но знаю, что от мира моего детства не осталось и следа. Наверно, никто уже не помнит заросший сад с беседкой, увитой диким виноградом (это на даче), и белые сирени у лестницы на веранду и клеверную лужайку, где играли сеттер с медвежонком (это в Хабаровске).

Улица Истомина, дом, в котором по традиции всегда жил командующий округом. А если точнее, то довольно долго – с 1945 года по 1953-й – под этим именованием подразумевался еще более громкий титул Главнокомандующего войсками Дальнего Востока. Это формирование объединяло, кажется, три округа: Дальневосточный, Приморский и Забайкальский. То есть: это Бурят-Монголия, Якутия, Читинская и Иркутская области, Хабаровский край, Камчатка, Сахалин, Курилы и вся территория от границы и до океана вниз от Хабаровска до самого Владивостока. Не берусь сосчитать, сколько европейских стран, и не самых маленьких, уместятся на этом пространстве, напомним только, что это больше трети пространства Советского Союза – той страны, которой давно уже нет. А если вспомнить, что всю войну эти края на износ работали для фронта и сами нищали и истощались, то можно себе представить, какая ноша и какая ответственность досталась в те годы отцу. Немногим легче той, что была в войну. Если легче.

Довольно долго я пребывала в уверенности, что дом, в котором мы живем, – губернаторский. Может, потому что дом, а не квартира? Или потому что при доме сад и двор? Или на эти мысли навел белый рояль в гостиной и зеркало от пола до потолка в белой фигурной раме? (То и другое – казенный инвентарь.) Но, как недавно выяснилось, губернатор (разумеется, дореволюционный) обитал не там, а в большом здании, где потом расположился Дом офицеров, сад же, окружавший губернаторскую резиденцию, стал городским парком.

⁵ Евгений Георгиевич Малиновский (?–1942?) – двоюродный брат отца, незаконнорожденный сын Н.Н. Малиновской, инвалид после травмы, полученной в детстве; работал слесарем на заводе; погиб, предположительно, в Бабьем Яру вместе с матерью и семьей евреев, которую они приютили.

⁶ Давид Самойлов (авторский псевдоним, наст. имя Давид Самуилович Кауфман; 1920–1990) – русский поэт, переводчик.

⁷ Лидия Борисовна Либединская, урожденная Толстая (1921–2006) – русская писательница.

Любопытно, кто все-таки построил наш дом и удовольствовался садом, соизмеримым с пространством обычных дачных участков? Не знаю, что там располагалось в годы войны, а прежде жил Блюхер⁸, про которого в ту пору я знала одно: это легендарный и трагический герой.

Построен был дом в своеобразной и редкой хабаровской манере сочетания красного и черного кирпича; ограда кованная, стиля модерн. По всему второму этажу большие французские окна.

Улица Истомина в моем представлении была короткой: от Главной улицы города (не помню, как она называлась, может быть, Серышева) она спускалась вниз к ручейку – речке по имени Чердымовка, за которой город кончался. Если же идти от нашего дома вверх по Истомина, свернуть на Главную улицу (Карла Маркса или все-таки Серышева?) а потом перейти ее и спуститься к Амуру, можно дойти до школы, где я проучилась со второго по третью четверть четвертого класса. А еще по Главной улице, можно дойти до Штаба, где работал папа, – темно-красного кирпичного здания той же стилистики с мемориальной доской Сергеем Лазо⁹. Страшную историю его гибели в паровозной топке я услышала в раннем детстве, и это стало одним из самых ранних и сильных потрясений.

Если по Главной улице идти в другую сторону очень долго, будет сначала кинотеатр «Совкино» (что значит «Советское кино»), а потом площадь, где папа дважды в год, на 7 ноября и на 1 мая, принимал парад.

Этим исчерпывались мои знания городской, топографии. Детские воспоминания легко смешиваются с фантазиями, а сегодняшняя карта города не проясняет сомнений – слишком все изменилось. Да простят мне эту удаленную от реальности картину хабаровские краеведы (и буду благодарна, если поправят). Кстати, именно почтение к трудам краеведов побудило меня описать наши жилища, давно уже перестроенные волей последующих командующих и, судя по недавним фотографиям, укрытые могучим железным забором и недоступные глазу горожан.

На Истомина мы жили на втором этаже, а на первом была гостиница, где размещались приезжие гости городских властей. Там же, внизу, бильярдная и кинозал. В бильярд родители умели и любили играть, но спускались туда, только если в гостинице никто не жил. Изредка показывали кино; смотреть фильм приходило человек двадцать, больше зал не вмещал. В том домашнем кинотеатре я увидела «Золушку», «Тарзана», «Большой вальс», «Учителя танцев», «Сельскую учительницу» и «Два бойца». Вот и весь кинематограф первых десяти лет моей жизни.

У второго этажа был свой выход – из гостиной в сад вела лестница, по обе стороны от которой росли изумительные деревья – белые сирени. Именно деревья, а не кусты, они доставали до окон второго этажа, и по весне, раскрыв окна, можно было руку протянуть за цветущей веткой. Запах сирени после дождя – из лучших воспоминаний детства.

Сад невелик – прямоугольником шла обрамляющая аллея и внутри еще две поперечных, фонтан, беседка, клумбы и в самом углу погреб-ледник. От улицы сад отделяла красивая кованая ограда в причудливых завитках, ее рисунок повторялся в обрамлении парадной лестницы.

Всего лестниц в доме было три. Парадной не пользовались, к нам входили со двора через сад, а во двор – через калитку рядом с воротами. Третья лестница с пестрыми каменными ступенями – бывший черный ход, вела из двора вниз, на первый этаж – в кинозал и в бильярдную, и на второй – к нам. Дом стоял на склоне, и первый этаж оказался мно-

⁸ *Васілій Константинович Блюхер* (1890–1938) – маршал Советского Союза (1935). В 1938 г. арестован как японский шпион, умер от тромбоза во время следствия. В марте 1956 г. реабилитирован.

⁹ *Сергей Георгиевич Лазо* (1894–1920) – русский дворянин, боевой офицер царской армии, затем активный участник установления советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке, с весны 1918 г. – большевик.

Один из организаторов свержения в январе 1920 г. во Владивостоке колчаковского наместника, Лазо создал Временное правительство Дальнего Востока, подконтрольное большевикам. В апреле 1920 г. был схвачен японцами и вскоре передан казакам-белогвардейцам. После пыток Сергея Лазо сожгли в паровозной топке живьем.

го ниже сада, но выше двора. Что там, в нижнем полуэтаже, было (если что-то было), мне неизвестно.

На парадную лестницу вела дверь между папиным кабинетом и родительской спальней, завешенная шторой и почти всегда закрытая на ключ. Как же я бывала счастлива, если она оказывалась открытой: ту лестницу населяли такие замечательные и загадочные вещи, а мраморный рисунок ступенек можно было разглядывать часами. Свет из французского окна золотил почти плоский медный таз с огромной ручкой – глядеться в него куда интереснее, чем в зеркало. Плетеное кресло-качалка с дырявой спинкой покачивалось при каждом шорохе, рядом стояли рама без картины и высокий, свернутый в трубочку холст, два стула с выцветшей и кое-где продранной обивкой, чемодан с лоскутами, из которых бабушка шила восхитительные одеяльца для кукол (одно у меня сохранилось) и, в довершение чуда, там обретался футляр, обитый изнутри шелком, на котором в предусмотренных и укрепленных картонкой выемках покоился громадный расписной лук такой красоты, что сомнений в его принадлежности к парадному облачению Главного Самурая, не оставалось. И рядом – три стрелы в мой тогдашний рост с самими натуральными разноцветными перышками.

Во дворе того якобы губернаторского дома стоял еще один – прежде там размещались службы, а в первые послевоенные годы, о которых рассказываю, – казарма. Там жили солдаты, рота (?) охраны Штаба округа и иных помещений города, которые полагалось охранять. Это с ними мы смотрели кино. С утра, построившись во дворе, часовые отправлялись куда-то в город, спустя несколько часов уходила смена, а отстоявшие свое время на посту возвращались, и у них начиналось свободное время.

Многие проводили его за книжкой в саду, рискуя повстречаться со мной и услышать: «Дяденька, почитай!». Согласно семейным преданиям, я мучила всех встречных этим предложением, пока сама, без посторонней помощи, не научилась читать. Мама, которой я гордо предложила: «Давай почитаю!», заподозрив, что жульничаю – декламирую стихи наизусть, – принесла другую книжку. Убедившись, что дитя действительно читает – в три, не то в четыре года – успокоилась: отныне ребенку будет, чем заняться, вот пускай и занимается.

Глядя на те года из дней сегодняшних, не могу не удивиться и не порадоваться нашему домашнему укладу. Представьте теперешнее малолетнее дитя командующего округом, которое вместе с солдатиком, свободным от службы, играет в саду с котенком. А тогда, в нашем, по крайней мере, доме, это было естественно. Может, потому что все обитатели дома недавно воевали? Все – папа, мама и эти солдатик. Или потому что папа не хотел жить иначе? Не знаю, я только свидетельствую и специально для тех, кто не поверит, прилагаю фото: вот котенок, вот я, вот солдатик. Хотелось бы мне знать, что случилось с ним, тоже любителем кошек и явно добрым человеком...

Один из тех, кто жил тогда в казарме, позвонил мне несколько лет назад на 9 мая с Камчатки: «Вы тогда были совсем маленькая, всегда с книжкой или с кошкой... Знали бы вы, как долго я искал ваш телефон, чтобы сказать: «Пойдете на могилу к маршалу, отнесите от меня цветы, поклонитесь от меня»... Всё исполнила.

И еще одна картинка из хабаровской жизни – мамин рассказ. Обнаружив отсутствие ребенка, она направилась в сад и еще издали услышала... монолог Чацкого:

С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! Все клянут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простаков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором, –
Безумным вы меня прославили всем хором...

На садовом столе, закинув на плечо плащ-палатку, стоял солдатик и, отчаянно и вдохновенно размахивая руками, декламировал перед единственным зрителем – пятилетней девочкой, внимавшей ему, затаив дыхание. Мама не вторглась в представление и прослушала, укрывшись за беседкой, монолог Чацкого, а также следующий номер программы:

Быть или не быть?

Вот в чем вопрос!

С этого представления в саду, наверно, началось мое знакомство с театральной классикой.

Во дворе было еще одно строение – нечто вроде сарая, разделенного надвое. В одной половине – стояло папиного парадного коня Орлика. Он такой красивый: гнедой, звезда во лбу, белые носочки, огромный карий глаз! Орлик очень приветливый и добрый.

Помню, лет двенадцати, услышав в папином разговоре с кем-то фразу: «К кавалерии у меня никогда не было склонности», – я удивилась и вклинилась в беседу. «Как же так – а лошадки?». Папа ответил: «Кавалерия – это не лошадки. Это шашка». Тогда я не поняла, но запомнила.

В другой половине сарая жил Мишка – самый настоящий медвежонок, которого нам привезли (не знаю, кто), найдя его, маленького, в тайге без матери. Он прожил у нас все свое детство, подружился с дратхааром Милордом, а когда подрос, родители подарили его в цирк дрессировщику Рубану¹⁰ – на 1 мая в Хабаровск всегда приезжал цирк, иногда даже московский.

Так, первого мая, с цирка и неизменно распускавшихся к этому дню листочков смородины, стремительно начиналось лето. Кажется, еще неделю назад в саду лежал снег – и вот уже листики разворачиваются, и меня уже не заматывают в платок, а надевают выходной синий капор с белой каемкой: праздник, Первое мая, утром папа принимает парад, а потом придут гости и заведут радиолу. И по субботам все лето мы будем ездить на дачу вместе с собаками и котами. Они сами запрыгивают в машину и занимают свои места (коты – у окна позади сиденья, за нашими головами, сеттер рядом, а малявка неизвестной породы на руках).

Сколько себя помню, у нас всегда жили домашние звери, причем, в изрядном количестве. Когда я родилась, в доме было полно младенцев: шестеро котят и пятеро щенят. А еще две большие собаки, кот и кошка. И это еще не полный список нашего зверья. В разное время у нас жили: дрофа с перебитым крылом, хроменькая дикая козочка, медвежонок, оставшийся без матери, ручная белка. Не боясь ни собак, ни кошек, она скакала по шкафам и занавескам и только спать забиралась в клетку. Всегда свой кот был у папы (с законным местом на письменном столе), свой – у мамы, а потом и у меня. О папином коте еще будет отдельная история. Собаки считались общими, но за хозяина признавали папу. Одна обязательно охотничья, длинноухая, другая обычно прилудная, неведомой породы. Когда папы не стало, все они – обе собаки и два кота – не вынесли тоски, поселившейся в доме. Лишившись хозяина, все они умерли к сороковинам, выпавшим на девятое мая...

В пятидесятилетие Победы я спросила маму: «А что было тогда 9 мая – в сорок пятом?» И услышала: «Праздник. Мы с папой поехали в Вену, гуляли в венском лесу, в зоопарке. Там всех зверей сохранили». Так я узнала, что любимая моя родительская фотография – та, где они, кажется, безоглядно счастливы, снята в венском зоопарке. А в прошлом году, разбирая архив, я нашла листок из блокнота с папиной статьей для фронтовой газеты. Он писал о том, как мучительно отступать, как стыдно, уходя, глядеть в глаза людям, которые остаются, – и не только людям: «Как-то особенно больно было оставлять Асканию Нову, чудный южный заповедник. Нестерпимо горько оттого, что война пришла и сюда. Животные смотрели на нас с той же укоризной, что и люди. Хотелось опустить глаза».

Папа не охотился. Мы и близкие его друзья знали, почему. Не боясь показаться сентиментальным, он сказал как-то, что, убив на первой охоте лань (или козочку? Что там водится в монгольских степях?) подошел и увидел ее глаза. Больше никогда не стрелял.

В его романе о юности описан похожий случай, с той только разницей, что то была не охота, а нужда: на польском фронте в полу-окружении солдаты голодали и потому застрелили теленка. Это произвело на отца, тогда мальчишку, мучительное впечатление, хотя, ка-

¹⁰ Иван Федотович Рубан (1913–2004) – народный артист РСФСР (1969), выдающийся дрессировщик и укротитель, работал с крупными хищниками (львы, белые и бурые медведи, тигры, пантеры, леопарды, снежный барс).

залось, он уже многое повидал на войне, и раны видел, и смерть. Но убийство беззащитного доверчивого существа не оправдывала даже насущная необходимость.

На охоту папа тем не менее ездил, уважая право собаки на любимую работу. Первому на моей памяти дратхаару Милорду не было равных в охотничьем деле. Всякую утку он приносил папе, выслушивал одобрение: «Молодец, Милорд!» и повеление: «А теперь отнеси тому, кто убил». Пес нехотя, но безошибочно относил.

Этот замечательный пес появился у родителей уже взрослым, в Венгрии. Тамшний весьма пожилой профессор в 1944 году, оказавшись, видимо, в стесненных обстоятельствах и не надеясь на свои силы, в преддверии туманного будущего решил расстаться с любимой собакой ради ее благополучия: пришел в Штаб фронта и сказал, что хочет подарить своего дратхаара командующему. Папа встретился с профессором и обещал беречь Милорда. Пес, конечно, затосковал – первую неделю не ел, лежал в углу, отвернувшись; на вторую – смирился, лизнул мамину руку, признал ее, стал есть и привыкать к другому языку.

Из Венгрии вместе с фронтом Милорд отправился на Восток, после победы над Японией пожил во дворце командующего Квантунской армией генерала Ямада¹¹, потом поселился в Хабаровске. Полюбил новых хозяев и всех их домочадцев, восхищавшихся его умом, воспитанием и чудачествами. Так, несмотря на свою охотничью ориентацию, Милорд решил, что его долг – охранять маму во время папиных командировок и, когда папа уезжал, ежевечерне располагался перед дверью в спальню. Когда папа был дома, Милорд спал на диване у него в кабинете.

Милорд, главный среди наших домашних зверей, никогда никого не обижал. Он спокойно наблюдал пробежки по книжным шкафам ручной белочки, которая досталась нам в подарок от укротителя Рубана – взамен медвежонка, дружил с кошками, считал своим долгом приглядывать за котятами, когда их выносили на прогулку в сад, был благосклонен к маленькой собачке Хорти¹², подобранной тоже в Венгрии и названной именем злосчастного венгерского правителя. Завели Милорду и подругу – дратхаарицу Люстру. Это их щенята – выводок из пяти пятнистых бутузов – встретил мое появление в доме.

Прежней, венгерской своей жизни Милорд не забыл. Когда в гостях у родителей оказался кто-то знающий венгерский язык, мама попросила его поговорить по-венгерски с Милордом – он встрепенулся, встал лапами на колени к этому незнакомому человеку, лизнул ему руку. К старости бородака Милорда – отличительная черта дратхаара – совсем поседела.

А когда его не стало, в доме поселился щенок – тоже пятнистый, но не серо-коричневый, а черно-белый, шелковый – сеттер-лаверак Фидель. Те собаки, которых заводил папа, были ушастые, у нас никогда не жили ни овчарки, ни бульдоги, никакие другие охранники, только охотничьи, а еще – кого бог пошлет, ведь обязательно приблудится какая-нибудь шавочка и составит забавную пару с нашей главной собакой.

¹¹ *Оттодзо Ямада* (1881–1965) – генерал Императорских вооружённых сил Японии, командующий Квантунской армией. В 1945 г. в числе 600 тысяч японских военнослужащих Ямада попал в плен и был доставлен в Хабаровск, где в 1949 г. Военный трибунал Приморского военного округа в открытом судебном заседании рассмотрел его дело. Ямада обвинялся в руководстве подготовкой бактериологической войны и был приговорен к 25 годам лишения свободы; отбывал наказание в исправительно-трудовом лагере № 48 в Чернцах. В июле 1950 г. его выдали КНР, где более 5 лет содержали под стражей в г. Фушунь. В 1956 г. Ямада помиловали, досрочно освободили и вскоре репатриировали в Японию.

¹² *Миклош Хорти*, витязь *Надьбанья* (1868–1957) – правитель Венгерского королевства в 1920–1944 гг., регент. При Хорти престол Венгрии никто не занимал, таким образом, он был регентом в королевстве без короля и адмиралом без флота (так как Венгрия не имела выхода к морю). Хорти инициировал участие Венгрии во Второй мировой войне на стороне Гитлера и в марте 1944 г. дал согласие на ввод в Венгрию немецких войск. Однако 15 октября 1944 г. его правительство объявило о перемирии с СССР, но вывести страну из войны Хорти не удалось. В Будапеште произошёл государственный переворот, сын Хорти был взят в заложники. В итоге Хорти передал власть лидеру нацистской прогерманской партии «Скрещённые стрелы» Ференцу Салаши и был вывезен в Германию, где содержался под арестом. После окончания войны по старости лет Хорти не был предан суду как военный преступник: ему позволили переехать с семьёй в Португалию, где он и умер.

Если дратхаар – с бородкой, усами торчком и жесткой щетинистой шерстью – походил скорее на охотника-работягу, то Фидель, когда подрос, превратился в красавца-мушкетера. Длинные кудрявые черные уши, изящнейшая, белая в крапинку мордаха, карие глаза не хуже, чем у коня Орлика, мягкая шерстка, которую полагалось чесать, чем я с радостью занималась. И такой же, как у Милорда, охотничий талант и милый нрав.

Но вот с охотой Фиделю не повезло. Вскоре после его появления мы уехали в Москву, где выбраться ради собачки на охоту было сложнее. Когда Фиделю исполнилось пять лет, на политическом горизонте объявился его тезка – кубинский команданте, и при появлении малознакомых людей, вопрошающих, как зовут собачку, во избежание кривотолков отвечали «Верный», не сильно погрешив против истины (именно это и означает fidel в переводе с испанского).

В Москве папа уже не ездил на охоту (свободного времени в сравнении с Хабаровском совсем не оставалось), хотя бывал, когда звали, в Завидове, где не столько охотились, сколько решали дела. И там он не изменял своему обыкновению – не стрелял, сколько бы над ним ни подшучивали.

А вот для рыбалки, истинной своей любви, папа всегда старался отыскать время – по воскресеньям и обязательно в отпуске. Сколько часов, нет, дней я просидела на берегах самых разных рек и озер в поле зрения родителей, и в холод, и в дождь с упоением кидающих удочку! Только сейчас, вспоминая об этом мучении своего детства и отрочества, я понимаю, что для папы эти тихие часы были душевной необходимостью. Человек самоуглубленный и молчаливый (полслова за вечер и две фразы за воскресенье), он нуждался в общении с природным миром и, по крайней мере, так – рыбалкой, домашними зверьми – восстанавливал равновесие. Но не часто выдавались свободные дни. И по вечерам он чаще всего решал шахматные задачи или читал Флобера по-французски, чтобы не забывался язык.

В последний год я спросила его: «Кем ты хотел быть?» Что не военным, уже знала, потому что слышала раньше: «Хотеть быть военным противоестественно. Нельзя хотеть войны. Понятно, когда человеку хочется стать ученым, художником, врачом – они создают». На вопрос, кем, папа тогда ответил: «Лесником». Думаю, это правда, но не всей жизни, а именно того, последнего года.

Молодым он, конечно же, ответил бы иначе, азартная и авантюрная натура не потерпела бы отшельничества. Но, кроме того, в юности сильна была горькая память об испытанных в детстве унижениях, бередившая честолюбие. Графчук Дорик в кадетском мундире нет-нет да и всплывал в памяти. (Хотелось бы знать, как прожил свою жизнь этот молодой Гейден¹³ – сто лет назад высокомерный подросток, папин ровесник?).

Тогда, в пятнадцать лет, я безоговорочно поверила в лесника, но потом поняла, что это – не мечта детских лет (отец ведь отказался идти в агрономическое училище, куда мог попасть по рекомендации графского садовника). Лесник – его поздняя утопия, глубинно созвучная тому много испытавшему человеку, которым папа был уже на моей памяти. Точно знаю одно: если бы его работой оказался лес, с тем же тщанием и азартом, с каким изучал древних стратегов, он занялся бы изучением жизни тайги.

Он и так знал, как называются самые разные растения, показывал их мне и объяснял, чем каждое ценно. Ведь в детстве, когда моя бабушка служила у Гейденов экономкой, графиня позволила ее сынишке играть и заниматься со своими детьми, и во время прогулки учитель рассказывал им о растениях и объяснял, как составлять гербарий. Оказывается, папа ничего не забыл, и, показывая мне приглянувшееся растение, называл его русское название, потом украинское, иногда даже латинское. Запомнилось забавное латинское имя лимонника – *Шизандра* и торжественное название багульника – *Рододендрон даурикум*. А, возвратившись с прогулки, папа снимал для меня с полки тяжелую старинную книгу с картинками, в которой можно было отыскать описание любой, самой невзрачной травки. Назывались эти тома «Жизнь растений», а рядом с ними на полке располагалось не менее увлекательное чтение – «Жизнь животных» Брема.

¹³ О семье Гейденов, у которых моя бабушка работала экономкой, рассказано в папином автобиографическом романе – прежде он выходил под данным Воениздатом названием «Солдаты России», но вскоре выйдет в новой (моей) редакции в издательстве «Новый хронограф».

Кстати, папа считал, что графчуков очень неплохо воспитывали: образовывали и не давали лениться. К примеру, им, малолеткам, а заодно и папе, товарищу их детских игр, выделили по небольшому огородику для сельскохозяйственной практики, где нужно было работать самим: сажать, полоть, поливать, подвязывать всё, что там у каждого на делянке росло. Сажали всего понемножку – пару кустов помидоров, лиану огурцов, петрушку, салат, редиску и прочую зелень. У меня, уже в Москве, на даче волею папы тоже появился такой огородик – не буду вас уверять, что сельскохозяйственный труд меня тогда вдохновил, но спустя годы (в девяностые) навык пригодился.

В книжном шкафу рядом с «Жизнью растений» и Бремем находилось рыбарское отделение, где с «Записками об ужении рыбы» Аксакова и «Рыбами России» Сабанеева (издание 1892 года) соседствовала папина тетрадка с надписью на обложке «Дневник рыболова». Это подробные, по дням, его отчеты о том что и сколько, когда, при какой погоде и ветре было выловлено (естественно, на удочку, сетью папа не ловил) в такой-то уссурийской или амурской протоке, на что именно там лучше ловится таймень, или сом, или не помню кто.

Рыбалка была для меня мучением, от одного вида червяков меня трясло, равно как и от вида разложенной на берегу полумертвой рыбы. И все-таки папина рыбалка оказалась своего рода уроком: если тебе что-нибудь интересно, не берись за дело с бухты-баряхты, полюбуйтесь, что люди придумали, вникни, как следует в то, чем собираешься заняться.

Рядом с ихтиологией и «Дневником» – коробки с рыбарским инструментарием. Сколько удилиц и удочек, крючков и грузил, спиннингов и каких-то экзотических наживок – искусных имитаций мушек и стрекоз – и всякой другой рыбарской снасти на все случаи лова на всех широтах хранила нижняя полка шкафа!

К вещам, исключая вышеупомянутые, папа был патологически равнодушен и удовольствовался бы, будь его воля, синей байковой ковбойкой (она и теперь у меня), многолетними штанами фасона «раскинулось море широко» и беретом, носить который приучился в Испании. Перебирая потом его пристрастия, я поняла: к тому, что не нужно в жилище лесника, он был безразличен. Но во всяком месте земного шара, куда попадал, папа покупал рыболовную снасть.

Однажды мне случилось присутствовать при таком событии – посещении магазина рыболовецких принадлежностей. И не где-нибудь – в Париже.

Три дня в Париже, выпавшие мне на жизнь в 15 лет и больше никогда, случились в 1962 году. Все вместе – папа, мама и я – на неделю отправлялись в Марокко (иногда почему-то в официальные поездки было велено брать семью), и папа решил лететь через Париж и задержаться там на три дня. Первый день – Лувр, второй – Версаль, третий – обещанные мне Монмартр и Монпарнас.

И вот на пути от Сакре-кёр до Клозери-де-Лиля, взглянуть на которое мне было необходимо, папа зашел в какую-то рыбарскую лавочку и битый час выбирал леску, блесна и мохнатых искусственных шмелей. Я страдала, хотя за окном (не «Ротонды», конечно, но все-таки), вставал «Париж фиолетовый, Париж в анилине»¹⁴. Монпарнас вознаграждал, но искусственный шмель и золотистая блесна-малёк все равно запомнились. Уму непостижимо другое: как я тогда ни о чем не спросила папу, а ведь он бывал в «Ротонде», да, наверно, и в «Клозери», которые я соотносила с кем угодно – Модильяни¹⁵, Пикассо¹⁶, Аполлинером¹⁷, Маяковским¹⁸, – но только с не с папой, а ведь мои кумиры могли сидеть за соседним столиком с ним, и его история была нисколько не менее захватывающей... Но я не спросила – ни о чем.

¹⁴ *Париж, / фиолетовый, / Париж в анилине, / вставал / за окном «Ротонды»* – концовка стихотворения В. Маяковского «Верлен и Сезанн» (1925).

¹⁵ *Амедео Клемёнте Модильяни* (1884–1920) – итальянский художник и скульптор, с 1906 г. и до конца своих дней жил в Париже.

¹⁶ *Пáбло Ру́йс-и-Пика́ссо* (1881–1973) – испанский художник, скульптор, график, театральный художник, керамист и дизайнер. С 1904 года жил в Париже.

¹⁷ *Гийо́м Аполлине́р* (настоящее имя польское – *Вильгельм Альберт Владимир Александр Аполлинарий Вонж-Костровицкий*; 1880–1918) – французский поэт.

¹⁸ *Влади́мир Влади́мирович Маяко́вский* (1893–1930) – русский советский поэт, драматург, киносценарист, кинорежиссёр, киноактёр, художник, редактор журналов «ЛЕФ» («Левый Фронт») и «Новый ЛЕФ». Неоднократно бывал в Париже.

Начав рассказывать о хабаровской даче, я сбилась на рыбалку, потом меня занесло в Париж, но пора возвращаться домой, в детство, на Красную речку (интересно, почему она – красная?).

Уж и не знаю, когда тамошняя дача – великолепный двухэтажный особняк – была построена, кем и для кого, но до нас, до моего рождения, когда родители оставались еще в Китае, там полгода жил плененный император Маньчжоу-Го Пу И¹⁹, а до войны – Блюхер. (Императорская судьба, хоть и с пленом, оказалась не в пример счастливее судьбы довоенного маршала).

К этому замечательному дому от ворот через парк вела дорога с круговым подъездом к крыльцу, внутри круга клумба, в центре – алые канны, цветущие до самых холодов. А с противоположной стороны дома, с террасы, выход в парк, а точнее – в лес, к обрыву, сплошь лиловому, когда цвел багульник. Отсюда спускались к Усури по ветхой лестнице, где на проваленных ступеньках сидели – и не боялись – бурндуки. Лиственничная аллея вокруг дома, накаленный летним полднем круговой балкон на крыше, именуемый «асоте-ей», – не папа ли назвал его этим испанским словом?

Внизу река, прозрачная, как Байкал, и холодная даже в жару. На окраине парка юрта (ее неправильно называли фанзой), куда осенью сваливали садовый инвентарь; беседка, увитая лимонником, кислым-прекислым виноградом и актинидией (это ученое имя лианы, которую там попросту называют крыжовником, а по сути это дикое киви). А какие деревья там росли – пушистые, с мягкими иголками лиственницы, маньчжурские орехи с огромными продолговатыми листьями, бархатное дерево с мягкой серебристой корой – огромное, все в цветущих кремовых гроздьях; голубые ели вперемежку с кедрами и кленами и совсем не похожие на здешние березы – словно скрученные ураганом и замершие, так и не распрямившись.

Дом был устроен по канонам усадьбы. Входишь, и перед тобой, на изрядном расстоянии, лестница ступенек в десять, симметрично разветвляющаяся надвое от площадки, ведущей в бальный зал. По любой из лестничных веток можно попасть наверх – в наши комнаты и на асотею.

А перед входом в бальный зал по обе стороны от лестницы стоят две огромные (чуть не в два моих дошкольных роста) китайские вазы необычайной красоты: сплошь расписные. Чуть ли не снизу доверху извивается оранжевый дракон с разинутой зубастой пастью и серебристым хохолком – один, другой, третий. Да сколько же их, этих чудищ, сколько можно пугать ребенка! Но оторваться, хоть и страшно, невозможно. Между извивами драконов расположились самураи в немислимых облачениях и усатые всадники с копьями, скалящиеся не хуже этих змеев, длиннохвостые хохолатые птицы-фениксы, цветы пионы и красавицы в кимоно, безмятежно, словно и не замечая драконов и всадников, прогуливающиеся в аллеях, деревья которых скручены так же, как березы на обрыве.

Была у меня мечта – залезть внутрь вазы и удостовериться, что фарфор действительно так прозрачен, что рисунок просвечивает. Осуществить мечту, к счастью для ваз (они, по крайней мере, тогда остались целы) не удалось, и пришлось удовольствоваться разглядыванием их родственницы – чашки. Действительно, рисунок виден, а сама чашка тонкая, поразительно гладкая изнутри, а снаружи на ощупь пупырчатая, как и вазы.

Бальный зал высотой в два этажа, естественно, пустовал, и походил на лужайку посреди леса, потому что сразу за французскими окнами росли лиственницы и клены. А наверху, над входом в зал, как и полагается, нависал балкончик для оркестра. Дверь на него тоже почти всегда была закрыта, и зрелище бального зала с дирижерского места причислялось к несчастным подаркам судьбы.

¹⁹ *Айсиньгэро Пуи* (1906–1967) – с 1932 г. Верховный правитель, а с 1934 г. император Маньчжоу-го, генералиссимус и главнокомандующий Маньчжурской императорской армией; в общении с европейцами называл себя Генри. 19 августа 1945 г. в Мукдене был взят в плен советским авиадесантом и отправлен в расположение командующего Забайкальским фронтом. Был свидетелем обвинения на Токийском процессе в августе 1946 г. Несмотря на просьбы остаться в СССР и письма Сталину в 1950 г. Пу И был возвращен в Китай, где находился в лагере перевоспитания; был освобожден по разрешению Мао Цзэдуна в 1959 г. Жил как частное лицо в Пекине, работал в ботаническом саду, а затем архивариусом в национальной библиотеке. Оставил мемуары, изданные в том числе на русском языке.

Не хочется даже думать, что случилось с балкончиком, залом и асотеей, если уже вскоре после нашего отъезда в Москву лестницу к реке вместе с бурундуками и багульником уничтожили и воздвигли фуникулер.

Я уже упоминала о папиных уроках ботаники. Но это могли быть любые другие уроки; главное же, чему он меня научил, – это учиться самой. Нынешняя гордая фраза «У меня три высших образования» звучит для меня скорее забавно. Хочется ответить: «Лучше меньше, да лучше».

Отец – самоучка; его образование это церковноприходская школа, а после нее, спустя войну, Францию и два полукругосветных путешествия, – академия Фрунзе. Но прежде надо было сдать экзамены – с перечисленным багажом дело почти невозможное, ведь в ту пору в Академии преподавали старые кадры и спрашивали абитуриентов без скидок на биографию (она у большинства была и героическая, и сомнительная). Привычка к самообразованию, убежденность в том, что всему можно научиться самому, азарт и страсть к знаниям помогли папе наверстать упущенное и выдержать вступительные экзамены. Возможность получить образование значила для него так много, что готовился он к этим экзаменам, как к бою.

– Я тогда решил: не сдам – застрелюсь. Нельзя было не сдать.

– Да почему же нельзя? – изумилась я. (Разговор происходил накануне одного из моих экзаменов и, видимо, с него и начался.)

– Иначе себя перестал бы уважать.

В 1927 году отец поступил в Академию, весной 1930-го окончил ее, как тогда говорили, «по первому разряду». А спустя девять лет, возвратившись с испанской войны, стал преподавать в этой Академии. Работал над диссертацией, посвященной испанской войне (у меня хранится ее, видимо, последний черновик – машинопись с правкой от руки). По логике вещей чистой экзemplар тоже должен существовать в архиве Академии, но пока не нашлся. Защитить диссертацию отцу не пришлось: когда она была готова и уже представлена к обсуждению на кафедре – в марте 1941 года, отец получил новое назначение и отбыл в Молдавию, в район города Бельцы командовать 48-м стрелковым корпусом. Там он встретил войну.

Что же до диссертации, то она так и осталась незащищенной. Знаю (не от папы), что в 60-е годы ученый совет академии, вспомнив о преподавании и диссертации, решил удостоить отца звания доктора военных наук *honoris causa*²⁰. Папа отказался: «Незачем. Сложись все иначе, никто б о той диссертации и не вспомнил...».

Но я забежала слишком далеко вперед.

Как учатся самоучки? По книгам. И, естественно, книги стали папиным главным пристрастием, первенствуя над шахматами и над рыбалкой, но не соперничая, потому что и к этим досуговым занятиям папа относился со всей серьезностью. Во всяком деле он был на редкость обстоятелен. Ни тени дилетантства – теоретическая оснащенность и техника ремесла заботили его в равной мере, о чем бы ни шла речь – военном деле, о шахматах или о той же рыбалке.

Целую полку в его шкафу занимали ихтиологические книги на разных языках (теперь они в библиотеке московского Зоологического музея), еще одну – шахматная литература (переданная мамой через год после папиной смерти Одесскому шахматному клубу – что с ними случилось...).

Юношеское увлечение шахматами с годами переросло в стойкую привязанность. Знаю, что считал, что играл отец на вполне профессиональном уровне, да и его шахматная библиотека свидетельствует, что ее собирал не дилетант. Есть в ней, кстати, и том, посвященный мастерству Ботвинника²¹, с дарственной надписью гроссмейстера.

Сколько себя помню, на отцовском столе лежала маленькая, с ладонь величиной, темно-вишневая коробочка. Раскрытая, она распадалась на два квадрата – шахматную до-

²⁰ По совокупности заслуг (лат.).

²¹ *Михаил Моисеевич Ботвинник* (1911–1995) – 6-й в истории шахмат и 1-й советский чемпион мира (1948–1957, 1958–1960, 1961–1963). Гроссмейстер СССР (1935), международный гроссмейстер (1950) и арбитр по шахматной композиции (1956); 6-кратный чемпион СССР (1931, 1933, 1939, 1944, 1945, 1952), абсолютный чемпион СССР (1941). Доктор технических наук, профессор.

ску с дырочками в каждой клетке, куда втыкались стерженьки крохотных фигур, и обтянутую малиновым бархатом крышку-корытце для ненужных фигур. Шахматная коробочка раскрывалась едва ли не каждый вечер: разбор партий и решение задач вошли в привычку, и только большой сибирский кот, считавший место на столе под лампой своим, позволял себе вмешиваться в этот молчаливый диалог с доской, трогая лапой фигурки или теребя желтый граненый карандаш фирмы «Фабер».

Отец собрал великолепную библиотеку по военной теории и истории, потом отданную мамой в Академию бронетанковых войск, больше тридцати лет носившую имя отца. Теперь это всего-навсего факультет Академии им. Фрунзе, тоже утратившей свое имя. А я помню, как праздновалось 45-летие Академии в 1963 году, и папа взял меня, уже старшеклассницу, на торжественное собрание, из которого запомнилось выступление дочери Фрунзе²². Наверное, потому, что папа с особым уважением сказал: «Смотри, какая молодец – выучилась и говорит хорошо и по делу».

Он вообще относился к ученым почти с благоговением и сам постоянно учился, причем самым разным вещам. Свидетельством тому библиотека: и те книги, которые мы с мамой отдали в Академию и в Музей на Поклонной горе, и те (немногие), что я оставила себе.

Знаю, что среди отданных книг было немало раритетов. Как жаль, что нам с мамой не пришлось тогда в голову сделать полные списки изданий и настоять на том, чтобы все переданное составило отдельный фонд. Теперь, по прошествии бурных лет повсеместного жульничества, думаю, многие из тех книг (с маргиналиями!) оказались совсем не там, где им полагалось бы стоять. Одна из них (Клаузевиц²³) чудом вернулась ко мне, замеченная на полке букинистической лавки на Старом Арбате, но ведь только одна...

Папа долго и вдумчиво собирал книги по военной истории, начиная с античности, и старинные сочинения по военной теории. И все они проштудированы, с закладками и метками на полях.

Не специальная – художественная и историческая (всех времен и народов) – литература составила бы не самую бедную библиотеку городка средней руки. Не будучи библиофилом в полном смысле слова, папа постепенно собрал библиотеку, отразившую все его пристрастия: помимо военной истории, русский девятнадцатый век, шахматы, звери и путешествование, словари (двуязычные и толковые), пословицы всех времен и народов.

Словари – это понятно, он владел французским и испанским, и весь спектр словарных изданий, касающихся этих языков, был подобран: толковые, фразеологические, энциклопедические, специальные вплоть до медицинских. Но ведь были у отца и английский, и немецкий, и итальянский, и румынский, и все славянские словари. И японский. Когда мы приезжали, к примеру, в Польшу или в Чехословакию, папа первым делом обзаводился учебником, вынимал захваченный с собой словарь и не упускал случая вспомнить то, что знал, и поучиться, но это естественно: польский родственен родному украинскому. Но японский! До последних лет я пребывала в уверенности, что японский словарь дополнял коллекцию, и только когда из него вывалились листки с иероглифами и пометками папиным почерком, я потеряла дар речи.

А вот коллекция пословиц и афоризмов, как росла при папе, так неустанно растет и в моих руках. Самая любимая из этих книжек – маленький Ларошфуко²⁴ в бумажной обложке с папиными пометками на полях. Например, такой: «По-французски очень уж хорошо, а по-русски так себе». А ведь редко (если не сказать – никогда) читатель обращает внимание на перевод. И может, из этого папиного внимания к слову и его смысловым палитрам в разных языках выросло мое профессиональное переводческое пристрастие к афоризмам.

Про пословицы и поговорки папа говорил, что на них душа отдыхает и любил составлять из них пары прямо противоположного смысла или с переключением регистра («Тер-

²² Татьяна Михайловна Фрунзе (р. 1920 г.) – профессор, доктор химических наук, дочь *Михаила Васильевича Фрунзе* (1885–1925), революционера, военачальника Красной армии и военного теоретика.

²³ *Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц* (1780–1831) – прусский офицер, известный своими военно-историческими сочинениями. Его книга «О войне» была издана по-русски в 1934 г.

²⁴ *Франсуа VI де Ларошфуко*, герцог (1613–1680), – французский писатель, философ-моралист. Речь идет о его *Максимах*.

пение и труд все перетрут» – «Заставь дурака богу молиться...»). Еще любил экзотические восточные пословицы и нечасто употребляемые русские. Так, например, ни от кого больше я не слышала: «Святой из матроса, что кот из барбоса». (Проверила: оказывается, не кот, а слон, но папа говорил «кот», и, по-моему, так естественнее.)

Довольно большая библиотека содержалась в полном, а точнее, профессиональном порядке мамиными стараниями (она окончила ленинградский библиотечный институт и до самой эвакуации из блокадного Ленинграда в апреле 1942 года заведовала библиотекой техникума и профессию свою очень любила). Кроме всего уже перечисленного, на полках стояли книжки, касающиеся самых разных вещей, которыми кому-либо из нас случилось заинтересоваться, будь то цветоводство (это мамино увлечение) или астрономия (мое).

Книги папа привозил из Москвы, а еще их присылали по почте. Тогда избранный круг адресатов в Москве и других городах раз в месяц получал «Список Книжной экспедиции» с перечнем всего, что за этот месяц было издано центральными издательствами. И все мы расставляли галочки возле желаемых книг. Глаза у меня были на книжки завидующие, но ни разу ни от папы, ни от мамы я не услышала отрезвляющее: «Ну, подумай, зачем тебе это надо?».

Книжка нужна всем и всегда, ибо это знание – эта семейная аксиома молчаливо подразумевалась. И выписанное мной сочинение не то о черных дырах во Вселенной, не то о рождении галактик, от которого в памяти не осталось ничего, кроме закрученной спирали, изображенной на обложке, не с меньшим энтузиазмом читал папа.

На особой полке у письменного стола книги размещались не по библиотечным правилам, а по любви: Шевченко²⁵ и Леся Украинка²⁶ по-украински, Есенин и «Горе от ума».

Здесь я прерву перечень налюбимейших книг, потому что место «Горя от ума» среди них особое. Это излюбленный папин (а теперь и мой) источник цитат. Он говорил, что там непременно сыщется фраза на любой случай жизни (в чем я до сих пор ежедневно убеждаюсь). Перечтите и убедитесь: на любой. Не говоря о хрестоматийных: «А судьи кто?», «С кем был?», «Вон из Москвы!», «Я правду о тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи...» (С этой цитатой можно обойтись изящнее – опустить процитированное и продолжить: «Вот, брат, рекомендую...» или ограничиться советом «а в карты не садись», тогда «продаст» останется в подтексте. Исчерпывающая характеристика!)

Всякая строчка «Горя» может быть помянута всерьез, саркастически или юмористически, вчера – одна, завтра – другая, а какая – из сегодня ещё видно, но завтра она прозвучит так метко, что конца изумлению не будет. Или просто придется к слову. К примеру: во время дальнего визита папа получает, вместе не помню, с кем, какой-то африканский орден, и в резиденции, снимая ленту с живописной регалией, говорит, изображая Скалозуба: «Ему дан с бантом, мне – на шею».

Попутно скажу, что отец не носил иностранных орденов даже на парадном мундире – только советские: «Что мне, до колен, что ли, увешаться?». А когда я, разглядывая тот новый орден со львом в короне, спросила: «И этот не наденешь? Красивый!», – ответил: «В коробочке полегит. Он моему креслу даден».

И все-таки, думаю, среди иностранных орденов есть исключение – это французские Военные кресты с пальмами, Военная медаль и Орден Почетного легиона. Ведь за ними стояла юность и Великая война, а не министерское кресло. Хотя, думаю, десять лет, что папа служил министром обороны, были нисколько не легче тех лет в окопах. Особенно, если вспомнить, какие это были годы: космос, ракетное перевооружение, сокращение армии, Карибский кризис, паритет...

²⁵ *Тарас Григорьевич Шевченко* (1814–1861) – украинский поэт, художник, прозаик, этнограф; создатель литературного украинского языка, деятель украинского национального возрождения. Большая часть прозы Шевченко написана по-русски.

²⁶ *Леся Украинка* (настоящее имя Лариса Петровна Косач-Квитка, 1871–1913) – украинская поэтесса, писательница, переводчица, фольклорист, деятель украинского национального возрождения.

Прошу прощения за очередной зигзаг и возвращаюсь к папиной особой книжной полке, к любимым афористам. Среди них замечательная книга Федорченко²⁷ «Народ на войне» – документальные записи услышанного на Первой мировой войне. Далее Вольтер²⁸, Ларошфуко и Паскаль²⁹ по-французски и в переводе. И, конечно же, Марк Аврелий³⁰, книга, купленная у букиниста, судя по отметке на обложке, осенью 1936-го, накануне отъезда в Испанию. Ее он искал давно и называл «самой нужной».

Не раз любимая папина фраза из Марка Аврелия расставляла все точки над і в наших разговорах: «Каждый стоит ровно столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет» (а для меня расставляет и до сих пор). А фраза Экзюпери³¹ «Мы в ответе за тех, кого приручили», введенная в домашний обиход мной, имела кроме очевидного – переносного – и буквальный смысл, касающийся всех зверят, живущих в доме. В отличие от нас с мамой папа никогда не забывал, уходя, дать им кусочек, чтоб не скучали...

Еще несколько книг лежали в ящике стола. Не из осторожности – просто перепечатанные на машинке, какие переплетенные, какие нет, они не помещались на полке: «Белая гвардия»³², «Один день Ивана Денисовича»³³, в 62-ом году на полку встала аккуратно обернутая перепечатка «Теркина на том свете»³⁴, «По ком звонит колокол»³⁵ (из серии «Рассылается по специальному списку») и фотокопия «Повести о непогашенной луне»³⁶, переснятая по папиной просьбе в Национальной библиотеке Софии. (Неужели даже в спецхране Ленинки не нашлось? Или не дали переснять?) Все эти книги папа давал мне: «Прочти обязательно», но без комментария. И только раз я задала вопрос – про «Непогашенную луну»:

– Это правда?

– Неправду так далеко не прячут.

Короткие были у нас с ним разговоры.

Я сказала, что папа был безразличен ко всему, что не пригодилось бы в жилище лесника. Но это не совсем так. Не думаю, что леснику понадобились бы миниатюрные отвертки и винтики, тоже обретенные в Париже.

²⁷ *Софья Захаровна Федорченко* (1888–1959) – русская писательница. В Первую мировую войны была сестрой милосердия и в 1917 г. выпустила книгу коротких рассказов и размышлений русских солдат о войне и мире, своеобразный свод солдатского фольклора. В 1925 г. появилась вторая часть книги и в 1927-м отдельные фрагменты 3-й части в журнальных публикациях, материал для третьей части был собран уже в годы гражданской войны.

²⁸ *Вольтер* (1694–1778, настоящее имя Франсуа-Мари Аруэ) – французский философ-просветитель; поэт, прозаик, историк.

²⁹ *Марк Аврелий Антонин* (121–180) – римский император (161–180) из династии Антонинов, философ-стоик.

³⁰ *Блез Паскаль* (1623–1662) – французский математик, физик, литератор и философ. Имеется в виду его посмертно изданная книга «Мысли».

³¹ *Антуан Мари Жан-Батист Роже де Сент-Экзюпери* (1900–1944) – французский писатель, поэт; профессиональный лётчик. Был корреспондентом на гражданской войне в Испании, с сентября 1941 г. – военный летчик. 31 июля 1944 г. Сент-Экзюпери отправился с аэродрома Борго на острове Корсика в разведывательный полёт и не вернулся. Обломки его самолета нашли лишь в 2003 г.

³² Роман М. Булгакова о гражданской войне. Частично был опубликован в журнале «Россия» (1925), полностью – во Франции (1927–1929).

³³ Повесть А. И. Солженицына (отдельное издание 1963 г).

³⁴ Поэма А. Т. Твардовского (продолжение «Василия Теркина»).

³⁵ Роман Э. Хемингуэя о гражданской войне в Испании (1940).

³⁶ Изъятая из продажи спустя два дня после появления повесть Б. Пильняка (1926), в предисловии к которой автор отмечает: «Фабула этого рассказа наталкивает на мысль, что поводом к написанию его и материалом послужила смерть М. В. Фрунзе. Действительных подробностей его смерти я не знаю – и они для меня не очень существенны, ибо целью моего рассказа никак не являлся репортаж о смерти наркомвоена. Нахожу необходимым сообщить это, чтобы читатель не искал в повести подлинных фактов и живых лиц».

Зачем – тогда не спросила, а после все-таки узнала. Папин старинный друг, генерал Буренин³⁷, рассказал мне о том, как еще до войны, в Белоруссии, после неудачных попыток отдать в починку часы «Лонжин», привезенные из Испании (ни один часовщик за них не брался), папа обзавелся соответствующим инструментом и наглазной лупой, разобрал часы, понял, в чем дело – и починил. И потом не раз чинил часы своим приятелям. «Всякое умение когда-нибудь да пригодится».

С этим напутствием мне подарили, классе в восьмом, пишущую машинку «Эрику» – ту самую, что берет четыре копии. И мама, наблюдая мои первые упражнения, сказала: «Учись. Машинка – всегда кусок хлеба». Труднопредставимая сегодня, это самая естественная фраза для людей ее поколения, готового и к суме, и к тюрьме, и к черному дню. Когда мамы не стало, разбирая перед переездом ее шкаф, я обнаружила запас на черный день, занимавший две полки: сухари, соль, спички, мыло, чай. Молчаливая блокадная память...

Это мыло, кощунственно, на гурманский взгляд, хранившееся рядом с чаем, в моей памяти теперь стоит в одном ряду с привычной реалией: маленьким, всегда собранным папиным чехомоданчиком – на всякий, включая *тот самый*, случай. Так было у всех. Или почти у всех. И заодно в генетическую память мимоходом впечатались полное равнодушие к гурманству и готовность к наихудшему обороту событий.

Согласно тайным наукам в генетической памяти ребенка запечатлевается пережитое его родителями за девять лет, предшествующих его рождению. Я отсчитала: война в Испании, наша война, блокада, река Мышкова и столько еще всего... Зря мы в школьные годы веселились над песенной строчкой «Все, что было не со мной, помню», это не *deja vu*³⁸, а другое – пережитое прежде нас и отозвавшееся в нас долгим эхо, дальним отголоском, в ком громче, в ком тише...

Но я рассказывала про отверточки, так вот: помимо них и снастей, было, у папы еще одно странное для лесника пристрастие – письменные принадлежности, паркерские ручки с тонким пером. Паркерской ручкой изящнейшим почерком и без помарок написаны все одиннадцать тетрадей его романа, где в одной из глав поминаются поразившие воображение мальчика карандаши фирмы «Фабер»: граненые золотистые и толстые двухцветные красно-синие, а еще – мягкие белые резинки с оттиснутым слонем. Увиденные впервые в доме дяди Яши, стационарного зрителя, они запомнились подростку как атрибуты учености. И полвека спустя на папином столе появились точно такие же, остро заточенные карандаши с золотистыми гранями и празднично белый квадрат резинки со слонем, стирать которой рука не поднималась. Отец, глубоко равнодушный к вещам, дорожил этим фаберовским набором – так поздно сбывшейся детской мечтой.

Необходимым предметом роскоши он признавал часы – «Омега», швейцарские. Я слышала, как однажды по телефону папа говорил, наверное, директору часового завода об армейском заказе: «Командирские» надо сделать не хуже «Омеги». Без точных и прочных часов военному человеку нельзя!» И ведь очень долго, вплоть до наступления эры «Ролексов», «Командирские» пользовались заслуженной славой.

Я уже говорила о том, как не дилетантски папа относился ко всякому делу, а ведь интересовало его очень многое. О том, что судьба повернула так, а не иначе, папа не жалел (бесповоротным людям это не свойственно), но чувствовал, что справился бы, и неплохо, с другим делом. Иногда даже казалось, что он примеривает к себе другие профессии – так внимательно, пристрастно и заинтересованно он приглядывался к ним.

Его притягивала медицина. Почему – понятие. До службы у графини бабушка несколько лет работала кухаркой при земской больнице, и для отца (которому тогда было лет пять) труд врачей и сестер рано стал привычным зрелищем – делом, которому он мог бы выучиться. Не зря же доктор позже посоветовал молодой кухарке отдать сына в военно-

³⁷ Буренин Иван Николаевич (1896–1986) – генерал майор (1943). С ним вместе отец служил до войны в Белорусском военном округе, затем перед войной в академии Фрунзе, а в годы войны И.Н. Буренин работал в штабе 3-го Украинского фронта, которым тогда командовал отец.

³⁸ *deja vu* (фр.) – уже виденное.

фельдшерскую школу, и граф Гейден обещал посодетьствовать, но бабушка не решилась – слишком уж мал ещё сын, а контракт на целых пятнадцать лет! (Если б знала, что скоро они всё равно расстанутся, отдала бы? И судьба была бы другая?)

Замечательный хирург Виталий Петрович Пичуев³⁹, вспоминая долгие разговоры с папой (они познакомились в 60-ом, когда мама лежала в хирургии, а Виталий Петрович был ее лечащим врачом), рассказывает о живой заинтересованности, которая удивляла его в папе всякий раз, когда речь заходила о медицине, о новых диагностических методах, новой аппаратуре. И всякий раз с особой теплотой папа говорил о докторе из земской больницы – первом человеке, пробудившем в нем безоговорочное уважение. Более того: отец рассказал Виталию Петровичу, что, собравшись продолжить образование, он попросил командира дать ему рекомендацию в Военно-медицинскую академию, но получил безоговорочный отказ: «Нечего тебе там делать! Ты прирожденный командир!».

Если бы папа стал врачом (не сомневаюсь, хирургом), это было бы и объяснимо, и естественно, и даже достижимо, а вот литература – *terra incognita*⁴⁰ – всегда оставалась для него неисполнимой мечтой, журавлем в небе. Хотя интерес к ней и желание испробовать на этом поприще свои силы жили в нем с ранней юности и не оставляли никогда.

И все же, сколько мужества и дерзости было в юношеской попытке написать драму – там, в Ла-Куртине, где, кажется, к сосредоточенному литературному труду ничто не располагало, и после, в Плёре, где другие солдаты, радуясь короткой передышке, гоняли в футбол, пели в любительском хоре, репетировали водевиль... Пожалуй, не меньше, чем в решении, принятом сорок два года спустя, – писать роман, а не мемуары. И не случайно, кроме одиннадцати тетрадей «примерного плана-наброска», есть предваряющий рукопись блокнот, озаглавленный «Действующие лица», с перечнем персонажей. Их, описанных по всем драматургическим канонам (с указанием возраста, портретной характеристикой и прочими подробностями), в книге сто сорок шесть.

Этот перечень – дальний отголосок юношеского увлечения, память о самостоятельном театре Ла-Куртина и Плёра-на-Марне. Поразительно, но есть свидетельства, что накануне уже объявленного расстрела лагеря Ла-Куртин, солдатский самостоятельный театр дал свое последнее представление: сыграл спектакль, повествующий о них самих – восставших солдатах, но со счастливым концом... Может, это была папина пьеса? А может, не он один пробовал свои силы в драматургии? Тот текст, чей бы он ни был, конечно, не сохранился.

Но спустя три года, уже на родине, снова оказавшись в госпитале, на сей раз лечась от тифа, отец вернулся к своему театральному замыслу и заново написал пьесу о восстании в лагере. Эту рукопись он сохранил, не питая на ее счет никаких литературных иллюзий. Она была дорога ему не просто как память о юности, а как знак так и не сбывшегося призвания.

После юношеской пробы пера жизнь отца складывалась так, что ни о какой литературе и думать не приходилось. Ранение и французский госпиталь уберегли от алжирских концлагерей, но еще год он воевал за Францию в Иностранном легионе.

В конце концов отцу и его немногочисленным товарищам удалось вернуться на родину почти кругосветным путешествием – высадились они во Владивостоке, откуда в 1919 году добраться до Украины, куда он стремился, было несколько не легче, чем в незапамятные времена из Марселя в Китай. Офицер, врач, главный в их группе, остался во Владивостоке, сибиряки, добравшись до Забайкалья, подались на свои заимки⁴¹, и отец, уже в одиночку, таясь от колчаковцев, сумел одолеть полпути и уже за Иртышем был арестован красными за иностранную солдатскую книжку и французский Воинский крест с пальмами. Чудом ему удалось избежать расстрела: военврач, знавший французский, подтвердил, что французский документ – не офицерское удостоверение, а самая настоящая солдатская книжка, Крест же – солдатский орден вроде Георгия.

³⁹ Виталий Петрович Пичуев (род. 1925) – генерал-майор медицинской службы, профессор Академии военных наук, заслуженный врач РСФСР.

⁴⁰ *terra incognita* (лат.) – земля неведомая.

⁴¹ *Займка* – в Сибири название поселения, обычно однодворного, и земельного участка, занятого кем-либо по праву первого владения, вдали от освоенных территорий. Также строили займки для охоты и рыбалки.

Так отец снова стал солдатом и все пошло своим чередом: гражданская война, на которой он не провоевал и месяца, полгода в тифу, служба в Красной Армии. (А если бы отловили его колчаковцы – тоже другая судьба?)

Казалось, химера юности – литература – давно и прочно забыта. Но призвание все же напоминало о себе – иначе не штудировал бы молодой командир батальона выпущенные ленинградской «Красной газетой» пособия из серии «Что надо знать начинающему писателю»: «Выпуск первый. Выбор и сочетание слов» и «Выпуск второй. Построение рассказов и стихов». Как ни странно, эти две книжицы в бумажных обложках с вопросительными и восклицательными знаками на полях, NB и заметками на полях сохранились.

Но, конечно же, не по ним он учился, много важнее были другие книги. Назову лишь те, о которых спрашивала и знаю точно: Толстой, Лесков, Чехов, Достоевский, Салтыков-Щедрин, прочитанные в годы учения в Академии Фрунзе.

Думая о папином детстве и юности, я могу только изумляться тому, как он строил себя. Что заставляло идти наперекор обстоятельствам?

Вспомним точную формулу Ортеги-и-Гассета⁴²: «Я это я + мои обстоятельства» и дальше: «И если я не спасу их (то есть обстоятельства), я не спасу и себя». Значит, нельзя стать и остаться человеком, не приняв ответственность за обстоятельства, за время и место. А это не каждому по плечу. И если жизнь не ставила нас лицом к лицу с пограничной ситуацией (войной, сумой и тюрьмой, остальное не в счет – мелочи жизни), мы не знаем о себе главного. А отцовское поколение и мамино – знают. Мы можем тешиться иллюзиями на свой счет, им эпоха такой возможности не оставила.

Но все же, почему один плывет по течению, пока не потонет, а другой преодолевает поток? Мне кажется, отцу и самому хотелось отыскать этот изначальный внутренний импульс, который определяет почти бессознательный выбор и в конечном итоге строит судьбу. Поэтому и начал он свой роман с самого начала, с рассказа о детстве. Для становления личности это были, наверно, самые значительные годы, и он это остро чувствовал.

А к человеку, который помог на первых порах, – к тете Наташе – отец на всю жизнь сохранил глубокую, преданную и благодарную любовь. Ее слова и поступки были для него своего рода нравственным камертоном.

В Киеве, освобожденном накануне, отец не нашел ни тети Наташи, ни ее сына Женечки. Соседи сказали, что они погибли – приютили еврейскую семью, и вскоре всех, и ту семью, и их забрали немцы. Кто-то донес. Больше никто их не видел. Об этом папа по возвращении рассказал маме и еще двум своим друзьям. Никаких документов – ни подтверждающих, ни опровергающих – мне не удалось обнаружить: украинские архивы уведомили, что бумаг не сохранилось. Бог весть, небрежность это, нежелание искать или действительно ничего не осталось...

Когда меня спрашивают, как папа меня воспитывал, хочется ответить «никак», хотя это, наверно, неправда. Ни нравучений, ни особых запретов (это – мамина прерогатива), крайне редкая похвала и за все двадцать лет единственная дидактическая фраза, сказанная в мой первый школьный день: «Ну, принимайся за дело – становись человеком, да смотри, не подведи, а то мне стыдно будет». И еще – помимо известия о том, что всему можно научиться самому, – несколько наглядных уроков.

Первый – урок труда. Это уже 60-е годы. Отправляясь на рождение к подруге, я неуклюже заворачиваю коробку в виде лукошка, внутри которой в фантиках, изображающих клубнику, лежат изумительные конфеты с жутковатым на теперешний вкус названием «Радий». Папа поверх очков довольно долго наблюдает, затем встает, отбирает коробку и наверняка умело, артистично, прямо-таки с шиком в одну секунду обертывает коробку и завязывает даже не бант – розу! «Всякое дело надо делать с блеском!» и поясняет «Школа купца Припускова!» (Эту школу он прошел в Одессе, работая в магазине мальчиком на поべгушках).

Второй урок – вежливости. Не знаю, откуда появилась на папином столе папка уступающего размера (жалко, не помню, как она называлась, хотя, наверно, просто номером), исчезнувшая через несколько дней.

⁴² Хосé Ортега-и-Гассéт (1883–1955) – испанский философ.

Но прежде, чем рассказать о том, что она таила, замечу, что от меня, совсем девчонки, папа никогда ничего не прятал – ни нумерованных книг, «рассылаемых по специальному списку», ни документов, лежавших на его столе, (полагаю, совершенно секретные там не лежали), а еще папа никогда не напоминал мне о молчании, если при мне говорил по «вертушке» или «кремлевке» (это два телефона спецсвязи – белый ВЧ и красный, оба с гербами и короткими номерами, список которых в виде маленькой книжечки высовывался из-под красного телефона). Мама, естественно, напоминала, причем самым грозным образом, но не в том суть. Я молчала бы и без ее предупреждений именно потому, что папа мне доверял.

Так я в подробностях слышала, как ему доложили о гибели Неделина⁴³, видела, как изменилась в лице мама, почувствовала, что случившееся – папино личное горе. Я знала, что они вместе с Неделиным прошли Южный фронт и позже воевали, то вместе, то рядом, не говоря уже про то, что тогда, осенью 60-го года, Митрофан Иванович был Главкомом Ракетных войск – форпоста перевооружавшейся армии. Случившееся было несчастьем государственного масштаба и личным горем отца. И тайной, которую он мне доверил. Наутро по радио прозвучала версия про авиакатастрофу. Я шла в школу с подружками, думала о родителех, сочувствовала, а еще чуть-чуть гордилась тем, что *знаю и молчу*.

Но продолжу о той папке. Я, конечно, любопытствовала, полагая, что это «белый Тасс» (рассылаемый по списку информационный материал, не подлежащий открытой печати), но в папке обнаружилось совсем другое: невообразимое количество доносов на отца, подшитых в хронологическом порядке. (Сейчас могу предположить, что в конце пятидесятых некоторых лиц ознакомили с их особыми личными делами. Можно только гадать, зачем ознакомили и кого именно, но полагаю, что вернулись эти папки, конечно же, не в ныне открытые военные архивы).

По детской глупости из всего множества доносов я прочла только два: первый и последний.

В последнем хорошо известный мне персонаж с очень большими звездами на погонах извещал кого следует об имевшем место на его глазах криминальном факте беседы Р. Я. Малиновского на таком-то приеме с иностранным дипломатом на иностранном же языке. О предмете беседы автор доноса по незнанию языков сообщить ничего не мог, в чем и расписался.

Так ругательное слово из родительских разговоров «сексот»⁴⁴ впервые наполнилось очевидным смыслом. И надо же было на другой день нам с папой, неся из магазина «Сыр», что на Горького, кусок рокфора (то было наше традиционное осенне-зимнее гулянье⁴⁵) встретить автора доносной бумаги, соседа по дому! Я отвернулась. Папа поздоровался, потом, когда сосед на своем этаже вышел из лифта, сказал: «С взрослыми ты всегда должна здороваться». И немного выждав, улыбнулся: «А со своими – сама разбирайся». Значило ли это, что дети не должны сводить родительские счета или что счета вовсе не надо сводить? Или правомерны оба ответа?

⁴³ Неделин Митрофан Иванович (1902–1960) – Главный маршал артиллерии (1959). Герой Советского Союза (1945). Погиб 24 октября 1960 г. на Байконуре при взрыве ракеты Р-16 на испытаниях. Всего тогда погибло 74 человека и ещё четверо умерло в результате сильных ожогов и отравления парами гептила.

⁴⁴ Т. е. секретный сотрудник.

⁴⁵ Помню, как вознегодовал телеведущий Константин Смирнов на съемках передачи об отце, когда я упомянула о нашем с папой гулянье по городу: «Вы хотите сказать, что вы вдвоем шли по улице Горького? Без телохранителей??? Позвольте вам не поверить».

Однако именно это я и хочу сказать: никаких телохранителей, никакой охраны не было нигде – ни на даче (калитка на задвижке, правда, забор глухой, а не из штакетин), ни в отпуске в Гурзуфе, ни на наших прогулках. Папу в гражданском не узнавали, это и понятно – тогда министр обороны редко появлялся на телеэкране. Лишь однажды, когда папа с мамой зашли в Военторг и мама встала в очередь в кассу, а папа остался у прилавка, сосед по очереди обратился к ней: «Вам никогда не говорили, что ваш муж поразительно похож на маршала Малиновского? Я его видел недавно на партконференции – ну, просто одно лицо!» Мама изобразила удивление.

В эту историю К. Смирнов тоже бы не поверил, однако так оно и было.

Я случайно знаю примечательный факт из биографии автора описанного доноса. Двумя-тремя годами ранее (это первые годы после XX съезда) мне довелось слышать такой разговор родителей за ужином. Папа сказал, что ездил сегодня в Кашценку.

– О господи, зачем?

– Хрущев⁴⁶ просил навестить NN, посмотреть, действительно ли он умом тронулся или придуряется.

– Ну и...

– Вхожу, вижу, сидит в рубашеночке госпитальной, синенькой. Меня увидел, руки вытянул, глаза закатил и «мальчики кровавые в глазах» шепчет. Я повернулся и ушел.

– А Никите Сергеевичу что сказал?

– То и сказал: «Театр».

Поразительная история – вся, от начала до донца. И порыв соседа укрыться в психушке («Мало ли что воспоследует из этого съезда!»), и убежденность Хрущева, что отец с первого взгляда разберется в диагнозе точнее врачей. Впрочем, судя по тому, что NN вскоре благополучно покинул психушку, отец в диагнозе разобрался, а пациент догадался, что ему ничего не грозит.

История первого доноса не в пример длиннее. Она растянута во времени на полвека и не укладывается в два абзаца. Жизнь странно выстроила ее – не то как драму, не то как роман, путая жанры, меняя протагонистов и рассказчиков.

Итак, действие первое – излагается по документу. В бумаге (все по той же глупости не посмотрела, куда адресованной и когда именно сочиненной) два соседа по коммуналке – «доводили до сведения» надзирающего органа о том, что «проживающий рядом комбриг Малиновский так и не снял со стены портрет врага народа Уборевича⁴⁷ с дарственной надписью, хотя жены нижеподписавшихся командиров «обратились к жене Малиновского⁴⁸ с соответствующим замечанием», а она-де, на другой день, сказала, что мужу слова их передала и получила ответ: «Что я повесил, то будет висеть».

Какое разбирательство последовало за доносом, узнать теперь не от кого, но ясно, что было оно не первым и не последним. Отцу, конечно же, не раз припоминали и Францию, «где он прохлаждался, пока мы беляков рубали» (традиционная шутка одного из знаменитых соратников), и Испанию, «куда он к Карменситам своевременно улизнул» (еще одна шутка авторства всё того же соратника).

Как случилось отцу уцелеть, гадать не буду – случай, судьба? – но что он состоял на перманентном подозрении, сомневаться не приходится. О недоверии Сталина к отцу и верховном повелении «не спускать с Малиновского глаз» рассказывает в своих мемуарах Н. С. Хрущев. Об этом и о возвращении отца из Испании я еще при случае расскажу.

Но вернемся к истории с крамольной фотографией «врага народа». Не раз мне приходилось слышать, что те, на кого доносили, обычно знали имена доносчиков; знал про своих бдительных соседей и отец. Доказательством тому – второе действие, излагаемое по маминому рассказу.

Прошло по меньшей мере пять лет. Фронт, видимо, конец сорок четвертого или начало сорок пятого. Почти ночь. Входит дежурный офицер с докладом:

– Товарищ маршал! Прибыл генерал такой-то.

Отец (спокойно, негромким голосом):

– Скажи этому сукиному сыну, чтоб через полторы минуты и духу его тут не было. А то лично приду морду бить.

Порученец исчезает.

⁴⁶ *Никита Сергеевич Хрущёв* (1894–1971) – Первый секретарь ЦК КПСС с 1953 по 1964 годы, Председатель Совета Министров СССР с 1958 по 1964 годы.

⁴⁷ *Иеронім Петрович Уборевич* (1896–1937) – советский военный деятель, командарм 1-го ранга. С июня 1931 года по 20 мая 1937 года – командующий войсками Белорусского военного округа.

29 мая 1937 г. Уборевич, отрицательно оценивавший деятельность Ворошилова на посту наркома обороны, был арестован и вскоре расстрелян по так называемому «делу Тухачевского». Посмертно реабилитирован в 1957 г.

Отец глубоко уважал И.П. Уборевича и считал себя его учеником.

⁴⁸ Имеется в виду первая жена моего отца Лариса Николаевна.

Хотелось бы мне увидеть сцену за дверью – как это майор (или капитан, а может, и лейтенант) передавал прибывшему не откуда-нибудь – из Москвы, из ставки, генералу, если не выше, «сукиного сына» вкуче с пожеланиями счастливого пути? Но так или иначе через полторы минуты прежнего соседа и дух простыл. В тот вечер никаких комментариев к произошедшему не последовало, и мама⁴⁹ так бы никогда и не узнала предыстории, в которой не участвовала, если бы папа не рассказал её вкратце – неделю спустя.

Между вторым и третьим действием прошло еще двенадцать лет – война давно кончилась, а я успела родиться и подрасти, так что излагаю собственные впечатления.

Итак, вставная новелла

«Песнь о коте Нуаре» (героический эпос)

Наше новое действующее лицо – славный кот Нуар – родилось у нас в доме в Хабаровске в тот год, когда я пошла в школу. Двух котят – Нуара и его брата, поименованного за нежный нрав Ласиком, а заодно их сестренку Аполлинарию, в обиходе Пульку, – решили оставить себе (очень уж были хороши все трое), остальных четверых роздали. Котенка, который с первой минуты стал папиным, Нуаром (то есть Чернышем, а совсем ласково – Нуаренышем или попросту Нурёнком) назвали по ошибке: кот оказался не черный, просто младенцем он был много темнее братишек. А когда подрос, обнаружилось, что масть у него привычная – сибирская, только полосы и тигровые разводы очень уж широки, темны и мохнаты.

В 56-ом в Москву с нами переехали все звери (а на полдороге, в вагоне, родилось семеро сибирских котят, очередных братьев Нуара и Ласика, и, раздав их, мы обзавелись уже московскими «родственниками по кошке»). Нуар, Ласька, Пулька, сеттер-лаверак Фидель и прочая живность быстро освоились на даче, своем новом охотничьем участке, а Нуар – разбойник по природе – немедленно пустился в набеги на соседские курятники (жили мы рядом с лесничеством, и поблизости было целых два курятника). Улаживать последствия котовых подвигов, извиняться и возмещать убытки пришлось маме, чем она непрерывно и занималась. Но надо было видеть Нуара, лезущего через забор, с доблестно придушенным трофеем в зубах! И хотя куренка, конечно же, жалели, а ката ругали, усатый герой являл собой зрелище, как и полагается, эпически величественное.

Однажды Нуар исчез, его искали и где уж нашли, не знаю, а мне в конце концов сказали, что Нуара, наверно, в отместку за цыплят, убили. Долго длится детское горе, и котовий облик, пока я горевала, в согласии с законами фольклора, безотчетно мифологизировался. В итоге в моей памяти Нуар достиг размеров сеттера, цыплята оказались чуть ли не бойцовыми петухами, а неведомый их хозяин, коварно подстергший кота, походил почему-то на циклопа. И – странное дело – ни с каким реальным соседским лицом злодей не соотносился.

Очень долго история Нуара хранилась в одном углу памяти, прочитанная из любопытства доносная бумага – в другом, а про фронтальной инцидент я и знать не знала. Концы с концами связал эпилог, возвративший сюжету драматургическую стремительность.

По смерти кота Нуара прошло почти тридцать лет – наступил, помнится, первый год перестройки. Отговорив свой доклад на конференции испанистов, где помимо филологов были историки и искусствоведы, я пила свой кофе в буфете Дома ученых в соседстве с ученой дамой, которая обратилась ко мне со всей приветливостью:

– Я ведь вас совсем ребенком помню! Я тогда только замуж вышла, и лето мы с мужем у его родителей жили, рядом с вашей дачей. Вы тогда таких громадных, ужасных зверюг держали!

– Каких зверюг?

– Якобы кошек.

Кошки действительно были больше обычных – на то и сибирские, теперь таких не водится – порода измельчала.

– Так вот, зверюга ваша нам медовый месяц в кошмар превратила. Каждый божий день пробиралась эта тварь через террасу в дом и нам на постель гадила! И выслеживали ее, и окна запирали, и двери, а ей хоть бы что – проберется и нагадит! Муж в конце концов...

⁴⁹ Мои родители встретились в 1943 г. на фронте.

Кофе колом застревает в горле, а пауза длится, как ей и надлежит, бесконечно.

Тем же вечером (а вовсе не «неделю спустя», как бы полагалось, если б характер мой был точной копией папиного), я, едва войдя в дом, восклицаю: «Мама, ты знаешь, что на самом деле случилось с Нуаром?! Сегодня на конференции...» и т. д.

Мама (спокойно): «Знаю».

И рассказывает мне фронтовой инцидент.

Странно, однако, шутит судьба. Ведь зачем-то же она поселила двадцать лет спустя, если считать от доноса, пусть не через стену, но забор в забор – в кошачьей досягаемости – прежнего соседа с семейством. Не знаю, кого судьба испытывала на этот раз, но попутно преподала урок и мне.

Мы с той семьей, понятно, не дружили домами, но с младшим сыном извечно соседа я, можно сказать, играла в песочек с полного согласия взрослых. Родительское отчуждение не касалось детей – и, думаю, не случайно, а по папиной воле.

Если я верно, пусть много позже, поняла его мысль, такую, в сущности, простую и естественную, он учил меня не судить за вину перед другим, пусть даже родным человеком, и тем паче не судить за чужую, хоть бы и отцовскую вину. Сейчас я формулирую этот урок и тем неизбежно упрощаю и искажаю смысл, в котором много обертонів. Наверное, есть и такой: не судите чужое – жестокое – время, особенно если вам выпало расти в вегетарианскую эпоху (а шестидесятые, несомненно, были одной из самых вегетарианских эпох нашей истории). Там, в тридцатых, «нас не стояло»⁵⁰, и каково там было изнутри, нам отсюда не видно.

Но это мои теперешние домыслы, выросшие, правда, из тогдашних ощущений. Другое дело – кот, замечательный зверь, не склонный к рефлексии, всё разом учувший и отомстивший за хозяина единственно доступным образом. Не тигр же он в самом деле и не рысь, чтоб должным образом разделаться с обидчиком! Ну, разве что доблестно осквернить брачное ложе наследника рода...

Понимаю неизбежную досаду на не первую уже недомолвку – «один из героев», «лицо весьма уважаемое», «с большими звездами» и тому подобное. Я и сама не раз досадовала, натываясь на фигуры умолчания, аббревиатуры типа NN и закрытые архивы. Но теперь – понимаю. Может, еще живы люди, которых неизбежно ранит сказанное, и совершенно не важно, знакома я с ними или нет, знаю или только предполагаю, что им будет больно. Но не только в этом дело. Ведь многих уже нет – ни той ученой дамы, весьма уважаемого специалиста, ни ее мужа, в свое время широко известного журналистскими инвективами против диссидентов, ни соседского младшего сына, с которым я играла в песочек... И все же... Я не знаю за собой права обвинять.

В конце концов, уже после войны, сосед сам испытал то, что готовил отцу. Отсидев год, уже после смерти Сталина он вышел из лагеря, был восстановлен в звании, снова служил. А когда мы соседствовали дачами, вновь занимал в министерстве обороны весьма высокую должность – в те годы, когда отец был министром...

Странные вещи спрашивают журналисты, когда по случаю юбилейных дат берут интервью. К примеру, неизменно интересуются: «Что говорил вам отец о Карибском кризисе?». Хотелось бы знать, какого ответа ждут. Рассказа о том, что за вечерним чаем папа делился с пятнадцатилетней дочерью вестью об угрозе войны, нависшей над миром, или вводил в курс операции «Анадырь»?

Да какой там вечерний чай! Те две недели папы не было дома. Я думала, что он в командировке, дело привычное, а маме эти долгие дни запомнились как самые страшные за все послевоенные годы. Она тоже не знала ровным счетом ничего, но, чувствуя, что происходящее более чем серьезно, днем ждала звонка, а ночами сидела на подоконнике, ожидая, что папа заедет домой хотя бы на четверть часа. Она мучилась страхом, но боялась не третьей мировой, а того, чего привыкла бояться: муж не вернулся, не звонит, раздаются странные звонки от порученцев («возможно, заедет... может быть, завтра») и она думает, как о неизбежности, – об аресте, ждет, что ее тоже возьмут... а что будет с дочкой, которой всего пятнадцать?

⁵⁰ Фраза А.А. Ахматовой, обращенная к Наталье Ильиной, рассуждавшей о том неведомом ей времени.

Когда мама, уже старенькая, рассказала мне об этом, я остолбенела: «Да ты что! Ведь 62-й год, не 37-й, откуда такой страх?». Мама ответила: «Я же видела, как людей уводили не только в 37-м – и после, и в блокаду. И тогда об этом думала». И это мама, про которую ее фронтовые друзья говорили: «Она такая храбрая»! Мама, в свои девятнадцать лет ставшая директором библиотеки в Лодейном Поле и подавшая в суд на отдел ОГПУ, занявший один из библиотечных залов: «Пускай отдадут для читательских конференций! Так будет справедливо!». Начальник отдела, отправляясь в суд, посмеиваясь, сказал ей, приглашая в двуколку: «Садитесь, девушка, подвезу! У нас же *общее дело*». (У них действительно было общее судебное дело.) Она села: «Я вам не девушка, а директор районной библиотеки!», доехала с ответчиком до суда – и, представьте, выиграла дело. Впрочем, отдел ОГПУ, видно, уже собрался переезжать, иначе вряд ли дело кончилось бы миром...

Еще журналисты любят спрашивать про отношения отца с Жуковым⁵¹ и запомнилось ли мне назначение отца министром. Мне – нет, но мама рассказывала, что тот октябрьский день помнится ей как один из самых тяжелых.

Папа вернулся домой чернее тучи, ужинать не стал, сказал: «Поедем на дачу». Ни одного слова за дорогу. И пока гуляли – долго, до темноты – ни одного слова. Мама хорошо распознавала ситуации, исключая вопросы. Наконец на крыльце появился мамин брат: «Родион Яковлевич, радио сказало, что вас министром назначили!». И тут уже мама не сдержалась:

– Что ж ты не отказался?

– Поди откажись.

И больше ни слова.

С тяжелым сердцем папа принял новые обязанности, не буду рассуждать, почему, ничего не хочу домысливать. Его адъютант Александр Иванович Мишин говорил мне, что вскоре после назначения, завершая партийную конференцию, на которой, как водится, прежние подлипалы не преминули вылить на Жукова ушат грязи, отец ясно сказал, что смещение – не эквивалент гражданской казни и не повод к улюлюканию: «Сделанного Жуковым у него никто не отнимет».

Кстати, весь аппарат Жукова – секретариат, отдел писем, машинистки – остался и работал при папе. Случай уникальный: обычно всех меняют на своих, как и было, к примеру, незамедлительно сделано после папиной смерти. (А тем двоим, кому тогда предложили остаться, поставили условие: никаких контактов с нашей семьей. И в кабинете – чтоб ненадолго не заразиться раком! – велено было произвести дезинфекцию.)

Мои же собственные впечатления о контактах с Жуковым скудны.

В отцовской записной книжке 60-х годов время от времени попадаются листки с числом, месяцем и нумерованным перечнем пунктов, обсуждаемых с Хрущевым. Судя по числам, встречи происходили регулярно, примерно раз в неделю. Расшифровать записи я не могу: цифры, буквы, числа. Самое понятное сокращение – РС. Но не о ракетах речь. В конце списков иногда появляется понятная фраза: «Просьба Жукова о том-то». И далее приписка – «удовлетворена». Значит, все просьбы Жукова согласовывались с Хрущевым, и ему, как свидетельствует книжка, не отказывали.

Насколько я знаю, папины отношения с Жуковым были внешне достаточно уважительными, но близкими не были никогда (да и сотрудничать в войну им – думаю, к счастью – практически не пришлось). Никогда я не слышала от папы ни одного слова о Жукове, а о том, что Жуков говорил об отце – если говорил, – без меня сказано предостаточно, так что без комментариев...

Впрочем, однажды Георгий Константинович разговаривал со мной, если можно назвать разговором единственную фразу. Дело было в кремлевской больнице на улице Грановского году, видимо, в 73-ом. Мама после смерти отца долго болела и вот в очередной раз попала в больницу; там же лежал Георгий Константинович. Когда я пришла, они сидели в холле и вели печальную беседу – о болезни, от которой умерли его жена и мой отец.

⁵¹ Георгий Константинович Жуков (1896–1974) – маршал Советского Союза (1943), четырежды Герой Советского Союза, кавалер двух орденов «Победа». Министр обороны СССР (1955–1957).

Мама меня представила. Георгий Константинович посмотрел на меня скорбно, думая, видимо, о своей дочке Маше, еще маленькой (лет на шесть моложе меня), и сказал негромким, но интонационно командирским голосом: «Твоя мать (здесь интонация поднялась, а за ней последовала долгая пауза) была о-о-очень красивая женщина».

Что я могла сказать в ответ? Интонационно предполагалось продолжение, каким отвечает парадный строй: «Здра... жла...». Моя мать, очень красивая (в плюсквамперфекте) женщина, при сем присутствовала, и встретила констатацию факта спокойно (а было ей пятьдесят лет). Разговор вернулся к болезням.

Кстати сказать, знаю историю, касающуюся жены Жукова Галины Александровны⁵² (папа рассказывал маме за ужином). Галина Александровна работала врачом в госпитале им. Мандрыка⁵³, и кто-то из Медсанупра, ревностный блюститель морали, распорядился уволить ее. Начальник госпиталя Николай Михайлович Невский⁵⁴, старинный папин друг, известил его об этом повелении. Отец спросил:

– Она хорошо работает?

– Хорошо.

– Значит, нет причин увольнять. А Медсанупр пускай за медициной следит, а не за моралью.

О довоенном, еще в Белоруссии, знакомстве Жукова с отцом, определившем многое в их отношениях, мне рассказал старинный папин друг Иван Николаевич Буренин. По его словам, при их знакомстве Жуков, будучи чем-то раздражен, повел себя, как обычно, – то есть приветствовал отца с включением ненормативной лексики. И к своему удивлению получил – от младшего по должности и званию – аналогичный ответ, чему удивился. Еще больше удивился сам Иван Николаевич, не знавший за отцом обыкновения прибегать к такой лексике. Затем Жуков поздоровался заново, уже в рамках вежливости, видимо, отдавая должное неожиданному отпору. Так паритет был установлен.

Вообще же к крику и мату отец никогда не прибегал – об этом говорят буквально все знавшие его и на фронте, и в послевоенные годы. Все сходятся на том, что контраст между приказным, подчеркнуто военным стилем Жукова и папиным – всегда на «вы», по имени-отчеству, не повышая голоса (что не исключало, конечно, требовательности) – был разителен и не всем пришелся по душе. (Редко с кем родители были на «ты», и я, привыкнув, что «вы» – самое естественное обращение, так и не научилась, даже в дружбе, переходить на «ты»).

Папину манеру обращения многие называли «штатской», но это не просто следствие самовоспитания. Отец слишком хорошо знал, каково быть солдатом, да ещё на войне, и никогда этого не забывал.

Однажды В. С. Голубович⁵⁵, военный историк, сказал мне мимоходом:

– Все знают, что Родион Яковлевич никогда не бил подчиненных.

Он продолжал, а я застряла на сказанном. Если про человека говорят, что он ходит на двух ногах, значит, это не повсеместная норма? Значит, другие, и не единицы, ходят на четырех?

– Вы хотите сказать – другие били?!

– А как же! NN для этого на фронте даже специально палку носил. И не он один. Это всякий, кто воевал там-то (последовало точное указание, где), знает.

Что же до повсеместной дедовщины, расцветшей махровым цветом в более поздние года, скажу одно: когда министром был отец, в армию идти не боялись. Может, и не особо хотели, но не боялись. Помню, как в Хабаровске, папа спешно уезжал в командировку – не то на Сахалин, не то на Камчатку, потому что там случилось ЧП: застрелился солдат. Не знаю, разбираются ли теперь командующие округами лично с гибелью военнослужащего, но отец полетел в ту часть не-

⁵² Галина Александровна Жукова (1926–1973) – жена Г. К. Жукова.

⁵³ Пётр Васильевич Мандрыка (1884–1943) – хирург, генерал-майор военно-медицинской службы (1943).

⁵⁴ Невский Николай Михайлович (1893–?) – генерал-майор медицинской службы. В Красной Армии с 1919 г. Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. С 1948 г. начальник ЦВКГ им. Мандрыка.

⁵⁵ Голубович Василий Сергеевич – историк, автор книги «Маршал Малиновский», Воениздат, 1984.

медленно, как только узнал. И я, восьмилетняя, запомнила это как чрезвычайное событие, вставшее вровень с нашими семейными потерями. В тот год у меня умерли обе бабушки, далеко, на Украине, и я помню горе родителей, которые не смогли поехать на похороны.

А вот известия о смерти Сталина, годом раньше, я не помню. Мне бы и в голову не пришло об этом упомянуть, настолько естественной казалась мне эта отрешенность, если б не удивившая меня фраза ровесника, Саши Чуйкова⁵⁶: «Когда Сталин умер, у нас дома было такое горе!».

Какое такое горе? И я стала копаться в воспоминаниях, разбираясь, кем был для меня Сталин в раннем детстве, и обнаружила его тотальное отсутствие. Ни портретов в доме, ни разговоров о нем. Ничего! Ленин – да, у папы на столе стояла дареная фарфоровая фигурка, и ощущалось уважение к этому имени. А Сталин вошел в мое сознание много позже – в школе, как исторический персонаж, воспринятый сквозь призму XX съезда. Только так.

Что позволило так растить ребенка? Жизнь «в глухой провинции у моря», в благословенном отдалении от столиц? Но как я ухитрилась пропустить мимо ушей агитпроп начальной школы?

Довольно долго я не сопрягала деяния отца народов с папиной жизнью. И напрасно.

Расскажу о том, что знаю – не от папы, а от Аделины Вениаминовны Кондратьевой⁵⁷, с которой, как и с ее сестрой Паулиной⁵⁸ и их отцом⁵⁹ (все трое переводчики), отец подружился еще в Испании. Во время Великой Отечественной войны Аделина служила в разведотделе папиной армии, а потом и фронта («испанцы» старались держаться вместе – в том же разведотделе работала Мария Фортус⁶⁰).

С Аделиной Вениаминовной я познакомилась поздно, уже очень взрослым человеком. Ей тогда было за восемьдесят, и она еще долго приглядывалась ко мне, решая, можно ли мне доверить то, о чем считала своим долгом молчать так долго. Потом все же рас-

⁵⁶ Александр Васильевич Чуйков (1946–2012) – скульптор, сын маршала Советского Союза В.И. Чуйкова.

⁵⁷ Аделина Вениаминовна Кондратьева (девичья фамилия Абрамсон, 1920, Буэнос-Айрес – 2012) – переводчица, участница гражданской войны в Испании. Родилась в Аргентине в семье эмигрантов, покинувших Россию до революции и возвратившихся в 1932 г. в СССР.

В 1937 г. – переводчица при штабе авиации Испанской Республики. Во время Великой Отечественной войны также военная переводчица. С 1944 г. преподаватель Военного института иностранных языков Красной Армии. В 1950–1953 гг. – заведующая кафедрой Московского педагогического института, в 1956–1966 гг. – сотрудник института мировой экономики и международных отношений АН СССР, с 1966 г. – старший научный сотрудник института международного рабочего движения АН СССР. Кандидат исторических наук.

Организатор и лидер Ассоциации советских добровольцев-участников гражданской войны в Испании. Почетный председатель испанской Ассоциации жертв гражданской войны и изгнания.

⁵⁸ Паулина Вениаминовна Мамсурова (1915–2000) – переводчица, участница гражданской войны в Испании, жена легендарного разведчика Хаджи Мамсурова (прототипа Джордана из романа Хэмингуэя «По ком звонит колокол»). В Испании работала с кинодокументалистом Романом Карменом.

⁵⁹ Беньямин Абрамсон (1889–1965) – профессиональный революционер, еще до 1917 г. эмигрировал из России в Аргентину, где впоследствии стал советским торгпредом. Вскоре после возвращения в СССР уехал вместе с дочерьми на испанскую войну переводчиком. В годы борьбы с космополитизмом подвергался аресту. Был реабилитирован.

⁶⁰ Мария Фортус (1900–1981) – советская разведчица, партизанка, участница гражданской войны, во время которой внедрялась в отряды Махно и банду Булак-Балаховича, чудом осталась в живых. В 1929 г. Мария Фортус с мужем-испанцем отправилась на нелегальную работу в Испанию, её муж, секретарь каталонской компартии, погиб в 1930 г. В 1934 г. разведчица вернулась в Москву, с 1936 г. снова в Испании, где работает военной переводчицей. Ее сын Рамон – лётчик, направленный Коминтерном в Испанию в 1936 г. погиб в воздушном бою.

После возвращения в Москву Фортус с отличием закончила в 1941 г. Военную академию им. Фрунзе. Во время Великой Отечественной войны была начальником штаба женского 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка, воевала в разведывательно-диверсионном партизанском отряде и в разведотделе штаба 3-го Украинского фронта, где лично подготовила операцию «Альба Регия» в венгерском городе Секешфехерваре. Выйдя в отставку в 1955 г., защитила кандидатскую диссертацию, работала в Институте конкретных социальных исследований АН СССР.

Ее жизни посвящены два кинофильма – «Альба Регия» (1961) венгерского режиссера Михая Семеша с участием Татьяны Самойловой и «Салют, Мария!» Иосифа Хейфица (1970).

сказала мне три истории. Одну – об отце и Сталине, другую – о том, как она попала в плен, и третью – о судьбе переводчицы Сони Бессмертной⁶¹.

Истории поразительные, но сейчас, раз речь о Сталине, расскажу первую. Ее Аделина услышала от моего отца в расположении 66-й армии на Сталинградском фронте в сентябре 1942 года. А то, о чем он ей рассказал, произошло в июле того же года после сдачи Ростова-на-Дону.

Этот многострадальный город, один из наиболее тяжело пострадавших в войну, наши войска оставляли дважды – 17 ноября 1941 года и 24 июля 1942-го. Второй раз Ростов без приказа Ставки оставил Южный фронт, которым командовал мой отец. Это о его фронте в знаменитом приказе № 227 от 28 июня, известном под названием «Ни шагу назад!», сказано:

«Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором.

Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Паникеры и трусы должны истребляться на месте».

Приказ № 227 вменял в обязанность военным советам фронтов передавать в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный, без приказа отход войск. Ответственность же самих военных советов и в первую очередь командующего фронтом стократ выше, чем у командарма, и, соответственно, тяжелее вина.

На следующий день после сдачи Ростова Южный фронт был расформирован, его разбитые армии влились в Северо-Кавказский. Отца и члена военного совета сняли с должностей. Странно, но начальника штаба фронта, генерала Антонова⁶² громы и молнии не коснулись: напротив, 28 июля, в день подписания приказа его назначили начальником штаба Северо-Кавказского фронта, которым командовал С. М. Буденный⁶³.

С кем вместе отец был вызван в Москву, я не знаю: Аделина не запомнила фамилию. Установить, кто это был, мне не удалось, а ведь это – ключевой момент всей истории. Без этого имени рассказ становится бездоказательным апокрифом, но я все же перескажу слышанное от Аделины Вениаминовны не только потому, что ей безоговорочно верю, но и потому, что слишком уж много в этой истории загадок и слишком разноречивы остальные свидетельства – в них еще разбираться и разбираться...

Итак, последние дни июля 1942 года, гостиница «Москва». Здесь ждут вызова в Кремль отец и его спутник. Первый день ожидания, второй, третий. Представьте, каково это – ждать приговора, а точнее – трибунала, ведь, по сути, приговор уже вынесен и оглашен на всю страну в приказе «Ни шагу назад!».

На третий день нервы у отца и его спутника сдали: они напились. А к ночи явился гонец с известием: «Аудиенция в семь утра». За известием последовало чудо мгновенного и полного протрезвления – такого, что, казалось, они отродясь спиртного в рот не брали. Разошлись по своим комнатам – не спать, какой тут сон. Привести себя порядок, побриться, собраться с духом. За полчаса до назначенного времени отец вышел в коридор, ждет спутника, а того нет, постучался к нему в номер – тихо. Еще минут через десять выломали дверь.

К Сталину отцу пришлось идти одному. Его соответчик покончил с собой. Сталин встретил отца вопросом: «А где генерал...?» (Будто не знал!). Отец ответил: «Генерал застрелился», – и услышал вкрадчивое: «Что же вам помешало сделать то же самое?».

Узнаю льва по когтям – по этой фразе, такой безошибочно сталинской.

⁶¹ *Соня Бессмертная* – переводчица на гражданской войне в Испании.

⁶² *Антонов Алексей Иннокентьевич* (1896–1962) – генерал армии, член Ставки ВГК, начальник Генерального штаба в 1945–1946 гг., участник Ялтинской и Потсдамской конференций.

⁶³ *Буденный Семен Михайлович* (1883–1973) – маршал Советского Союза, трижды Герой Советского Союза, кавалер Георгиевского креста всех степеней. Командующий Первой конной армией РККА в годы Гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны входил в состав Ставки верховного главнокомандования, участвовал в обороне Москвы, командовал группой войск армий резерва Ставки (июнь 1941 г.), затем – главком войск Юго-Западного направления (июль – сентябрь 1941 г.), командующий Резервным фронтом (сентябрь – октябрь 1941 г.), главком войск Северо-Кавказского направления (апрель – май 1942 года), командующий Северо-Кавказским фронтом (май – август 1942 г.). С января 1943 г. командующий кавалерией Красной армии.

В ответ отец кратко повторил то, о чем уже говорил Сталину неделю назад по прямому проводу: сказал про сокрушительное неравенство сил, про то, что отход спас тех, кого еще можно было спасти.

Долгая пауза. И наконец:

– Идите. Вам сообщат наше решение.

И всё.

Уж не знаю, как скоро отцу сообщили решение, через три дня или раньше – причем решение неожиданно мягкое. Почему? Потому что уже не 41-й год и с маху уже не расстреливали? Потому что карающую длань отвело самоубийство отцовского спутника? Может, и так. Но, мне думается, важнее другая причина – зафиксированная в стенограмме⁶⁴ разговора по прямому проводу от 22 июля 1942 г., за два дня до сдачи города.

В 18:00 начался этот долгий – длиной в полтора часа – разговор. Участники беседы: из Кремля Сталин, из действующей армии командующий Южным фронтом Р. Малиновский, член военного совета фронта И. Ларин⁶⁵, заместитель командующего Л. Корниец⁶⁶. (И снова та же странность: третьим у телефона обязан быть не замкомандующего, а начальник штаба, но Антонов отсутствовал.)

Отец доложил обстановку, сообщил крайне тревожные разведданные (по контексту понятно, что говорил он об этом не впервые), но Сталин, все еще убежденный, что Гитлер готовит новое наступление под Москвой, и слышать не хотел о возможной концентрации сил на юге. Цитирую:

«Сталин. Ваши разведывательные данные малонадежны. Перехват сообщения полковника Антонеску у нас имеется. Мы мало придаем цены телеграммам Антонеску. Ваши авиаразведывательные сведения тоже не имеют большой цены. Наши летчики не знают боевых порядков наземных войск, каждый фургон кажется им танком, причем они не способны определить, чьи именно войска двигаются в том или ином направлении. Летчики-разведчики не раз подводили нас и давали неверные сведения. Поэтому донесения летчиков-разведчиков мы принимаем критически и с большими оговорками. Единственно надежной разведкой является войсковая разведка, но у вас нет именно войсковой разведки или она слаба у вас.

Критический разбор всех авиадонесений приводит к следующим выводам:

1. У переправ на Дону от Константиновской до Цимлянской у противника имеются лишь незначительные группы.

2. Наши липовые командиры объята страхом перед немчурой; у страха, как известно, глаза велики, и, конечно, понятно, что каждая маленькая группа немцев рисуется им как пехотная или танковая дивизия.

Вы должны немедленно занять южный берег Дона до Константиновской включительно и обеспечить оборону южного берега Дона в этой зоне».

Для исполнения поставленных – нереальных – задач Сталин в тот же день переподчинил Южному фронту часть уже рассеянных немцами войск соседнего Юго-Западного фронта, но они, утратив связь, даже не узнали о переподчинении и выполнить приказ нового командующего не смогли. Фронт рушился, война вновь шла вопреки ожиданиям Сталина, но в точности так, как предвидели те самые «паникеры – липовые командиры, объятые страхом перед немчурой».

И хотя в приказе № 227 эта терминология осталась, Сталин не забыл, что его предупреждали. Он вообще ничего не забывал. Сталин, по многим свидетельствам, осознавал свои просчеты, хотя никогда о них не говорил. И не трибунал, а всего-навсего понижение в должности командующего фронтом, который «покрыл свои знамена позором», означали, что разговор, состоявшийся за неделю до приказа № 227, Сталин – помнит.

⁶⁴ Из этих стенограмм (а стенографировали все разговоры по прямому проводу с фронтами) я читала очень немногие – приведенные в разных книгах и, видимо, добытые авторами в архивах. Добраться до стенограмм мне не удалось и даже узнать, где именно они хранятся. Но представьте, сколько бы открылось, если б их наконец напечатали – день за днем!

⁶⁵ Ларин Илларион Иванович (1903–1942 или 1943) – политработник РККА, генерал-майор (1942). Покончил жизнь самоубийством.

⁶⁶ Корниец Леонид Ромánович (1901–1969) – советский и украинский политический деятель. С июля 1941 г. по октябрь 1942 г. был членом Военного совета Южного и Северо-Кавказского фронтов. С сентября 1943 г. – членом Военного совета Воронежского фронта.

Но кто же ждал вызова в Кремль вместе с отцом? Антонов и Корниец живы, а вот генерал Ларин – нет. Иван Илларионович Ларин действительно застрелился, но, как свидетельствуют документы, полугодом позже.

Где и кем был Илларион Иванович Ларин с августа до ноября 1942 года неведомо. После июля его фамилия упоминается вновь лишь в приказе от 2 ноября 1942 года о формировании 2-й Гвардейской армии: он назначен членом ее военного совета. Может, попытка самоубийства после Ростовской трагедии все-таки была? И в первую минуту еще не было известно, выживет ли он, а дальше – госпиталь и новое значение?

Илларион Иванович Ларин – давний друг отца, вместе они служат с марта 1941-го, когда Ларин стал военкомом 48-го стрелкового корпуса, а отец комкором; вместе они были на Южном фронте. И вся логика событий подсказывает: в то утро вызова к Сталину они тоже ждали вместе.

Но документ есть документ, подпись Ларина стоит под приказами по 2-й Гвардейской и в ноябре, и в декабре. А вот свидетельства о его самоубийстве разноречивы (это донесения особого отдела и мемуары Хрущева). Даже даты смерти в них разные! В одних донесениях 25 декабря, в других – 27-е, а в третьих вообще 2 февраля. Неясно и место. В одном источнике говорится, что самоубийство произошло в госпитале после легкого ранения, в другом – «у себя на квартире». Что за госпиталь, что за квартира? Да и какая могла быть у Ларина причина стреляться – и 25 декабря, когда самые трудные для 2-й Гвардейской дни были уже позади, не говоря уж о 2-м февраля 43-го, дне победы под Сталинградом?

Есть версия, связывающая самоубийство Ларина с проводимым особым отделом расследованием дезертирства отцовского адъютанта капитана Сиренко, который еще в августе перешел через линию фронта, чтобы, согласно оставленной им записке, «самостоятельно создать партизанский отряд вследствие того, что наши генералы показали себя неспособными командовать, разложились, пьянствуют и развратничают, вроде старого развратника генерала Жука». Но ведь дезертировал Сиренко в августе, а речь о декабре!

Оставим моральный облик генерала Жука, начальника артиллерии фронта, умершего в 1943-м от разрыва сердца (не вследствие ли разбирательств?), за него Ларин отвечать не мог, а что до Сиренко – так ведь он все-таки был отцовским адъютантом, и отцу, а не Ларину, надлежало бы беспокоиться по этому случаю. Да и не самым драматическим событием того лета, думаю, был побег адъютанта...

Все свидетельства тем не менее сходятся в одном: Ларин оставил предсмертную записку. Но число в ней не проставлено, и текст ничего не проясняет. Вот его записка: «Я не при чём. Прошу не трогать мою семью. Родион умный человек. Да здравствует Ленин».

Что это значит? Что ни слово, загадка. От чего отрещивается Ларин? Кого и зачем он уверяет, что отец – умный человек? Естественно, в контексте тех лет ожидать другой характеристики – убежденный коммунист, преданный делу партии и т. п. И наконец, почему помянут Ленин, а не Сталин?

На эту странность немедленно обратил внимание бдительный начальник политуправления Красной армии Щербаков⁶⁷, которому по должности полагалось разбираться в этой ситуации вместе с органами безопасности. В итоге разбора после доклада Щербакова Сталин поручил члену Военного совета Сталинградского фронта Н. С. Хрущеву «лично присматривать за Малиновским». Сергей Хрущев⁶⁸, комментируя отцовские воспоминания, пишет: «Сталин уже занёс топор над головой Малиновского, отцу удалось отвести удар».

Не знаю, прояснится ли когда-либо туман, окутывающий эту историю, или она так и останется мифологической версией. Я рассказала то, что знала от Аделины Вениаминовны – человека, несомненно, заслуживающего доверия, но все же не участницы событий. И то же самое, но вкратце, мне рассказывал Иван Николаевич Буренин.

Но что же дальше?

После приказа № 227 отца откомандировали на Северо-Кавказский фронт, в последних числах августа назначили командармом.

⁶⁷ Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945) – советский государственный и партийный деятель, генерал-полковник (1943). Начальник Совинформбюро с его образования 24 июля 1941 г., с июля 1942 г. начальник Главного политуправления Красной Армии.

⁶⁸ Сергей Никитич Хрущёв (род. 1935) – советский и российский учёный, литератор. Сын Н.С. Хрущева. Доктор технических наук, профессор. Герой Социалистического Труда (1963).

В ту осень его 66-я армия делала, что могла, и это немало, но, увы, и немного. Фронтом, в который входила 66-я, командовал Константин Константинович Рокоссовский⁶⁹, тогда они и познакомились. О задачах, стоявших перед отцовской армией, и об их первой встрече с отцом рассказал сам Константин Константинович в книге «Солдатский долг». Этот фрагмент я приведу целиком:

«Мне еще оставалось ознакомиться с войсками 66-й армии, которая располагалась в междуречье, упираясь своим левым флангом в Волгу и нависая над Сталинградом с севера. Выгодность этого положения обязывала армию почти непрерывно вести активные действия, стремясь ликвидировать образованный противником коридор, отрезавший войска 62-й армии Сталинградского фронта от наших частей. Теми силами и средствами, которыми располагала 66-я армия, эта задача не могла быть выполнена. Противник, прорвавшийся здесь к Волге, занимал укрепления так называемого Сталинградского обвода, построенного в свое время еще нашими войсками. У врага было достаточно сил, чтобы удержать эти позиции. Но своими активными действиями армия облегчала участь защитников города, отвлекая на себя внимание и усилия противника. Перед 66-й армией находились соединения немецких войск (14-й танковый корпус).

Прибыв на командный пункт 66-й армии, я не застал там командарма. «Убыл в войска», – доложил начштаба армии генерал Корженевич⁷⁰. Побывав на командных пунктах дивизий и полков, я добрался до КП батальона, но и здесь командарма не было, сказали – в одной из рот. Я решил добраться туда из любопытства: чем там занимается командующий? И направился туда, где шла довольно оживленная артиллерийско-минометная перестрелка; было похоже, что противник подготавливает вылазку. Где в рост по ходу сообщения, а где и согнувшись в три погибели, по полузасыпанным окопам добрал я до самой передовой. Здесь и увидел среднего роста коренастого генерала. После представления и краткой беседы я намекнул командарму, что вряд ли есть смысл самому лезть по ротной позиции. Родион Яковлевич замечание выслушал со вниманием. Лицо его потеплело:

– Я сам понимаю, – улыбнулся он, – но уж очень начальство донимает, вот и ухожу от него подальше. И людям, когда я здесь, спокойнее.

Расстались мы друзьями, достигнув полного взаимопонимания. Конечно, на армию возлагалась непосильная задача, командарм понимал это, но обещал сделать все от него зависящее, чтобы усилить удары по противнику».

В те же трудные дни судьба занесла в расположение отцовской армии Константина Симонова⁷¹, и в его военном дневнике появилась запись, которая дорога мне не меньше, чем свидетельство К. К. Рокоссовского, потому что в ней я узнаю отца, а это в мемуаристике (не говоря уже о журналистике) редкость. Привожу ее целиком:

«Из Дубовки мы попали в войска 66-й армии, которой командовал генерал Малиновский. Помнится, как раз в то утро армия приостановила наступление. Несколько суток тяжелых боев при очень слабом насыщении артиллерией, да еще в условиях полного превосходства немцев в воздухе, не дали ощутимых результатов. Продвижение в сторону Сталинграда измерялось где километром-полтора, а где всего несколькими сотнями метров.

Обо всем этом сказал сам Родион Яковлевич Малиновский, рекомендуя нам ехать от него к соседу справа, который спешно подтягивал части для предстоящего наступления.

Мы были у Малиновского на командном пункте, сидели рядом с ним на лавке у входа в землянку, вырытую в поросшем кустарником скате какого-то оврага.

⁶⁹ *Рокоссовский Константин Константинович (Ксавэрьевич)* (1896–1968) – советский и польский военачальник, дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Маршал Советского Союза (1944), маршал Польши (1949).

⁷⁰ *Корженевич Феодосий Константинович* (1899–1972) – генерал-лейтенант. С июля 1941 г. начальник оперативного отдела штаба Южного фронта, затем штаба 6-й армии и с февраля 1942 г. начальник штаба 9-й армии. С августа 1942 г. начальник штаба 66-й армии. Затем начальник штаба последовательно Воронежского фронта, Юго-Западного фронта, 3-го Украинского фронта. С мая и августа 1944 по апрель 1945 начальник штаба 4-го Украинского фронта.

⁷¹ *Симонов Константин (Кирилл) Михайлович* (1915–1979) – русский советский писатель, поэт, киносценарист, общественный деятель. Герой Социалистического Труда (1974). Лауреат Ленинской (1974) и шести Сталинских премий (1942, 1943, 1946, 1947, 1949, 1950).

Малиновский был спокойно-мрачен и немногословно, горько откровенен. Ему совершенно явно не хотелось с нами разговаривать, но, раз мы приехали к нему, счел своим долгом прямо сказать, что здесь, на участке его армии, успеха нет.

Наверно, у каждого из воевавших от начала и до конца войны был на ней свой самый трудный час.

Мне почему-то кажется, что в этом заросшем кустарником овраге северней Сталинграда, в день, когда наступление 66-й выдохлось, и она остановилась, мы застали Малиновского как раз в этот самый его трудный час войны. Позади были поражение, понесенное Южным фронтом, падение Ростова и Новочеркаска и та тяжесть ответственности за случившееся, о которой шла речь в июльском приказе Сталина.

И после всего этого – назначение сюда командармом 66-й, и, несмотря на отсутствие достаточных сил и средств, приказ наступать, прорвать фронт немцев, соединиться с окруженной в Сталинграде 62-й армией, и после нескольких дней кровопролитных боев продвижение всего на сотни метров, остановка, неудача.

Что было на душе у Малиновского? О чем он мог думать и чего мог ждать для себя? Мне остается только поражаться задним числом той угрюмой спокойной выдержке, которая не оставляла его, пока он разговаривал с нами в это несчастное для себя утро».

Я знаю эту угрюмую спокойную выдержку, способность сказать себе и не таить от других горькую правду. Но с одним я бы не согласилась: с тем, что это был для отца самый трудный день войны. Кто спорит – трудный, но, думаю, все же не самый.

Отцовский ответ на вопрос о самом трудном дне я еще приведу, но прежде надо рассказать о 2-й Гвардейской.

Эта сильная, новосформированная армия, против всех правил изначально получившая именование Гвардейской, просуществовала меньше трех лет, но сделанное ею бесценно: без нее не было бы победы под Сталинградом. Первым командующим этой армии, сформированной осенью 1942 года в Тамбове, в самые трудные месяцы, когда она сражалась под Сталинградом, был отец, начальником штаба – Сергей Семенович Бирюзов⁷². Они познакомились в Тамбове, принимая армию, и стали друзьями на всю оставшуюся жизнь.

По замыслу Ставки 2-я Гвардейская должна была сыграть конечную роль в Сталинградской операции и добить Паулюса⁷³, однако пока она двигалась из Тамбова, картина на южном театре военных действий изменилась: наступление Манштейна⁷⁴, шедшего от Котельникова и Тормосина на выручку Паулюсу, внесло непредвиденные коррективы.

Сильная вражеская группировка утром 12 декабря начала бои и продвинулась совсем близко к Сталинграду: до Паулюса танкам Манштейна оставался один переход – 35 километров. Кольцо окружения, созданное нашими войсками, могло быть прорвано в самом скором времени. И тогда 2-ю Гвардейскую развернули и спешно направили навстречу Манштейну. Всю ответственность за это решение взял на себя координатор действий фронтов А.М. Василевский⁷⁵ – надвигающаяся катастрофа требовала безотлагательных действий, а

⁷² *Бирюзов Сергей Семёнович* (1904–1964) – маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1958 г.), начальник Генштаба Вооружённых сил СССР (1963–1964). Погиб при исполнении служебных обязанностей.

⁷³ *Паулюс Фридрих Вильгельм Эрнст* (1890–1957) – немецкий военачальник, один из авторов плана Барбаросса. С 1943 г. генерал-фельдмаршал; командующий 6-й армией, окружённой и капитулировавшей под Сталинградом.

⁷⁴ *Манштейн (Левински) Эрх фон* (1887–1973) – немецкий фельдмаршал, участник Первой и Второй мировых войн. В 1944 г. отправлен в отставку вследствие разногласий с Гитлером. В мае 1945 года арестован британскими войсками и приговорён британским трибуналом к 18 годам тюрьмы за «недостаточное внимание к защите жизни гражданского населения» и применение тактики выжженной земли. Освобождён в 1953 г. по состоянию здоровья. Работал военным советником правительства Западной Германии.

⁷⁵ *Василевский Александр Михайлович* (1895–1977) – маршал Советского Союза (1943), начальник Генштаба, член Ставки Верховного Главнокомандования. С февраля 1945 г. командовал 3-м Белорусским фронтом. В 1945 г. главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке в войне с Японией. В 1949–1953 гг. Министр вооружённых сил. Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945), кавалер двух орденов «Победа» (1944, 1945).

Ставка и Верховный уже который день молчали. Возможно, потому, что им слишком жалко было откладывать конечный этап операции, а без свежей армии покончить с окруженной армией Паулюса не хватало сил. Но промедление могло погубить все. В конце концов, уже когда 2-я Гвардейская шла наперерез Манштейну, Ставка согласилась с Василевским. Наше счастье, что у Александра Михайловича достало мужества не ждать верховных распоряжений.

Все это подробно и документировано описано в книге А.М. Василевского «Дело всей жизни», а о своем несогласии с таким решением пишет в «Солдатском долге» К.К. Рокоссовский – командующий Донским фронтом: это его фронту предназначалась сильная и свежая армия, которую теперь отнимали. Что же до мемуаров А.И. Еременко⁷⁶, командующего Сталинградским фронтом, которому переподчинили 2-ю Гвардейскую, то его версия событий в шестидесятые годы была подробно анализирована и аргументировано опровергнута А.М. Василевским в «Военно-историческом журнале» с пометой, что написанное явилось результатом обсуждения темы с моим отцом и представляет их общее мнение.

О том, что такое обсуждение состоялось, свидетельствуют и отцовские маргиналии на соответствующих страницах книги А.И. Еременко «Сталинград». Не сомневаюсь, что есть пометки и на экземпляре, принадлежавшем А. М. Василевскому, и на экземпляре К.К. Рокоссовского, да и на экземплярах других участников событий. Интереснейшая получилась бы публикация, если бы собрать все маргиналии и представить их рядом с мемуарным текстом – объектом полемики. Но стоят себе экземпляры с маргиналиями на полках семейных библиотек, недоступные взору исследователей...

Не думаю, что сегодня кто-либо вправе судить, какое решение следовало предпочесть: план Василевского, который был осуществлен, или замысел Рокоссовского, оставшийся гипотетическим. Но замечу: это разногласия равнокомпетентных людей, знающих, что такое ответственность и привыкших нести ее со всеми последствиями. У их слов – одна цена, а у тех, кто рассуждает об этом сегодня, – совсем другая. Сослагательное наклонение применительно к истории, такое заманчивое, в особой чести у тех, кто, рассуждая снисходительно-поучающим тоном с телеэкрана, как орешки, щелкает уравнения со всеми известными. Кто спорит – хорошо море с берега. Особенно теплое и в штиль.

Это сегодня понятно, что от тех событий декабря 1942 года на подступах к Сталинграду, зависела не только судьба Сталинградской битвы, но и в конечном счете судьба войны. Если бы Манштейн пробился и вызволил Паулюса, были бы напрасны подвиги и муки тех, кто долгие месяцы сражался в растерзанном городе и умирал в раскаленной летним солнцем степи на подступах к нему летом 42-го. А если бы не выстояла 2-я Гвардейская, война, наверно, продлилась бы дольше, и не случилось бы коренного перелома в войне, и король Георг⁷⁷ не прислал бы в дар городу в знак восхищения воинской доблестью его защитников, «крепких, как сталь», рыцарский меч, украшенный драгоценными камнями. Но не в камнях и не в благородном жесте британского монарха суть, а в том, что весь мир, дотоле сомневавшийся, тогда понял, что победа будет за нами.

Но в середине декабря катастрофа казалась почти неминуема: 14 декабря на пути танков, пробивающихся к Паулюсу, остались только разрозненные стрелковые части и мехкорпус. Тогда все зависело от предельно измученной и понесшей огромные потери 51-й армии, которой командовал Труфанов⁷⁸, – от того, сможет ли она дождаться 2-й Гвардейской. Свои дни 51-я армия выстояла. А 2-я Гвардейская, выгрузившись 16 декабря, в стужу и вьюгу пешим порядком двинулась навстречу Манштейну и с марша 18 декабря вступила в бой, сменив остатки измученных до предела войск, уже отступивших к Аксаю. Манштейн уже торжествующе радировал Паулюсу: «Будьте уверены в нашей помощи», когда перед ним встали передовые части 2-й Гвардейской. Теперь все уже зависело от нее.

Наверно, у каждого, кто воевал, была безошибочно распознаваемая минута, когда он знал: вся война сейчас зависит от него одного, оттого, что и как он сделает в эту минуту, здесь, на крохотном куске земли, у безвестного хутора, у речки, имя которой, кроме здеш-

⁷⁶ Еременко Андрэй Іванович (1892–1970) – маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1944).

⁷⁷ Георг VI (Альберт Фредерик Артур Георг; 1895–1952) – король Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Канады, Австралии и Южной Африки с 11 декабря 1936 г.

⁷⁸ Труфанов Николай Иванович (1900–1982) – генерал-полковник (1955). С июля 1942 г. по февраль 1943 г. командующий 51-й армией.

них хуторян, никому не ведомо. Для всех воинов 2-й Гвардейской, в равной мере для командующего, солдата, лейтенанта, стрелка или танкиста, такая минута настала декабрьским днем 1942 года на берегу речки со странным именем Мышкова.

На берегу этой неприметной речки в то холодное утро встретились и встали друг против друга танки: наши и немецкие. Сутки ни те, ни другие не начинали атаку. Почему?

Отец объяснил это в письме Сталинградским школьникам, которые просили рассказать о том, чем памятна ему Сталинградская битва:

«Громославка была самым горячим участком нашего фронта. Противник рвался на северный берег реки Мышкова. Воздушная разведка донесла, что противник разворачивает для атаки танки – возникла серьезная опасность прорыва. У нас было, пожалуй, даже больше танков, но без горючего: в баках оставалось по четверти заправки, но вражеской атаки нельзя было допустить. Я отдал приказ снять с танков маскировку, а если они укрыты в оврагах, вывести их на бугры – пусть враг видит, с чем ему придется иметь дело. И цель оказалась достигнута. В ставку Гитлера полетела срочная депеша: «Вся степь усеяна русскими танками. Нуждаемся в подкреплении». Фашисты не решились атаковать. Так время, необходимое для подвоза горючего, было выиграно, а положение – спасено».

Но это сейчас мы знаем, что Манштейн запросил подкрепления и стал ждать. А те, кто сидели в этих танках без горючего, вышедших на бугры, – превратившихся, по сути дела, в мишени? Они – не знали, почему противник не атакует, и не знали, получают ли горючее, и когда. Целые сутки они ежесекундно ждали атаки, перед которой оказались бы беззащитны. И командующий армией, взявший на себя ответственность, тяжелее которой и представить невозможно, тоже не знал, что там решил Манштейн, целые сутки не знал.

Иногда меня спрашивают, о чем бы я спросила отца сегодня, если б могла. Я бы спросила о той истории, рассказанной Аделиной, и об этом решении на Мышкове: «Что это было? Выверенный военный или психологический расчет? Интуитивное знание? Или отчаянный – за пределом отчаянья – шаг за гранью риска?»

В ту ночь удача встала на нашу сторону: к танкам 2-й Гвардейской горючее пришло раньше, чем подкрепление, которого так и не дождался Манштейн. И с той декабрьской ночи 1942 года, когда на секунду прибавился день, время войны повело другой счет – счет Победы.

Об этом, уже после войны, вспоминая проигранные сражения, писал немецкий генерал Меллетин⁷⁹. Вот его горькое признание: «Поражение на ни чем не примечательной речке Мышкова положило конец надеждам Гитлера на создание империи».

Слава 2-й Гвардейской армии вспыхнула на десятилетие, уже после смерти отца, когда в 1970 году вышел роман Юрия Бондарева⁸⁰ «Горячий снег», и название его тут же оторвалось от текста и вошло в статьи, речи и мемуары о войне. А когда в 1972-м вышел одноименный фильм с Георгием Жженовым⁸¹ в роли командарма, его посмотрела вся страна.

Но с тех пор много воды утекло, и страну, которую защищали герои романа, смыло потоком истории. Сейчас, если скажу, что отец командовал той армией, про которую фильм, даже молодые музейщики ответят: «Да? Надо бы посмотреть...».

Отец – не прототип командарма Бессонова. Но завершающая фильм фраза: «Все, что могу... все, что могу лично», – его. Она действительно сказана в тех самых обстоятельствах и означает вот что: командарм своей властью имел право наградить орденом Красной звезды или орденом Красного знамени, но к Герою Советского Союза – тому званию, которое все они, солдаты 2-й Гвардейской, **бесспорно, заслужили, – он мог только представить**. Поэтому командарм награждает их на еще не остывшем поле боя *тем, чем может*: «Все, что могу лично».

⁷⁹ Меллетин Фридрих Вильгельм фон (1904–1997) – генерал-майор танковых войск вермахта. Вместе со своим корпусом участвовал в Сталинградской битве в рамках операции по блокированию 6-й армии Паулюса, с которым лично поддерживал радиоконтакт.

⁸⁰ Бондарев Юрий Васильевич (род. 1924) – русский писатель. Герой Социалистического Труда (1984). Лауреат Ленинской (1972) и двух Государственных премий СССР (1977, 1983). Роман «Горячий снег» был написан в 1969 г.

⁸¹ Жженов Георгий Степанович (1915–2005) – актёр театра и кино. Народный артист СССР (1980). Лауреат Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых (1975) за исполнение роли генерала Бессонова в фильме «Горячий снег».

По собственному признанию автора, Бессонов – обобщенный образ советского военачальника, в котором есть что-то от Жукова, что-то от Конева⁸², а может, и от других. Таки ми их – Жукова и Конева – представлял автор, но военачальников этого ранга, включая своего командарма, он, в ту пору лейтенант, ни разу даже издали не видел.

Драматургическая линия командарма в «Горячем снеге» строится на том, что он обязан безошибочно избрать ту минуту, когда нужно пустить в ход резерв, – и дожидаться этой минуты, что, наверно, еще труднее. Кроме того, у Бессонова есть личная драма: его сын – власовец.

Художественная правда романа неоспорима, но на то она и художественная, чтобы не совпадать с биографической или исторической. Тысячу раз прав Федерико Гарсиа Лорка⁸³, когда говорит, что жизнь против всех ожиданий оказывается изобретательней и драматичней воображения художника.

Не было у командующего 2-й Гвардейской армией сына-власовца (старшему из моих братьев в 1942-м исполнилось тринадцать лет). Да и сам командарм много моложе Бессонова и пришел к войне с другим военным и душевным опытом. Отец, один из немногих наших командиров, знал другую жизнь: в юности три года воевал во Франции, а накануне Великой Отечественной войны два года в Испании – не самая благонадежная биография. Там, в Испании, он получил опыт ведения современной войны, причем с тем же противником (Гитлер с самого начала гражданской войны в Испании вместе с Муссолини⁸⁴ активно помогал Франко⁸⁵ вооружением и людьми). И наконец, у отца в недавнем прошлом был приказ № 227 с жестокими, разящими словами о его фронте.

Я уже рассказала о Ростове и об аудиенции у Сталина – вот драматическая предыстория командарма 2-ой Гвардейской. Если ее знать, понятно, что судьба командарма, его жизнь и смерть в эти три дня висят на том же, а может, еще более тонком, волоске, что и судьба любого солдата его армии. История все нити сплела здесь в один узел – судьбу страны, судьбу войны, судьбу человека.

А резерв, который так берег командарм в «Горячем снеге», у отца действительно был – два корпуса: механизированный и танковый. Они пошли в дело, когда противник, потеряв надежду прорвать фронт в районе Громославки, начал перебрасывать войска в сторону 51-й армии, измотанной до предела и практически не способной его задержать. Но здесь против Манштейна встали эти сбереженные корпуса. Блистательно воевали тогда танкисты Павла Алексеевича Ротмистрова⁸⁶ (это еще один верный друг отца, с которым они понимали друг друга с полуслова). И в ночь католического Рождества 1942 года, когда взойшла Вифлеемская звезда, стало безошибочно ясно: 2-я Гвардейская исполнила свой долг – Манштейн отходит, а Паулюс остается в Сталинграде.

Уже после войны, в 1946-м году в преддверии 9 мая журнал «Огонек», который более полувека читала вся страна, разослал многим генералам и маршалам анкету с единственным вопросом: «Какой день войны вам наиболее памятен?». Этот номер мне разыскать не удалось, знаю только, что папин ответ (черновик которого сохранился) не был опубликован, а может, папа его и не отослал. Потому что ответ показался ему слишком личным? Или редакции соч-

⁸² Конев *Иван Степáнович* (1897–1973) – маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945).

⁸³ Гарсиа Лорка *Федері́ко* (1898–1936) – испанский поэт, драматург, музыкант и график. Был убит в начале гражданской войны в Испании.

⁸⁴ Муссолини *Бені́то Амількаре Андре́а* (1883–1945) – итальянский политический и государственный деятель, лидер Национальной фашистской партии (НФП), диктатор, вождь («дуче»), возглавлявший Италию как премьер-министр с 1922-го по 1943 г., основатель итальянского фашизма.

Во время испанской гражданской войны с конца 1936 г. на стороне националистов сражались немецкий авиационный «Легион Кондора» и итальянский пехотный «Корпус добровольческих сил».

⁸⁵ Франсі́ско Паулі́но Эрменехільдо Те́одуло Фра́нко Баамóнде (1892–1975) – испанский военный и государственный деятель, диктатор Испании в 1939–1975 годах, генералиссимус.

⁸⁶ Ротмистров *Пáвел Алексе́евич* (1901–1982) – главный маршал бронетанковых войск (1962), Герой Советского Союза (1965), доктор военных наук, профессор. Во время Сталинградской битвы командовал 7-м танковым корпусом, который с 12 по 30 декабря принимал участие в уничтожении Котельниковской группировки противника. 29 декабря 7-й танковый корпус был преобразован в 3-й гвардейский с присвоением ему почётного наименования «Котельниковский».

ла неуместным в преддверии праздника упоминать о сдаче города? Или попросту ответы предполагались короткие? Гадать бессмысленно. Вот что отец написал:

«В память врезалось много дней – и горьких, и радостных. Конечно, хочется сразу сказать – день Победы. И еще день освобождения Одессы, моего родного города.

Но все же памятнее всего мой самый горький день войны – когда пришлось оставить Ростов. Там, под Ростовом, когда не удалось задержать гитлеровскую военную машину, я пережил глубочайшее горе. Летом 1942-го мы отошли, оставив врагу многострадальный Ростов, уже побывавший в руках врага, уже испивший эту горькую чашу. Мы уходили из пылающего города, понутив головы, и сердца наши обливались кровью.

С тех пор, где бы ни приходилось сражаться, ни на день меня не оставляла мысль о Ростове. С этой мыслью я дрался и под Сталинградом, когда 2-я гвардейская преградила путь танковой группе Манштейна, стремившейся разорвать Сталинградское кольцо.

И, наконец, пришел долгожданный час: в ночь на 14 февраля 1943 года начался штурм Ростова. Непосредственно на город со стороны Батайска наступали части генерала Герасименко⁸⁷, от Азова на железную дорогу Таганрог – Ростов, прямо на станцию Синявская шли части генерала Хоменко⁸⁸, Аксайскую атаковали части генерала Захарова⁸⁹, от Новочеркасска на запад двинулись гвардейцы под командой генерала Крейзера⁹⁰. Над немцами в районе Ростова нависла угроза окружения. Первыми в город ворвались курсантские бригады и гвардейцы 34-й воздушно-десантной гвардейской дивизии. В шесть утра город был освобожден. А через три часа мы вместе с Н.С. Хрущевым уже были на улицах Ростова и видели на глазах ростовчан слезы радости. Это был мой первый радостный день в ту войну».

А вот эпилог.

...Спустя полвека, зимой 92-го года я шла по арбатскому переулку к метро – на работу, читать лекцию про ирландское средневековье. Пожилой человек прислонился к стене – ему явно плохо. Дала валидол, довела до скамейки, благо, сквер рядом, прошу прохожих: «Вызовите скорую!». (Сотовые тогда еще далеко не у каждого.) Он смотрит и едва слышно говорит: «Эх, деточка... Ведь сегодня – полвека... Это же мы, мы – 2-я Гвардейская, войну тогда выиграли... И никто, никто не знает...»

– Я знаю.

Он говорит с трудом, и в глазах боль и уже наплывающая пленка:

– Откуда тебе знать...

– Я – знаю. Я – дочь вашего командарма.

И в эту самую минуту из ближнего двора выезжает Скорая. Машу рукой; машина оставилась, оказалось – свободна. Увезли.

Так я и не знаю, помогла ли ему так счастливо подоспевшая попутная бригада. И не знаю имени того солдата 2-й Гвардейской армии. Бог весть, услышал ли он меня, понял ли, что я ему сказала, или его только напугал черный силуэт в метели – черное, до полу, пальто...

Киношный, абсолютно неправдоподобный эпизод – и всё же чистая правда. Если бы не та минута – между жизнью и смертью – я бы и слов таких никогда не произнесла: «дочь командарма». Раз и навсегда я усвоила с самого раннего детства единожды сказанное: «То, что ты моя дочь – сто двадцать пятое дело. Самой надо постараться. И стать человеком». Я – в меру разума – старалась.

Продолжение следует...

1998, 2014, 2015

Одержано 9.10.2015.

⁸⁷ Василий Филиппович Герасименко (1900–1961) – генерал-лейтенант. С сентября 1942 г. по декабрь 1943 г. командовал 28-й армией, отличившейся при взятии Ростова.

⁸⁸ Василий Афанасьевич Хоменко (1899–1943) – генерал-лейтенант. С 21 ноября 1942 г. командовал 44-й армией. Погиб 9 ноября 1943 г. на переднем крае при обстреле его машины, вследствие чего армия была расформирована.

⁸⁹ Георгий Фёдорович Захаров (1897–1957) – генерал армии (1944). В феврале 1943 г. командовал 51-й армией Южного фронта.

⁹⁰ Яков Григорьевич Крейзер (1905–1969) – генерал армии (1962), Герой Советского Союза. 2 февраля 1943 г. принял от Р.Я. Малиновского 2-ю Гвардейскую армию, освободившую Новочеркасск и принявшую участие во взятии Ростова. По окончании этой операции Крейзер получил звание генерал-лейтенанта ордена Суворова 2-й степени.

ABSTRACTS

УДК 82–94(5): 82–31

F.A. Agazade

PROBLEMS OF THE AZERBAIJANI EMIGRANT LITERATURE IN AZIZ MIRAHMEDOV'S SCIENTIFIC HERITAGE

Research in A. Mirahmedov's multilateral literary heritage-scientific of the azerbaijani emigrant literature is especially actual during the modern period. The visible researcher whom A. Mirahmedov is, addressed to the emigrant literature, as in Soviet, and now. Its articles concern to the given type of work «Against falsification of a bourgeois science», «In embraces of a storm», «Dreams of the azerbaijani thinker of national revival», «Ahmedbek Agaoglu», «Ali bek Gusejnzade», interview «I Wish to expiate the fault» and the monography «Ahmed bek Agaoglu».

It is known, that in a soviet-era about representatives of the migratory literature, on their works it was impossible to express objective opinion.

In A. Mirahmedov's work in a soviet-era the same as and other researchers worked on work of representatives of the emigrant literature, had many unilateral statements, the prejudiced attitude, contradictions come across. Such approach, certainly, has been connected with the class approach and party membership of the Soviet literature and literary criticism.

УДК 82–94(5): 82–31

I. Dadashova

AUTOBIOGRAPHISM IN ELCHIN'S PROSE (BASED ON THE DOCUMENTARY NOVEL «ILYAS EFENDIYEV: PERSONALITY AND ART»)

The main source in this article is the documentary novel «Ilyas Efendiyev: personality and art» which holds a special place in national writer's Elchin Efendiyev's prose. Thumbing through the book of the outstanding playwright's life we have paid attention to the details which shows his character. He is closed to the nation with his life and ideals. Impatient person in everyday life I. Efendiyev had a success in oeuvre for several reasons. First of all, it is due to his talent and character. The writer was always responsible in his creations. His honesty, sensitivity, ability to listen to the reader's views patiently, constantly being in search, fidelity to the truth, all this brought success to him. The author listening attentively to the reader's views, honestly narrates about his life's moments in his autobiographical works. As a result, their gains a lot more confidence. So, national writer's I. Efendiyev's life is a life of dignified writer, who lived with love and devotion to the person, and to his works. Therefore it is very important to explore these ways of life.

УДК 821.512.162

K. Huseynova

LITERARY PERSONALITY AND SOCIAL AND CULTURAL ENVIRONMENT AS THE PROBLEM IN RESEARCH AZERBAIJANI LITERATURE OF THE NEW PERIOD

The problem of socio-cultural environment influence on the formation of a literary personality in the 19th century is an important period in the history of Azerbaijani literature. We have summarized the information formed in literary judgments about particular moments and socio-literary environment, analyzed the facts and materials containing the literary attitude of K.Mamedov to these issues. This can be traced consistently and systematically in theoretical investigations conducted by a scholar and literary critic of the Azerbaijani literature of the 19th century.

Nineteenth century is a very complex and controversial period in the political, social and economic, literary and cultural life of the Azerbaijani people. The tsarist policy "Divide and Rule", the endless internal fighting between the khanates led to a disgraceful and shameful event in the history of Azerbaijan – the annexation of the northern territories by Tsarist Russia and the southern territories by Iran. Undoubtedly, this had an impact on the literary and cultural environment, and creative sphere as a whole. In the related studies the peculiar features and real picture of the epoch are sometimes memorable only due to the fact that there is an ideological assessment.

УДК 82/821.0

T.A. Ismailova

PSYCHOLOGISM IN THE WORKS OF ANTON CHEKHOV AND JALIL MAMMADGULUZADEH

Psychologism of a literary work involves the penetration into the depths of the image, the exposure of its soul, anxiety, and secret feelings. In such cases the image in fiction is presented as a "living entity". Psychological

analysis of the characters brings out their internal and external information. In particular, the appearance of the character, his manner of dressing, his behavior, the time and space where he exists create a certain psychological ground for the psychological image exposure. The true essence of the person is revealed in his moral quest, life philosophy and relationship with the surrounding society.

Psychologism is a feature which distinguishes the most profound literary works and produces the strongest impression on the reader. It is impossible to create a completed image without psychologism. The events occurring in the life of a character may seem externally to have one form, but the character may perceive them in completely another way, so these events may have a rather different impact on the character and the readers. Psychologism is revealed when an author should create a completed picture of his character's feelings and experiences, his state of mind.

УДК 82.111(091)

K. Jafarova

REALISM IS POSTMODERNISM

The current paper postulates the idea of literary movements being the amalgam of romantic and realistic techniques that undergo changes as time goes by. As a short article like this precludes following the history of major literary movements in light of this postulate, this paper explains the rationale behind the postulate and discusses only the literary movement of Postmodernism, as encompassing Realism and Romanticism and the transformation of the last two undergone in the process of making the former.

Postmodernism has been the subject of many heated debates and is still considered a controversial issue. Where some critics declare its death, others speak of it as conservatism. Others divide it into two (negative and positive), and some even speak of Postmodern Realism. Some Russian critics greet the advent of Postpostmodernism and many more see it as the end of Modernism. As the discussions continue, the absurdity of the whole issue is being revealed and many wonder if Postmodernism exists as an independent phenomenon or not. If the law of dialectics is applied, the postmodern is said to be the result of negation of the negation, i. e. the negation of Modernism, which in turn negated the kitsch that Postmodernism brought back and made the norm. Leaving aside its current state and by acknowledging romantic and realistic techniques standing behind all the literary movements we can explain even such a complex phenomenon as Postmodernism without losing sight of literature echoing the life of society.

УДК 82–94(5): 82–31

G.S. Khudiyeva

MOTIVES OF PROTEST AGAINST THE SOVIET EMPIRE IN THE CREATION OF DISSIDENT WRITER SABIR AZERI

The main reason for the intransigence of the writer Sabir Azeri against the Soviet empire was the oppression of people's freedom and the management of the society is not based on the principle of justice, but on the basis of application of mass punishment and fear. S. Azeri even from a young age criticized the repression of 1937, carried out the Soviet empire. He was arrested while still a student when he demanded the punishment of the true perpetrators of this crime. He protested against the oppressive system of government, the policy of separating people from their history and national identity. One of the issues worrying the writer, is to limit the freedom of the individual and that the enemy's position, which is engaged in the Soviet empire against the person. S. Azeri believed that the state, ruled by fear, as happened in the Soviet empire, sooner or later sentenced to death. Similar considerations are reflected in such works as «Dalanda» («The impasse»), «İlk təkən», («The first push») «Ölə bilməyən adam» («A man who cannot die»), «Qəbirsiz adam» («The Man without a grave»).

УДК 81'271:001.8

K.I. Mizin

METHODOLOGICAL VALIDITY OF LINGUOCULTUROLOGY VS. CONTRASTIVE LINGUOCULTUROLOGY: ARGUMENTS AND COUNTER-ARGUMENTS

The given article deals with argumentation of methodological validity of linguoculturology vs. contrastive linguoculturology on the background of some critical views of the scientists who do not accept the ideas of American and European determinism. The reason for analyzing this problem is the fact that contrastive analysis of linguocultural material is based theoretically and methodologically on the doctrine of W. von Humboldt about "spirit of the nation" and the theory of lingual relativity of Sapir-Whorf and that one of the main units of contrastive linguoculturology is a linguoculturological concept. It is these foundations that have become the object of the often perfunctory criticism of the linguoculturology in linguistics. This criticism is heard not from the

scientists working in the post-Soviet space (maybe because (contrastive) linguoculturology was formed in this area) but from West-European linguists or those post-Soviet scientists working at West-European universities.

The analysis allows determining that there are no serious bases for total denial of any reasonable sense of Sapir-Whorf hypothesis and postulates of neo-humboldtianists. It is defined that the reason of neglecting the theses of this hypothesis by some researchers lies in the area of its wide interpretation range. The important reason that does not defend the hypothesis of the lingual relativity is universalism of human cognitive processes. That is why it is impossible to accept without denial the extreme expression of the interpretation range of the above-mentioned hypothesis stating that different languages corresponds with different types of cognitive processes. Such interpretation of the lingual determinism for theoretic-methodological basis of the serious (contrastive) linguoculturological studies is alien since establishment of linguospecific elements on the background of the universal factor (cognition, human physiology, environment, etc.) is its basic methodological principle.

УДК 821.161.2

M.K. Naienko

WAR, WRITER, MISSING...

World War II (1939–1941) broken out by two fascisms (Hitler and Stalin) was the most bloody in the 20th century (and up to the point, in the 21st century). It was really the continuation of the policy. Firstly, the above-mentioned fascisms signed the treaty of non-aggression (The Molotov–Ribbentrop Pact). Then they started to divide Europe and the world, Nazi Germany annexed Austria (as in the present Russia annexed the Crimea), the Stalin USSR annexed the Baltic countries and Western Ukraine: millions of people were involved into fighting, all industries of both pro-fascist systems were busy with firearm and other lethal weapon production. As a result, more than 50 million people were killed.

According to the encyclopedia *The Great Patriotic War. 1941-1945* (published in Russian in 1985) more than a thousand writers were involved into the war against Nazi Germany. This figure is obviously diminished. As only in Ukraine they numbered in five hundred and four. These writers were surely talented in different ways and their involvement into the war also was different. Some fought at the fronts, others worked in the military press or other works related to military activities. There were the people who advanced at the forefront and provided the people there with food or basic soldier equipment, and then they were awarded with the medals “For Valiant Labor in the Great Patriotic War 1941-1945”. As for the participants who were fighting, their number was surely smaller.

УДК 821.133.1

N.T. Pakhsarian

STAGES OF TRANSLATION HISTORY IN FRANCE (EXPERIENCE OF ENCYCLOPEDIA ARTICLE)

Translation history in France comprises 4 main stages; they are 14–16th centuries, 17–18th centuries, 19th century, 20–21st centuries. Nicole Oresme, the chaplain of Charles V, made the first and rather precise translation into French in 1370. The source texts were such Aristotle’s works as Ethics, Politics, Economics. His followers were Pierre Bershuar (Livy’s translator) and Robert Gagen (Caesar’s translator). The Renaissance saw a lot of translations from Latin, and classical works of such famous authors as Homer, Virgil, Aristotle, Cicero and Horace were the first to be translated. But the works of Ovid, Livy and Demosthenes were not so popular among translators. Since the translator tried to make the works attractive and comprehensible to the French general public, the translations of 16th century were characterized by the numerous anachronisms, local realias and notions contemporary to those times. Meanwhile, the humanists used the translations to disseminate new ideas and to develop their own language.

At the forefront of all translation there was a desire (not always properly fulfilled) to render the meaning of the source text and “beauty of both languages” in the same time, in attempt to avoid word-for-word translations and to enrich the French language with new words and phrases.

УДК 929 + (0.032) + (0.044) + (0.068)

Yu.V. Patlan

«THE CASE NO. 48. ON THE ADMISSION OF ALEKSANDER YAKOVLEVICH EROSHENKO TO THE STUDENTS OF KHARKOV VETERINARY INSTITUTE» (1912–1916)

The main purpose of the publication is to introduce to the scientific community the comprehensive set of archival documents of early 20th century from the personal file of Alexander Eroshenko (1888-1942?), the student of the Kharkov Veterinary Institute in 1912–1916. Alexander Eroshenko is the elder brother of the symbolist writer Vasily Eroshenko (1890–1952).

Briefly touching the biographies of Vasily and Ivan Eroshenko, article deals mainly with the biography of Alexander Eroshenko. We consider a number of versions of his death, and for the first time introduce new documents from Kharkov, Belgorod, Kursk regional archives, as well as from State Archive of the Russian Federation. Russian State Archive of Social and Political History (Moscow), Sary Oskol regional museum, and, for the first time, from the family archive of A.V. Dzhayani, Alexander's grandson. For the first time we reveal the documents, confirming that Alexander Eroshenko had been studied at religious school in Sary Oskol, and Kursk Theological Seminary. We also confirmed by documents the exact schedule, time period and goals of his work at Chukotka regional "cultural station" (kultbaza): from December 15, 1928 to the summer of 1930.

The papers from Alexander Eroshenko's personal file includes 32 documents on 35 pages. The enclosed are the copies of the birth certificate, personal certificates, documents about his education — i.e. certificate of Kursk Theological Seminary and the diploma of the Kharkov Veterinary Institute of Emperor Nicholas I, as well as protocol of the exam tests, documents on the conscription and its delays, a petition to the Director and to the Board of Kharkov Veterinary Institute, and others. The revealed documents reflect the biography of Alexander Eroshenko from 1888 to 1917. There are no Soviet-time documents, the only exception is the request of Alexander Eroshenko to the Institute, dated September 1924. The place and the cause of A.Ya. Eroshenko's death is to be determined yet.

УДК 82.091

E. Raskina, A. Ustinovskaya

MUSTER OF THREE VOICES: DANTE ALIGHIERI, DANTE GABRIEL ROSSETTI AND N.S. GUMILEV

N. Gumilev mentioned Rossetti in his poem "Muses of poetry, stop sobbing" where he projected his dramatic relations with A. Akhmatova to love affairs between Dante Gabriel Rossetti and Elizabeth Siddal, the muse of the English poets and artists-preraphaelites.

Gumilev ended his sonnet by calling to Muses, mentioning the "brilliant sonnet" and the relations between Dante and Gabriel Rossetti. But besides two couples in love, Dante Alighieri – Beatrice and Dante Gabriel Rossetti-Elizabeth Siddal, another couple is present in Gumilev's works, Cavalcanti-Primavera, who is closely connected to them spiritually. Here we consider the story by Gumilev "The pleasures of love". The love between Dante Alighieri and Beatrice is compared to divine love that calls for admiration and adoration. On the contrary, the love of Dante's contemporary, Florence poet Cavalcanti to his muse Primavera is different. It is human love.

In his book of sonnets "The house of love" Dante Gabriel Rossetti describes the concept of love, understood as a driving force, that serves to satisfy the want for the Beauty and helps a person to understand the spiritual depths.

The English poet and artist Dante Gabriel Rossetti was named after Dante Alighieri. The name of the book of sonnets "The house of life" by Rossetti coincides with the name of the book "New life" by Dante. Rossetti passionately adored Dante. He wrote commentaries to "The Divine Comedy" where he more than once depicted his wife Elizabeth as Beatrice.

The main idea of Rossetti's sonnets is connected with the concept of love that connects spiritual and human aspects. It preserves the human concept of love, Eros but at the same time, it calls for divine concept of love. Such understanding of love was close to the beliefs of poets-acmeists and to N.S. Gumilev in particular.

УДК 82-312.9(44)

S.A. Sideif-Zade

FANTASY AS A GENRE OF MODERN AZERBAIJANI PROSE

Spiritual and genetic roots of the Azerbaijani people, which provide the basis for the myths most associated with moral norms and traditions, define the writers' creative pursuits in this direction. It is the myth being the brightest expression of metaphorical and utopian thinking which grounds a fantasy as a genre. The Azerbaijani literature committed to spiritual and genetic roots has a perceptiveness and inclination to the mythological thinking and artistic and literary plot construction. Craving for the folklore, the values of the national figurative thinking at a new stage is not only the moral feature of the new Azerbaijani prose, but also its aesthetic potential. Unlike the thousand-year tradition of poetry, the tradition of prose is rather young in Azerbaijan, though the tales, epic dastans including the famous epic story of the 10–11th centuries – *Book of Dede Korkut* – include different elements of prose. The presence of folklore in the modern Azerbaijan prose is a natural and logical phenomenon.

УДК 821.161.1

L.M. Sorokina

ANALYSIS OF MIPHOPHOETIC SPACE OF M. BULGAKOV'S MOSCOW FEUILLETONS

The article aims at analyzing mythopoetic aspect of Moscow feuilletons by M.A. Bulgakov. Publicistic style becomes the key aspect of his creative writings. Many of the author's famous characters first came into being through feuilletons.

P.I. Chichikov («Adventures of Chichikov») and Kalsoner («Deviliada») are the prototypes of the later image of Voland. Looking closely at feuilleteons such as «Adventures of Chichikov» and «The capital city looked through a notepad», mythopoetic aspect is being revealed.

The sacred meaning of the geography of different places in Moscow is becoming obvious in the works of the author. As M.O. Chudakova wrote in her book «Biography of M. Bulgakov», «to write about Moscow for Bulgakov (...) was to write about modern state of things». «The city comes into being not as a geographic place. First of all, it is the temple of the human soul, of his very being. The city is more than just a spot on a map. It is more than just a place with highways and infrastructure. It is the place where the cultural aspect becomes revealed».

The Professor of Novosibirsk State University S.A. Smirnov shares the same concept and supports his opinion with the works of such outstanding authors as P.Florensky and St.Augustine. The way, the adventure and the movement represent the key aspects in the creative works of Bulgakov.

His characters set off to distant lands to do heroic exploits that predetermines the future history of mankind. It traditionally includes such aspects as the way forward (direct, indirect, roundabout), the way up and the way down.

УДК 17:821.161

I. Sukhenko

FROM NATURE BELIEFS TO THE POLITICIZED ECOCRITICISM: A BRIEF GLANCE ON UKRAINIAN ECO-IMPERATIVES FORMATION

The premises as well as the early background of ecological criticism in Ukrainian literary studies are under study in the thesis in the aspect of researching “the eco-ethnic complex”, including the physical environment and its ethnic traditions. The special attention is paid to the impact of “ethnic-nature” relations on the specific ethnic character, regarded as a set of social and psychological features that are determined by social, economic, historical as well as geographical factors concerning how society functions and can appear in culture, traditions, and customs. The background of ecocriticism studies within Ukrainian context is studied here as the crossroads of ecological aesthetics and literary studies, based on religious and social perspectives under Ukraine’s social transformations and negative effects of industrialization. The initial steps of ecocritical studies are reconsidered within the formation of Ukrainian ecological consciousness, offering both the background for ecocritical studies and a major source of ethnic self-understanding. It tries to highlight the ironic combination of traditional environmental appreciation and contemporary industrial degradation that have occurred in Ukraine. The paper not only introduces us to a rich body of Ukrainian literature, but also tries to focus on the “ambiguity” that occurs between a renewed ecological consciousness and a continuing ecological degradation. Ukrainian society is currently striving to combine democratization with the persistent memory of post-Soviet approaches to solving social problems.

УДК 811.161.373

V. Zirka

STUDYING OF A PLAUSIBLE ADVERT BY THE STUDENTS-PHILOLOGISTS

The paper deals with the ads of plausible character as an example of the material for selection of training students-philologists contents. It is pointed out that an advertisement is an announcement in a newspaper, on television, or on a poster about something such as a product, event, or job. Advert becomes more and more a manipulative model, keeping to the plausible manner of presentation. At the (very) fact by the use of a word it (ads) appeals to the theme of constant renewal, the subject of beauty, health, family, life, children, success (immutable values) and prosaic reality, based on a hidden mechanism of a peremptory impact on consumers. The lexis accompanied ads assist to persuade addressee in the right for the addresser decision. They are specific words manipulating the consumer. Advertisement is considered to be a reference «vested» with the emotional – evaluated signs.

From the position of linguistic manipulation – advertising – it is an appeal to the consumer, «dressed» in an emotionally-evaluative symbols. They are called on the basis of emerging associations to give vent to imagination, to arouse and to impose the necessary images and desires. Students are taught to translate/create the text using the mentioned mechanisms. In general, these kinds of ads appeal to attract attention of the audience in order to reveal the true meaning of the real text.

НАШІ АВТОРИ

Агазаде Фірангіз Арзу кизи – докторант кафедри сучасної азербайджанської літератури Бакінського державного університету (Азербайджан).

Гусейнова Кенуль Айдин кизи – докторант Інституту літератури імені Нізамі Національної академії наук Азербайджана (Баку).

Дадашова Ілаха Сіявуш кизи – докторант кафедри сучасної азербайджанської літератури Бакінського державного університету (Азербайджан).

Джафарова Хадіджа – докторант кафедри філології та журналістики Азербайджанського університету мов (Баку).

Зірка Віра Василівна – доктор філологічних наук, професор кафедри англійської філології та перекладу Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля.

Ісмаїлова Тамам Алі кизи – докторант філологічного факультету Бакінського державного університету (Азербайджан).

Малиновська Наталія Родіонівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри історії зарубіжної літератури філологічного факультету Московського державного університету імені М.В. Ломоносова (Москва, Російська Федерація).

Мізін Костянтин Іванович – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри перекладу Кременчуцького національного університету імені Михайла Остроградського.

Наєнко Михайло Кузьмович – доктор філологічних наук, професор кафедри слов'янської філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

Патлань Юлія Валеріївна – провідний науковець відділу архівів Національного центру народної культури «Музей Івана Гончара» (Київ).

Пахсарьян Наталія Тигранівна – доктор філологічних наук, професор кафедри історії зарубіжної літератури філологічного факультету Московського державного університету імені М.В. Ломоносова (Російська Федерація).

Раскіна Олена Юріївна – доктор філологічних наук, доцент, науковий співробітник Міжнародного гуманітарно-лінгвістичного університету (Москва, Російська Федерація).

Сидеїф-заде Севіндж Алі кизи – дисертант кафедри зарубіжної літератури Бакінського державного університету (Азербайджан).

Сорокіна Любов Михайлівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри журналістики та реклами Московського гуманітарного інституту імені К.Р. Дашкової (Російська Федерація).

Сухенко Інна Миколаївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри масової та міжнародної комунікації Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара.

Устиновська Альона Олександрівна – старший викладач Міжнародного гуманітарно-лінгвістичного університету (Москва, Російська Федерація).

Худієва Гюльшана Салім кизи – докторант кафедри мови та літератури Азербайджанського університету мов (Баку).

OUR AUTHORS

Agazade Firangiz Arzu qyzy – Doctorant of Modern Azerbaijan Literature Department of Baku State University (Azerbaijan).

Dadashova Ilakha Siyavush qyzy – Doctorant of Modern Azerbaijan Literature Department of Baku State University (Azerbaijan).

Huseynova Konul Aydin gizi – Doctorant of Nizamy Literature Institute of Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku).

Ismailova Tamam Ali qyzy – Doctorant of Philological Faculty of Baku State University (Azerbaijan).

Jafarova Khadidzha – Doctorant of Philology and Journalism Department of Azerbaijan University of Languages (Baku).

Khudiyeva Gul'shana Salim qyzy – Doctorant of Language and Literature Department of Azerbaijan University of Languages (Baku).

Malinovskaya Nataliia Rodionivna – PhD in Philolog, Assistant Professor of Foreign Literature Department of Philological Faculty of M.V. Lomonosov Moscow State University (Russian Federation).

Mizin Kostyantyn Ivanovych – Doctor of Letters, Professor, Head of Translation Department of Mykhailo Ostrograds'ky Kremenchuk National University.

Naienko Mikhailo Kuzmovych – Doctor of Sciences in Philology, Professor of Slavic Philology Department of Institute of Philology of Taras Shevchenko Kyiv National University.

Pakhsaryan Nataliia Tyhranivna – Doctor of Letters, Professor of Foreign Literature Department of Philological Faculty of M.V. Lomonosov Moscow State University (Russian Federation).

Patlan Yuliia Valeriivna – Leading Scientific Associate of the National Center of Folk Culture «Ivan Honchar Museum» (Kyiv).

Raskina Olena Yuriivna – Doctor of Letters, Associate Professor, The Research Associate of the International Humanity-linguistic University (Moscow, Russian Federation).

Sideif-zade Sevindzh Aki qyzy – Dissertant of Foreign Literature Department of Baku State University (Azerbaijan).

Sorokina Liubov Mykhailivna – PhD in Philology, Assistant Professor of Journalism and Advertisement of K.R. Dashkova Moscow Humanities Institute (Russian Federation).

Sukhenko Inna Mykolaivna – PhD in Philology, Assistant Professor of Mass Media and International Communication Department of Oles Honchar Dnipropetrovsk National University

Ustynovs'ka Aliona Oleksandrivna – Senior Lecturer of the International Humanity-linguistic University (Moscow, Russian Federation).

Zirka Vira Vasylivna – Doctor of Sciences in Philology, Professor of English Philology and Translation Department of Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk.